

Сергей Волков

Чингисхан

Книга первая
ПОВЕЛИТЕЛЬ СТРАХА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Волков, С.

В67 Чингисхан. Книга первая. Повелитель Страха. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Когда Артем Новиков в 1979 году получает в наследство от дальнего родственника запертую шкатулку, он еще не догадывается, что судьба его отныне накрепко связана с Чингисханом. Серебристая фигурка заставит Артема расстаться с близкими, изменит характер, бросит в огненный ад Афганской войны – и покажет, как нищий монгольский сирота, обреченный на смерть, стал Властелином Вселенной. Сила Чингисхана дремлет, но близится день, когда она сможет вернуться в мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

ISBN 978-5-904454-19-7

© Рыков К., 2010
© Волков С., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

«Боисься – не делай, делаешь – не бойся!»

Чингисхан

*«В истории возвышения Чингисхана сомнительно все,
начиная с даты его рождения»*

Л. Н. Гумилев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

10,4 мм

Приклад винтовки вжимается в плечо. Черное яблочко мишени садится на пенек мушки. Теперь нужно убрать дыхание. У каждого стрелка своя метода. Кто-то набирает полную грудь воздуха и пытается не дышать, пуча глаза. Кто-то дышит, но животом, стараясь, чтобы плечевой пояс оставался неподвижным. Я использую «способ Маратыча» – делаю глубокий вдох, прокачивая альвеолы, потом вдыхаю вполсилы, а последний перед выстрелом вдох делаю еле заметный, одними верхушками легких. И ласково нажимаю на спусковой крючок.

Выстрел!

Рука привычно передергивает затвор, серый цилиндр гильзы прыгает по полу. Я с наслаждением вдыхаю пороховую гарь. Маратыч приникает к окуляру зрительной трубы. Он еще не увидел, но я уже знаю, что попал. Это знание обычно приходит еще до выстрела. Если прицел взят правильно, если дыхание не сбилось, если не дрогнул палец, если тот неведомый медицине орган, что есть у каждого настоящего стрелка, вовремя подсказал: «Пора!» – будет десятка.

Эта самая десятка размером с двухкопеечную монетку. Десять и четыре десятых миллиметра, если быть совсем точным. Попасть в нее с пятидесяти метров – та еще задачка. Но мы по-

падаем, кто-то чаще, кто-то реже. Сегодня мне везет. Сегодня я отстрелялся «по-ворошиловски».

С чувством удовлетворения от хорошо сделанной работы я встаю с мата, держа винтовку стволом вверх. Это уже рефлекс – только стволом вверх, в серый деревянный потолок. От греха. Ибо – были случаи. Маратыч часто любит повторять: «Каждая буква в правилах техники безопасности написана кровью тирщиков». Тирщики – это он так называет всех стрелков, в том числе себя и нас, членов сборной команды по пулевой стрельбе спортобщества «Динамо» города Казани.

Я улыбаюсь. Маратыч наконец, высматривает в трубу результат последнего выстрела и его изуродованное шрамами лицо искажает зверская гримаса. Это означает – мой тренер доволен.

– Пятьдесят семь из шестидесяти, – скрежещет Маратыч. – На зоналку ты, считай, отобрался. Если там выступишь не хуже – поедешь на первенство Союза...

– А если и там будет так же? – спрашивает мой приятель Витек Галимов, двигая белесыми бровями.

– Если да кабы... – ворчит Маратыч, скаля прокуренные клыки. – Думаешь, он один такой? Все в сборную хотят...

Я на секунду зажмуриваюсь. Сборная, Олимпиада... Она, конечно, будет только через год, но все же...

– Кор-роче: мечтать не вредно, – подытоживает Маратыч. – Все, пацаны, на сегодня шабаш!

Я сдаю винтовку, иду в раздевалку. Там уже никого нет – Маратыч отпустил всех пораньше, чтобы дать мне возможность отстрелять серию в спокойной обстановке. Из болельщиков присутствовал один Витек, но ему можно, потому что, во-первых, он мой друг, а во-вторых, он «везунок».

В раздевалке пахнет табаком, потом, резиной, бензином и машинным маслом. Помимо нас, тут переодеваются еще мотоциклисты-кроссовики, но у них тренировки утром. Мы практически не пересекаемся и знаем о наших коллегах

только по этому терпкому запаху гаража, запаху суровых мужчин. Впрочем, порох, которым пропахла моя футболка, в этом плане ничуть не хуже. «Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу»¹, – любит повторять Маратич. Мы ему верим, он двадцать семь лет отслужил в армии и прошел три войны.

Я переобуваюсь. Витек вьется рядом. На его веснушчатом лице живет такая широченная улыбка, словно это не я, а он только что отстрелялся на золото.

– Может, отметим это дело? – заговорщицки подмигивает мне Витек. – Айда в «Вампир», вмажем по паре кружек, а?

Я зашнуровываю кеды, вешаю на плечо синюю сумку с красной надписью «СССР» и виновато хлопаю его по плечу. Витька хороший парень, но мне сегодня не до бухла.

– Давай в пятницу, – говорю я. – А сегодня я Надюху в кино пригласил.

– Это которую Надюху? – немедленно задается вопросом Витек. И тут же сам себе отвечает: – С геофака? Или Аверину?

– Ты ее не знаешь. Она в КАИ учится, – я смотрю на часы. Времени у меня в обрез – добраться до дома, переодеться и подскочить к «Дружбе».

Июльская жара обрушивается на меня, солнечные лучи прошивают тело навылет. Над Казанью плывут белые облака. Они отражаются в Волге и издали кажется, что по огромной реке плывут льдины. Горячий ветер гонит облака в сторону Верхнего Услона. За Волгой висит желтоватое марево. Облака тают в нем, зной плавит их, как куски масла на сковородке.

Сад Эрмитаж манит прохладой. Там, под сенью листвы, с визгом носится ватага голоногих пацанов, поливающих друг друга водой из брызгалок. Колокол громкоговорителя звенит голосом Пугачевой: «Лето, ах лето...». Здорово было бы сейчас

¹ Это выражение приписывается Козьме Пруткову.

купить мороженное, присесть на скамейку под раскидистым тополем, откинуться на изогнутую спинку и насладиться покоем. Но покой нам, как известно, только снится, потому что жизнь – это вечный бой.

Я останавливаюсь на углу Щапова и Пушкина у автоматов с газированной водой. стакан чистенькой, без сиропа – вот то, что мне нужно. В кармане бренчит мелочь, но копеек там не оказывается. Кидаю в щель троячок, автомат урчит, клоочет и плюется рассерженным верблюдом. стакан остается практически пустым. Воды нет. Ее выпили измученные июлем сограждане. Проходящие мимо девушки смотрят на меня с сочувствием. С трудом одолеваю соблазн хватить стаканом об раскаленный асфальт и иду вниз, к Кольцу.

Я несколько слухавил, когда говорил Витьку про кино. То есть в кино-то мы с Надей сегодня идем, но до того мне нужно встретиться с одним человеком. Человек этот – «жук». Ну, или «жучок». Так блатные называют подпольных торговцев книгами. «Жучки» работают тихо, скрытно, но в отличие от магазинов, способны достать любое издание, любую книгу, хоть современную, хоть букинистическую.

Мой «жучок» – старый, лысый человечек с унылым пористым носом, нависающим над толстыми губами. Его зовут вычурно и провокационно – Соломон Рувимович. Он работает в «Доме Печати» на улице Баумана в киоске периодики. Это очень удобно для «жучка» – заказчики могут подходить под видом покупателей, листать газеты, журналы, беседовать с продавцом, не вызывая никаких подозрений.

Соломон Рувимович обещал найти для меня прижизненное издание Гиляровского. Эта книга нужна мне для курсовой. Курсовая – мой хвост, без нее об учебе можно забыть. Говорят, что дореволюционный вариант «Москвы и москвичей» содержит несколько глав, отсутствующих в советских изданиях «дяди Гиляя». Тема моей курсовой звучит несколько пугающе

для неподготовленного человека: «Мещанство в русской журналистике начала XX века». Материалы по такой теме собирать трудно. Я очень надеюсь на дореволюционного Гиляровского и Соломона Рувимовича.

«Дом Печати» серым утесом высится над улицей Баумана. Вдали, в знойном мареве, колышятся стены и башни казанского кремля. Узкая пирамидка Сююмбеки кажется новогодней елкой, которую неведомый шутник выкрасил в кирпично-красный цвет.

Новый год... Снег, много снега! Я хочу Новый год прямо сейчас. Но вместо снега у меня под ногами мягкий асфальт. Каблуки женских туфель оставляют в нем глубокие следы-ямки. Толкнув тяжелую дверь, я вваливаюсь в прохладу «Дома Печати» как в убежище. Толстые стены этого здания, выстроенного еще до войны в модном тогда стиле конструктивизма, не пускают внутрь жару.

Я с удовольствием вдыхаю запах типографской краски, клея и сургуча. Сразу становится спокойно и уютно. Проходя мимо полок с книгами, я машинально пробегаю глазами по корешкам в поисках новинок.

Вот и киоск «Союзпечать». Соломон Рувимович, облаченный в неизменный синий халат, сквозь очки с толстенными стеклами читает журнал «Огонек». Несколько человек топчутся у витрины с газетами, но это не «клиенты», как называет своих заказчиков «жучок» (он вообще любит «экать»), а случайные люди.

Поздоровавшись, я беру в руки свежий номер журнала «Катера и яхты». Соломон Рувимович поднимает на меня скорбные глаза и произносит, словно мы расстались минуту назад.

– Они таки выжили этого Сомосу. Прэдставляете? Я всегда говорил – помимо Кубы нам нужен еще один союзник в Центральной Америке. И вот вам: сэгодня сандинисты взяли Ма-нагуа. Сомоса бежал в США.

Он произносит не «СэШэА», а именно «США». Соломон Рувимович увлекается политикой. Он из тех людей, которых, по выражению дяди Гоши, «Гондурас беспокоит».

Я киваю, всем видом давая понять, что поддерживаю и Соломона Рувимовича, и отважных сандинистов. Хотя, если честно, мне плевать на Никарагуа. Меня сейчас волнует Гиляровский.

– Увы, – печально вздыхает «жучок» в ответ на мой не высказанный вопрос. – Гиляровский пока не пришел.

Черт! Я едва не скриплю зубами от злости. Черт и еще раз черт! Вот ведь невезуха. Сегодня девятнадцатое июля, мне кровь из носу нужно сдать курсовую до двадцать пятого числа, а там еще конь не валялся.

– Подвели вы меня, Соломон Рувимович.

Старик трясет носом, словно собирается клюнуть меня и бормочет, не двигая толстыми губами:

– Тысячу извинений, молодой человек. Могу предложить уникальное издание. Ваш период, очень, очень редкий экземпляр. Один из моих клиентов предлагал за него десять рублей. Но вам, учитывая ваше положение, отдам за пять.

– Что за книга? – я стараюсь, чтобы в моем голосе не звучало никаких эмоций. «Жучок» – настоящая продувная бестия, с ним нужно держать ухо востро.

– Т-ш-ш! – шипит Соломон Рувимович. – Через минуту на обычном месте...

Я киваю и иду к выходу. Покидать «Дом Печати» и выходить на улицу не хочется, но дело есть дело. Соломон Рувимович ставит на витрину табличку «Перерыв 5 мин.» и скрывается в подсобке.

«Обычное место» – маленький дворик на Астрономической улице, в двух шагах от «Дома Печати». Здесь «жучок» обычно встречается с «клиентами». Мы идем туда порознь – я по улице, а Соломон Рувимович – какими-то одному ему известными тайными тропами.

Мне еще ни разу не удалось обогнать старика, хотя он двигается медленно и к тому же хромает. Вот и сейчас «жучок» уже на месте и дожидается меня, присев на низенький железный заборчик. Над его головой хлопают крыльями голуби. В руках у старика – вытертый кожаный портфель с двумя замками. Портфель едва ли не старше Соломона Рувимовича и он никогда не расстается с ним.

– Прошу вас, молодой человек... – щелкают замки и мне в руки ложится довольно увесистая книга, обернутая в кальку. Я открываю титул и шепотом читаю название:

– «Альманах Санкт-Петербургского императорского эзотерического общества», издание тысяча девятьсот шестнадцатого года... Что это, Соломон Рувимович? Вы же знаете мою тему...

– Э, не спешитэ, Артем, не спешитэ! – старик растягивает свои негритянские губы в улыбке. – Уверяю вас, здэсь вы найдете немало интересного, в том числэ и по вашей тэматике!

Я наугад раскрываю книгу. Сорок седьмая страница. Желтая ломкая бумага понизу изъедена книжным червем, но в остальном сохранность альманаха довольно приличная. Глаза цепляются за текст: «Суеверия есть обобщенный коллективный опыт народа, прошедший проверку временем».

Листаю. Вот подробный чертеж столика для спиритических сеансов. «Диаметр крышки составляет 666 миллиметров, высота ножек – 13 вершков. Для изготовления сего атрибута надобно взять сухую осину, срубленную в Иудин день, сиречь 1 марта».

На другой странице – рецепт приготовления амальгамы для зеркал, «позволяющих узреть будущность». Сложные химические формулы, описание технологического процесса. И тут же текст заговора от зубной боли: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, аминь, аминь. Каин, Каин, Каин окаянный!...»

Еще через несколько страниц натыкаюсь на заголовок: «Религия древних монголов и ее влияние на национальный характер». Причем тут монголы? Бред какой-то.

Далее следует сочинение некоего N, озаглавленное: «О магических предметах и их влиянии на судьбы владельцев». Внутри разворота сложенный в несколько раз тонкий лист изрисованный фигурками животных, птиц и рептилий. Разворачиваю и пробегаюсь глазами — похоже на схему. Стрелки от одного рисунка к другому, что-то обведено, что-то зачеркнуто, знаки вопросов — похоже, человек, который составлял эту схему и сам ни черта не понимал в том, что он делает.

– В этой книге собраны отчеты и статьи членов общества, – журчит над ухом голос Соломона Рувимовича. – Среди них были видные дэятели искусства, науки и даже политики! Особенно хотел бы обратить вашэ внимание на два матэриала. Один принадлежит пэру самого Гурджиева, второй – его соратнику и единомышленнику Петру Успенскому. Вот посмотритэ – это наброски к «Взгляду из реального мира», а на сто двенадцатой странице тэзисно изложен легэндарный «Четвертый путь». Вы прочтитэ, прочтитэ...

Пролистав альманах до названной страницы, я читаю:

– «Гурджиев начертил чертеж: Человек-Овца-Червь. Человек состоит из трех этажей, овца — из двух, червь — из одного. Нижний и средний этажи человека, так сказать, эквивалентны овце, а один нижний — червю, что позволяет говорить, что человек состоит из человека, овцы и червя, а овца — из овцы и червя...» Шизофрения какая-то!

Соломон Рувимович мелко хихикает, потирая сухие коричневые ладони.

– Ах молодость, молодость... Знаете, в моем возрастэ эти вещи воспринимаются несколько иначе. Когда до чэрвей осталось совсем чуть-чуть, поневолэ задумываешьсэ – каким образом все это будет...

– Что «это»? – не понимаю я.

– Смэртэ, молодой человек, смэртэ...

Пролистнув несколько страниц, я выхватываю из мешанины букв еще одну фразу: «Встретивший мертвеца к мертвецу и отправится».

– Тьфу ты! – я захопываю альманах и едва ли не силой впикиваю его в руки «жучка». – Соломон Рувимович, мне нужен Гиляровский. На худой конец Успенский, но только не какой-то там Петр, а Глеб Иванович! А эта книга... она...

– Отдам за пять рублэй! – быстро произносит старик. – Уникальное издание, до наших днэй дошло всего нэсколько экземпляров...

– Нет, – решительно отвечаю я. Книга занятная, но отдавать за нее пять рублей... – Я найду к вам через три дня. Если к тому времени появится Гиляровский, я его возьму.

Соломон Рувимович качает головой.

– Жаль, жаль... Я постараюсь найти Гиляровского, но не обещаю.

– Всего вам доброго, – я покидаю дворик и по Астрономической поднимаюсь к университету, обгоняя вяло плетущих прохожих. Напротив главного входа на «сковородке» плавится памятник молодому Володе Ульянову. Скамейки вокруг пусты – абитуриенты уже сдали вступительные экзамены и университетский городок пуст.

Настроение мое неожиданно портится. Дурацкая фраза про мертвеца, вычитанная в альманахе, вертится в голове, жужжит назойливой мухой. По Университетской, прозванной в народе «аэродинамической трубой» за вечно дующий здесь ветер, я спускаюсь на улицу Пушкина, но прямо посередине останавливаюсь. Путь мне преграждает похоронная процессия. Открытый грузовик, гроб в еловом лапнике, десяток скорбящих, бредущих следом.

«Встретивший мертвеца к мертвецу и отправится». Прижав локтем сумку, я кидаюсь в соседний дворик, запутываюсь в каких-то сохнувших простынях, лезу через поленницу дров.

Черт бы побрал этого «жучка» с его эзотерикой! Дрова у меня под ногами разъезжаются, я падаю, попадаю ногой в лужу мутной воды. Гнилостный запах обволакивает меня, плывет над двором.

– Ты что, охренел? – кричит мне из окна мрачный мужик в майке. – Куда прешь, козел?!

– Да пошел ты! – ору я ему в ответ и, проклиная теперь уже не «жучка», а казанские трущобы, хлопаю дверь проходного подъезда.

Вот и улица Пушкина. Трамвайные рельсы блестят под немилосердным солнцем как намащенные. Желто-красный вагон устало гремит железными кишками, натужно одолевая подъем. Я смотрю на номер – «пятерка»! Приходится сделать маршбросок до остановки, но, даже зажав в руке билетик и усевшись на бугристое сидение, я все еще не могу отойти от пережитого.

Встретивший мертвеца к мертвецу и отправится...

До начала сеанса – полчаса. Торопливо ужинаю, поглядывая на часы. С минуты на минуту должна прийти Надя.

Нож выскальзывает из моих пальцев, падает на край стола, а оттуда – на пол.

– Ручкой о столешницу постучи, – советует мать, не оборачиваясь. – А то придет незванный гость.

– Почему незванный? – удивляюсь я. – Надя же должна зайти. Я тебе говорил: мы в кино собрались, на «Экипаж».

– Это если бы ты вилку уронил, – объясняет мать. – А то – нож.

Мне вспоминается фраза из альманаха «жучка»: «Суеверия есть обобщенный коллективный опыт народа, прошедший проверку временем». Я кладу нож в мойку и отправляюсь в свою комнату – пора переодеваться, времени уже половина девятого. Звонок в дверь застает меня перед открытым шкафом.

– Мам, это Надя. Открой, а то я в трусах!

Проблема выбора рубашки в жару приобретает воистину планетарные масштабы. Нейлоновую не оденешь – сразу же ис-

течешь потом, с длинным рукавом не пойдет – будешь выглядеть debil дебилом. Тенниска с тремя пуговками на воротнике какая-то линялая – тоже мимо. В итоге останавливаю свой выбор на цветастой футболке, сплошь покрытой надписями на разных языках «Олимпиада-80». Вот, это как раз то, что нужно.

Краем уха я прислушиваюсь к происходящему в прихожей. Мать с кем-то разговаривает, но это явно не Надя. Голос глуховатый, мужской.

«Кого там принесло? А нож-то сработал, вот и не верь после этого в приметы», – я застегиваю свои парадные польские джинсы и выхожу из комнаты. Мать запирает дверь. На тумбочке под зеркалом лежит какой-то конверт.

– Новикову Артему Владимировичу. Тебе, – кивает мать. – Заказное, с доставкой. Я расписалась.

– Откуда? – я беру письмо, верчу его в руках, разглядывая марки с космонавтами. «Союз-Аполлон, 1975г. Почта СССР». Года три назад я бы непременно отклеил их над паром – для коллекции.

– Обратный адрес посмотри, – говорит мать.

Я читаю вслух:

– «Москва, Ленинградский проспект, дом номер восемнадцать, квартира... Чусаева Людмила Сергеевна». Чего-то я таких не знаю...

– Чусаева Людмила... Чусаева... – бормочет мать. – Погоди-ка! А это не жена ли Николая Севостьяновича?

– Какого еще... – ворчу я, вскрывая письмо, и вспоминаю: точно, есть у нас в Москве родственники по отцу, именно что Чусаевы! И Николай Севостьянович – большая шишка, в семье его называют «дядя Коля из ЦК».

В конверте оказывается напечатанный на машинке лист бумаги.

– Читай! – требует мать.

– «Здравствуйте, уважаемый Артем...»

Мое имя вписано в пустой строчке от руки красивым, каллиграфическим почерком. Весь остальной текст печатный.

– «С прискорбием сообщаю Вам, что Ваш родственник, а мой муж Николай Севостьянович Чусаев 10 июня сего года скоропостижно скончался. Согласно последней воле покойного, на сороковой со дня смерти день в присутствии нотариуса и всех родственников будет оглашено завещание Николая Севостьяновича. Так как Вы входите в их число, убедительно прошу Вас прибыть в Москву не позднее 20 июля и связаться со мной по телефону 234-42-31.

С уважением, Л.С. Чусаева».

– Двадцатое – это же завтра... – растеряно говорит мать.

Это было как выстрел. Хороший, результативный выстрел. Пуля угодила точно в центр кружка диаметром в десять и четыре десятых миллиметра.

Встретивший мертвеца к мертвецу и отправится...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наследство

Колеса поезда выбивают по рельсам бесконечный ритм: тадах-тадах, тадах-тадах. Вагон чуть раскачивается, на столике позвякивают в пустых стаканах ложечки. Я лежу в темноте с открытыми глазами. Спать не хочется. Я вообще плохо сплю в поездах, а сейчас, когда в голове бродят разнообразные мысли, мне не удалось бы уснуть даже дома.

В кино мы с Надей, конечно же, не попали. Сборы были короткими – до ночного поезда оставалось полтора часа. Пока мать на кухне вздыхала и резала мне в дорогу бутерброды, я в прихожей объяснялся с Надей. Девушка заворожено смотрела на свое отражение в зеркале и все повторяла:

– Завещание, наследство... Как в романах Дюма!

Надю я знаю, что называется, всю жизнь. Мы живем в одном подъезде, она на пятом этаже, я – на третьем. В детстве ходили в одну школу, гуляли в одном дворе, но до прошлого года практически не общались. Надя была на два года младше и я ее просто-напросто не замечал. Не замечал до тех пор, пока она не выросла в красивую, стройную девушку с длинными пепельными волосами.

Помню наш первый разговор:

Я (как можно равнодушнее): «Привет! Че седня делаешь?»

Она (улыбаясь): «Да ниче».

Я (еще более равнодушно): «Тут вот билеты у меня образовались в Дом офицеров. Пойдешь?»

Она (уже без улыбки): «Да...»

С того времени прошло больше года. Наши отношения развивались по традиционной колее – конфетно-букетный период

мягко перешел в скамеечно-поцелуйный и дворовые старушки заговорили о скорой свадьбе.

Хотел я жениться на Наде? Наверное, да. Любил ли я ее? Опять же, наверное, да. Она была хорошей. Простой, хорошей девушкой без закидонов. Но...

Мать как-то сказал мне:

– Артем, ты главное – не торопись.

– В каком смысле?

– Во всех. В семейных делах ошибка иногда стоит очень дорого...

Я тогда не сразу понял, что она имела в виду. А потом догадался. Мама намекала мне, что нужно получше приглядеться к Наде, чтобы у нас не получилось так, как вышло у матери с отцом.

Отец... Я его совсем не помню. Он ушел от нас, когда мне едва исполнилось два года. Взял и просто ушел. А спустя три дня прислал матери телеграмму: «Прости тчк Я люблю другую женщину тчк Мы уехали Кустанай тчк Деньги Теме буду присылать регулярно тчк Владимир».

Родители отца безоговорочно взяли сторону мамы и до сих пор поддерживают с нами хорошие отношения. Видится с сыном и «этой шалавой», как называет вторую жену отца бабушка, они отказались. По общему согласию мне до 14 лет говорили, что отец находится в долгосрочной антарктической экспедиции, показывали письма, якобы пришедшие от него. Я все эти годы «болел» Антарктидой, изучил этот континент и историю его освоения, что называется, от и до. А потом выяснилось, что письма писал дедушка, отец живет в Кустанае, а моя мать – брошенка.

Несмотря на ранний час, Москва встречает меня духотой. Солнце немилосердно палит с небес, воздух тяжелый и плотный – хоть ножом режь. Казанский вокзал полон народу. Июль, разгар курортного сезона; по перронам, обливаясь потом, во-

локутся отцы семейств, нагруженные чемоданами, сумками и узлами. Галдят дети, зычно покрикивают «Па-а-аберегись!» носильщики, кто-то смеется, кто-то плачет.

У стены багажного отделения, в тени, на гряде рюкзаков живописно расположилась пестрая компания – парни с длинными волосами, девчонки в джинсе. Звенит гитара.

Поодаль прохаживается милиционер в светлой рубашке и фуражке с белым чехлом. Он косится на певца и его слушателей, но не подходит.

Вместе с толпой гостей столицы ныряю в здание вокзала. На больших часах половина восьмого утра. Первым делом мне надо найти телефон и позвонить. Номер я помню наизусть. Как добраться до нужного дома, мы с мамой выяснили по старой, десятилетней давности, карте Москвы. Ленинградский проспект начинается от Белорусского вокзала.

– А уж до восемнадцатого дома ты и пешком дойдешь, – сказала мать. – По правой стороне номера четные – не ошибешься.

В общем, надо позвонить – и можно ехать на станцию метро Белорусскую.

Телефоны, обычные автоматы, упрятанные под невиданные мною, футуристические колпаки из толстой пластмассы, обнаружились в фойе вокзала. Поверху шла непонятная надпись: «таксофон». Я с минуту потоптался рядом, пытаюсь понять, чем этот самый таксофон отличается от обычного городского телефона, но никаких отличий не заметил. Подходит человек, опускает «двушку», набирает номер, говорит: «Алло!».

И я делаю так же. Трубку берет мужчина:

– Да.

– Здравствуйте! Это Артем Новиков из Казани. Мы только вчера получили ваше письмо...

– Одну минуточку, – перебивает меня мужчина. В трубке слышится шуршание, какие-то щелчки, потом женский голос тихо, но твердо произносит:

– Да, говорите!

Снова представляюсь.

– Здравствуйте, Артем. Это Людмила Сергеевна. Очень хорошо, что вы приехали. Ждем вас к шестнадцати часам дня. Адрес знаете? Всего доброго...

«Вот это номер! – думаю я, вешая трубку. – Сейчас семь пятьдесят, до шестнадцати – восемь часов. И где мне шататься все это время? Тоже мне, родственнички... Могли бы и в гости пригласить...»

Тут я вспоминаю, что мать заказывала купить в магазине «Балатон» французскую тушь «Ланком», которая не течет и венгерский крем для рук. Под это дело мне выдано двадцать пять рублей, зашитых в носовой платок и прикрепленных булавкой к майке. Я до последнего отбивался от этого «старушачьего сейфа», но мать была непреклонной: «Знаешь, сколько в поездах жулья? Оглянуться не успеешь – без штанов останешься!».

День проходит, что называется, в бегах. В «Балатоне» туши не оказывается, но добрые люди в длинной очереди за кремом подсказывают, что «Ланком» можно купить во «Власте» на Ленинском проспекте. Загрузив в сумку две ароматно пахнущие детством баночки крема, мчусь в эту самую «Власту», оказавшуюся в конце широченного проспекта. Жара в Москве переносится еще хуже, чем в Казани. Я обливаюсь потом и дышу открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

За тушью приходится стоять почти два часа. В магазине очень душно. Мне жутко хочется пить. Я то и дело бегаю в соседний гастроном за лимонадом. Четыре бутылки «Золотого ключика» проявляют себя, когда до вожденного прилавка остается человек десять. Тут уж отлучаться нельзя – пропустишь очередь, никто тебя потом не пустит. Мужественно терплю, мысленно проклиная всех тех эстетов, что придумали косметику и научили женщин ею пользоваться.

Из магазина я буквально выбегаю – терпеть нет никаких сил. Затравленно озираясь, вижу на другой стороне проспекта вывеску «Диетическая столовая». Благодарю всех богов на свете и мчусь туда. Народу в столовой мало, туалет свободен.

Мою руки, чинно беру поднос и иду на раздачу. Борщ – тридцать копеек, пюре за десять копеек с двумя паровыми котлетами по одиннадцать, винегрет за девять, компот за шесть, сочник за восемь. Итого восемьдесят пять копеек. При моей стипендии в пятьдесят пять рублей – дороговато. У нас в Казани я обычно обедаю за полтинник и там как-то... вкуснее, что ли?

С борщом покончено, берусь за второе. Да-а, а хлеба в московских котлетах поболее будет, чем в наших, казанских...

Потягивая компот, разглядываю людей за столиками. Мое внимание привлекает группа молодых парней с раскосыми глазами — Китайцы? Вьетнамцы? Монголы? Возможно, приехали сюда учиться или какая-то спортивная сборная. Есть ли спортивная сборная в Монголии? От этой мысли становится смешно — я представляю себе мрачных кочевников, плетущихся по тайге на низкорослых лошадях. Из динамиков, висящих на раскрашенных под русские березки столбах, слышится звонкий голос ведущей: «Продолжаем передачу «По заявкам радиослушателей». Сейчас по просьбе бригады буровиков из города Мегиона звучит песня «Надежда» в исполнении Анны Герман.

Смотрю на часы – ого, а времени-то уже без пяти три! Ставлю поднос с грязной посудой на ленту транспортера и спешу к выходу – через час я должен предстать перед своими никогда не виденными родственниками...

Москва живет Олимпийскими играми, хотя до начала соревнований еще целый год. Всюду – в витринах магазинов, на стенах домов, на крышах – символика будущих соревнований. С огромных плакатов улыбчивые строители машут верхонками: «Сдадим олимпийские объекты в срок!»

Мне нравится эмблема игр – над пятью кольцами пять беговых дорожек, устремленных ввысь и увенчанных звездой. Эмблема напоминает и московские здания-высотки, и летящий в небе сверхзвуковой лайнер Ту-144.

Ленинградский проспект оглушает меня ревом машин. Вокруг большие «сталинские» дома, тротуары заполнены людьми. Теперь уже не спеша – до четырех еще целых пятнадцать минут – шагаю вдоль улицы, разглядывая автомобили. Москва – город «Волг» и «Москвичей», а у нас в Казани все больше попадаются «Жигули» и старенькие «Победы».

Возле красивого дома с аркой стоит черный «ЗИМ», сверкающий никелем. Таких машин сейчас уже не делают. Останавливаюсь, чтобы рассмотреть это чудо отечественного автопрома. Из арки вылетает большой оранжево-белый мяч и, подпрыгивая, катится прямо на проезжую часть. За мячом бежит мальчик лет пяти в шортиках и белой рубашке. Мяч ударится о бордюр. Миг – и он уже там, где несется сплошной поток машин. Мальчик бросается за ним. Я роняю сумку и перемахиваю через покатый капот «ЗИМа», успев схватить пацана за рубашку в самый последний момент.

Огромный автобус, угрожающе гудя сигналом, проносится мимо. Горячий воздух бьет в лицо. Фу-ух, успел!

– Тебе что, жить надоело?! – кричу я, затагивая упирающегося мальчика на тротуар.

Мальчик тяжело дышит, у него трясется подбородок. Понимаю – сейчас заплачет. Я сажусь перед ним на корточки.

– Все, все, успокойся. Как тебя зовут?

Он шмыгает носом, в глазах стоят слезы. Но видно, что парнишка сдерживается, не желая показать свою слабость перед чужим дядей.

– Андрюша... Андрюша Гумилев.

Раздается громкий хлопок – мяч попал под колесо автомобиля.

Губы мальчика кривятся. «Сейчас точно заревет», – понимаю я и быстро говорю:

– Ничего страшного. Я тебе куплю такой же! Только не плач. Мужчины не должны плакать. Ты кем хочешь быть?

Вместо стандартного «космонавта» или «пограничника» слышу в ответ:

– Изобретателем...

– Ну, здорово! А что ты хочешь изобрести?

Мальчик воодушевляется. Слезы мгновенно высыхают и он начинает тараторить:

– Много разного! Роботов, чтобы людям помогали. Машину такую, которая едет по другим планетам и все там переделывает – землю, воздух, деревья сажит...

– Сажает, – поправляю я его, но он не слышит, продолжая перечислять:

– ...плавать под водой и летать, как самолет. А еще чтобы электричество без проводов можно было передавать в каждый дом!

– Ну, молодец! – хвалю я его. – Давай пять!

Слышу женский крик:

– Андрей!

Высокая, очень эффектная женщина в голубом платье выбегает на тротуар, звонко цокая высокими каблуками.

– Мама, я тут! – кричит мальчик. – Мячик лопнул, а дядя меня спас...

Я выпрямляюсь, с негодованием смотрю на женщину. Она старше меня лет на пять, но сейчас я вправе предъявлять ей претензии – пацана она проворонила.

– Что ж вы, мамаша! Сын ваш прямо под колеса лезет! Следить надо!

Красивое лицо женщины багровеет. Она сердито смотрит на меня, потом на сына, обнимает его, поднимает на руки и волочет к арке.

– До свидания, Андрюша! – кричу я им вслед. – Мячик за мной!

Мальчик машет мне рукой. Мать что-то шипит ему в ухо. Она даже не сказала мне спасибо, а ведь если разобраться, я фактически спас ее сыну жизнь.

– Москвичи, – усмехаюсь я и срываюсь с места – до четырех остается всего пять минут.

Восемнадцатый дом многоэтажной громадиной нависает надо мной. Лепнина, античные вазы, ниши с полукруглыми окнами. Типичный представитель эпохи архитектурных излишеств. У нас в Казани такие тоже есть на площади Восстания. Иду вдоль фасада, читаю таблички с номерами квартир над дверями подъездов. Вот и нужная мне дверь.

Навалившись всем телом, с трудом открываю ее и оказываюсь в прохладном освещенном холле. Из-за стола поднимается мужчина в сером костюме.

– Вы к кому?

– К Чус-саевым... – отвечаю, заикаясь от неожиданности. Я еще никогда не встречал вахтеров в подъездах жилых домов.

– Фамилия?

– Новиков, Артем...

Он открывает журнал, ведет пальцем по строчкам, снова командует:

– Паспорт!

Сличив мое лицо с фотографией, возвращает документ и небрежно кивает в сторону лифта:

– Проходите. Вас ждут...

Квартира у Чусаевых очень большая. Прихожая, коридоры, комнаты – все просто поражает своими размерами. Лепные потолки теряются в полумраке. Обстановка под стать масштабам жилища – огромные шкафы темного дерева,

тяжелые бархатные портьеры с кистями, зеркала в человеческий рост, занавешенные сейчас черным тюлем. Паркет под ногами начищен до блеска, в комнатах всюду пушистые ковры.

Людмила Сергеевна, оказавшаяся ухоженной пожилой дамой в черной шляпке с вуалью, встречает меня у дверей. Я здороваюсь, привычно разубаюсь и натыкаюсь на ее укоризненный взгляд.

– Артем, вы же не в японском доме!

Извиняюсь, вешаю сумку на вешалку. Причем тут японский дом? Появляется горничная в черном передничке, ловко снимает мое имущество с бронзового крючка и куда-то уносит.

Хозяйка поправляет ворот строгого черного платья и открывает створку двери, ведущей в гостиную:

– Прощу! Все уже собрались. Через десять минут начнем.

Захожу в очень большую комнату с тремя окнами. Здесь как в музее. Кресла, диваны, импортный телевизор на столике с гнутыми ножками, хрустальная люстра.

В гостиной сидят человек десять, в основном чопорные старухи. Замечаю женщину лет тридцати пяти и пожилого мужчину. Все одеты в черное. Я со своими болгарскими джинсами «Рило» и светлой рубашкой явно не вписываюсь в эту странную кампанию.

– Товарищи, познакомьтесь: это Артем, сын племянника Николая Севостьяновича, – говорит хозяйка.

Я сажусь на стул возле двери. В комнате намного прохладнее, чем на улице. На низеньком столике стоят тарелки с крохотными бутербродиками, рюмки, фужеры, бутылка «Посольской» и «Кагор». Над телевизором висит портрет дяди Коли, черная шелковая лента отсекает нижний правый угол. Траур.

Людмила Сергеевна приглашает в комнату тучного мужчину с усами.

– Это нотариус Лев Наумович. Сейчас он огласит завещание Николая Севостьяновича...

Нотариус, отдуваясь и вытирая платком обширную лысину – видно, что ему трудно переносить жару – достает из портфеля запечатанный конверт. Все начинают шушукаться, переглядываться и ерзать на своих местах.

Вскрыв конверт, Лев Наумович хорошо поставленным голосом начинает читать:

– «Я, Чусаев Николай Севостьянович, находясь в здравом уме и твердой памяти, составил данное завещание, дабы передать часть имеющегося у меня имущества родственникам и близким людям...»

Далее идет долгое и нудное юридическое «...в соответствии со статьей 529 Гражданского кодекса Союза ССР от 1964 года, местом открытия наследства признается последнее постоянное место жительства наследодателя (статья 17), а если оно неизвестно – место нахождения имущества или его основной части...» И так далее минут на десять.

Старухи скучают, я тоже. Наконец, соблюдя все формальности, лысый нотариус переходит к главному. По странному стечению обстоятельств у покойного дяди Коли в родне остались по большей части женщины преклонного возраста, в основном двоюродные и троюродные сестры.

Им он завещал всякую, с моей точки зрения, фигню: одной – облигации государственного займа, другой – сервизы на двенадцать персон, третьей – два персидских ковра. А дальше пошло по накатанной: кофейный набор (старухи тут же зашушукались: «Серебряный, немецкий!»), пять комплектов постельного белья, люстра чешского стекла, лисья шуба и шапка, три копии картин художников-передвижников, телефонный аппарат...

И прочая, прочая, прочая...

Старухи то и дело ахают, по гостинной мечутся, скрещиваясь, завистливые взгляды. Я начал задремывать на своем стуле. Честно говоря, мне всегда казалось, что оглашение завещания – более динамичная процедура.

Впрочем, один раз я едва не подпрыгиваю на месте. Речь идет о библиотеке дяди Коли. Две с половиной тысячи томов он завещает пожилому мужчине, как выясняется, внучатому племяннику. Теперь уже мой завистливый взгляд мечется по гостинной. Две с половиной тысячи книг! И ведь наверняка это не беллетристика или сборники рассказов современных писателей издательства «Московский рабочий». Везет же некоторым...

До меня очередь доходит в самом конце. Нотариус, сменив насквозь промокший платок на свежий, сообщает, что «...Новикову Артему Владимировичу переходит личное имущество Н. С. Чусаева, которое будет передано ему Л.С. Чусаевой без свидетелей».

От этой странной фразы становится не по себе. По спине пробегает холод, словно я услышал нечто страшное, хотя ничего страшного эта фраза не содержала. Что за «личное имущество»? Почему «без свидетелей»?

Начинаются поминки. Старушки мочат сухие губы в «Кагоре», мужчины – я, пожилой племянник и нотариус – выпиваем по рюмке «Посольской». Теплая, противная водка обжигает мне горло.

Наследники начинают расходиться и через какое-то время мы с Людмилой Сергеевной остаемся в комнате одни. Я честно не знаю, куда себя деть, а вдова откинулась на спинку стула и закрыла глаза, словно вдруг решила подремать. Интересный расклад. А если она проспит так до утра? Молча сидеть рядом? Или вежливо разбудить...

– Я должна отдать тебе шкатулку.

От неожиданности вздрагиваю и киваю, будто я только этого и ждал. Шкатулку?

Людмила Сергеевна встает, выходит из комнаты и вскоре возвращается с кожаным мешочком в руках. Достает из мешочка и ставит передо мной небольшую черную коробочку.

– Вот, эту вещь Николай завещал тебе. Он говорил, что она всегда принадлежала старшему мужчине в роду.

– Простите, – говорю я и чувствую, как напряженно звучит мой голос, – А мой... отец?

– Николай Севостьянович вычеркнул его из списка наследников, – просто отвечает Людмила Сергеевна.

Я беру коробочку в руки, слегка встряхиваю. Слышится глухой стук – внутри лежит какой-то предмет. Пытаюсь открыть крышку, но она оказывается заперта.

– А ключ?

– Ключа нет. Николай никогда не открывал ее.

«Вот тебе и раз!», – с досадой откладываю шкатулку. Подкузьмил мне дядя Коля. Тоже мне, наследство. Лучше бы библиотеку завещал. Или сервиз, на худой конец.

– Была рада видеть, – ровным голосом сообщает Людмила Сергеевна и я понимаю, что время моего визита подошло к концу.

Попрощавшись и пообещав непременно написать, как у нас дела и вообще поддерживать отношения, покидаю дом Чусаевых. Мне пора на вокзал, скоро поезд. Вспоминаю о шкатулке, лежащей в сумке.

Что в ней? Воображение рисует мне картины одна заманчивее другой: там золото, какая-нибудь очень ценная вещица, перстень или брошь. Или драгоценные камни – бриллианты, изумруды, сафиры.

«Или челюсть Гитлера», – возникает неожиданная мысль. Дней пять назад наш главный дворовый чудака дядя Гоша рассказывал, что, якобы, хранящуюся в Кремле, в специальной коробочке, челюсть Гитлера не обнаружили на своем месте.

– И теперь, ребятки, никто не знает, где она. А тому, кто найдет, сразу Героя Советского Союза дадут!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Серебряный конь

Вечер. Еще совсем светло, но жара наконец-то спадает. Народу на вокзале еще больше, чем утром. В толпе стайками бегают цыганята, мимо меня проходит несколько бородачей с лыжами в руках. Интересно, в какие дали они едут? Завидую бородачам белой завистью. Люди едут туда, где есть снег!

– А в банку с огурцами я всегда добавляю таблетку аспирина – от микробов, – доносятся до меня слова какой-то женщины в пляжной панаме. Она делится со случайно знакомой рецептами домашних солений. В общем, жизнь бурлит, кипит и пенится.

Сильно пахнет креозотом – видимо, недавно на путях меняли шпалы. Это запах, запах железной дороги, запах путешествий, будоражит меня. Возникает странное желание бросить все и не заезжая домой махнуть куда глаза глядят – в Сибирь, на Дальний Восток, на Север...

«А чего, – размышляю я, шагая по перрону. – Работу я всегда найду. Деньги там платят приличные. Наберусь впечатлений, жизненного опыта. А потом... Книгу напишу! Пишут же другие».

Конец этим романтическим бредням кладет сердитый капитан-танкист. Стоя у вагона и выпучив глаза, он орет на стайку испуганных солдат-новобранцев, одетых в еще не обмятую форму:

– Вашу мать! Дети воскресенья! Кто разрешил отлучаться?! Я спрашиваю – кто?! На меня смотреть!

Собственно, вот это ожидает и меня, стоит только уйти из университета. Армии я не боюсь, я ж родился и вырос в Казани, на улице Заря, черт возьми! Но терять два года молодости – не веселая перспектива.

В дверях вагона стоит человек. Высокий, сутулый мужик с бледным лицом. Сквозь синеватую кожу просвечивают сосуды.

Этот человек мне не нравится. Почему-то вспоминается го-голевский «Вий», все эти упыри, что пытались умертвить Хому Брута.

Вот и мое купе. Странное дело – я оказываюсь в нем один. Да и вообще вагон практически пустой. Собственно, этот ребус решается легко: курортно-отпускной сезон в разгаре, все едут в Москву и дальше – на юг, на юг. Обратный вал пойдет ближе к осени. Ну, так оно даже и лучше, может, удастся выспаться.

Я достаю из сумки, купленные на вокзале пирожки, бутылку «Жигулевского» пива, пряники в бумажной кулке, выкладываю все это на стол. Рука натывается на кожаный мешочек. Вынимаю его. Наследство. Шкатулка с замочком. Золото, бриллианты, челюсть Гитлера. Дядя Коля, видимо, был большой шутник.

Достаю шкатулку, ставлю на стол. Она очень старая. Даже древняя. Дерево почернело, углы стерлись. На крышке когда-то имелись некие письмена или знаки, но безжалостное время уничтожило их – остались лишь едва заметные углубления.

Верчу шкатулку в руках. Собственно, называть ее шкатулкой можно с большой натяжкой. Это довольно грубо сделанная коробочка с крышкой. Кстати, крышка чуть-чуть, еле заметно приподнимается, если поддеть ее ногтем. Щелка очень узкая, меньше миллиметра. Я смотрю сквозь нее на просвет окна и вижу язычок замка. Пожалуй, если просунуть кончик лезвия ножа, то можно будет попытаться сдвинуть язычок и открыть шкатулку.

Меня продирает озноб. В купе жарко, душно, а в мое лицо словно дует ледяной ветер. Перед глазами возникает странное

видение – темное ночное небо, силуэты всадников над высокой травой, далекие степные костры и полная Луна, заливающая все вокруг своим мертвенным светом...

На мгновения я пугаюсь, но быстро беру себя в руки. – Все, спокуха. Тронемся – надо будет сразу расстелиться, запереть купе и лечь спать. Мне надо выспаться. Но прежде я обязательно загляну в шкатулку...»

Нож у меня, естественно, имеется. Кто ж ездит в поезде без ножа? Сую руку в карман, кладу его рядом со шкатулкой. Это старый, добрый перочинный нож с пятью лезвиями, подаренный мне чуть ли не на двенадцатилетие. Сколько скамеек им истыкано, сколько палок обстругано, сколько бельевого веревка срезано!

Сточенное узкое лезвие упирается в язычок и отодвигает его. Все, можно открывать крышку. Я опускаю шкатулку на столик, убираю нож и вытираю вспотевшие ладони о джинсы.

Мне – страшно? Да. Почему-то я отчаянно боюсь заглянуть в шкатулку. Очень хочу – и боюсь.

Делаю глубокий вдох – и открываю шкатулку!

Изнутри она выстелена шелковистым мехом. В этом коричневом меху лежит маленькая серебряная фигурка. Лошадь. Или конь.

Чертовщина какая-то! Мистика. Вспоминаю Соломона Рувимовича и его эзотерический альманах. Сложенный лист. Схема. Зарисовки животных.

Вытряхиваю фигурку на ладонь, ее словно обжигает сухим льдом. Подношу к губам и пытаюсь согреть дыханием. Голова кружится. Мысли перебивают одна другую.

Что за наследство досталось мне от дяди Коли? Почему шкатулку нельзя открывать? Почему владельцем коня должен быть старший мужчина в роду?

Поезд трогается. Я убираю шкатулку в сумку. Вопросы остаются без ответа – приходит проводница проверять билеты.

Подвижная девица лет тридцати с крашенными короткими волосами и шальными глазами.

– Чего кислый такой?

– А?

– Бэ! Кислый, говорю, чего?

– Жарко.

– Студент?

Достаю студенческий, показываю.

– Повезло тебе. Один поедешь.

– Угу... – я киваю.

– Как звать-то?

– Артем.

А я – Алина, – она улыбается. – Окно открой, МКАД проскочим – быстро поедем, станет прохладно.

– Спасибо.

– А то давай зайду попозже, выпьем, поболтаем – усталость как рукой снимет...

Наверное, я делаю глупое и растерянное лицо – она смеется, машет рукой и выходит.

Расстилаю постель, но лечь не успеваю – на меня накатывает. Глаза застилает тьма, пол уходит из-под ног. Я падаю в бездну, мимо проносятся пятна света, один раз я успеваю выхватить глазами из мешанины этих пятен отчетливый образ огромного, покрытого бурой шерстью великана с горящими желтыми глазами и ору от страха. Этот не страх падения, не испуг от увиденного – меня куда больше страшит сам факт того, что со мной что-то не так. Память подсказывает нужное слово: «галлюцинации».

«Я – псих?! Или все же виновата жара?» – разразиться очередной порцией вопросов, адресованных самому себе, я не успеваю. Падение заканчивается. Я оказываюсь в другой реальности и вижу освещенную рассветным солнцем степную котловину

между двух высоких безлесных холмов. На их вершинах маячат конные дозоры. Несколько тысяч всадников сгрудились плотной массой, готовые по первому приказу броситься в бой.

Они совершенно не похожи на грозных воинов. Одеты по большей части в стеганные халаты и овчинные тулупы, эти люди, скорее своим обликом напоминают пастухов-табунщиков, да, собственно, ими и являются. У них нет доспехов, не видно щитов и шлемов, лишь у некоторых имеются короткие охотничьи копья. Единственное, что есть у каждого – луки. Необычайно тугие, клеенные из костяных пластин луки и колчаны, полные длинных белоперых стрел.

Я ничего не понимаю. Кто эти люди? Что происходит со мной?

И тут память начинает выталкивать из себя слова и образы, имена и названия. Наверное, так чувствуют себя слепые, вдруг обретшие зрение.

Я узнаю этот мир!

Я – помню его! Это не моя память, не мои знания, но разве это сейчас важно?

На небольшой пригорок выезжают три всадника. Молодой парень держит в руках высокий шест, на котором ветер треплет девять белых конских хвостов. Я знаю, что это называется «туг». Туг – родовое знамя кочевников. Девять хвостов олицетворяют собой девять поколений славных предков.

Рядом со знаменосцем на необычной, серой в яблоках, лошади сидит старик-шаман. Длинные волосы его развеваются, множество костяных, каменных, глиняных, медных амулетов и оберегов украшают сшитую из шкур разных животных одежду. Шамана зовут Мунлик. У него нет оружия, только кривой посох и бубен. Время от времени старик бьет посохом в туго натянутую кожу и тогда над котловиной прокатывается глухой, похожий на удар грома, тревожный звук – думмм!

Третий всадник облачен в пропыленный войлочный плащ. На голове у него меховая шапка-малгай. Внешне он не похож на людей, собравшихся в котловине. Костистое лицо, высокие скулы, рыжая борода – и пронзительные, хищные глаза разного цвета. Левый – небесно-бирюзовый, правый – травяно-зеленый.

Шаман в очередной раз бьет в бубен – думмм!

Рыжебородый поднимает руку в кожаной рукавице и в котловине воцаряется тишина. Люди и кони замирают, тысячи глаз устремляются на всадника и он начинает говорить. Голос его, звучный, басовитый, широко раскатывается над войском, слышный всем и каждому.

– Монголы! В светлый час, благословенный Вечным синим небом, собрались мы здесь! Долгие годы жили мы во тьме и уделом нашим были страх и смерть. Степь стала обиталищем наших врагов и не было нам ни сна, ни покоя. Подлые татары угоняли наших лошадей и овец, воровали наших женщин, убивали наших стариков. Наши дети уже давно не ели досыта, а мы, мужчины, забыли вкус мяса. Охотничьи уголья, полные дичи, ныне принадлежат татарам. Они захватили караванные тропы и иноземные торговцы больше не приходят к нашим юртам со своими товарами. Уделом монголов стали голод и нищета. Верные псы Цзинь, татары, обманом заманили за каменную стену нашего великого хана Амбагая и там он обрел мученическую смерть, прибитый гвоздями к деревянному ослу. И сегодня я, его внук Есугей Борджигин, прозванный багатуром, говорю вам: довольно!

Шаман опять ударил в бубен – даммм!

Рыжебородый перевел дух и приподнялся на стременах. Когда он вновь заговорил, жилы вздулись на его шее, а глаза загорелись, словно у охотящегося волка.

– Монголы! Там, за холмами, войско татар готовится к походу на наши курени. Цзиньский Алтан-хан заплатил им золотом,

шелком и фарфором за наши головы и головы наших детей. Но еще они крепко держатся на плечах! Мы не дадим врагу сделать монголов сытью стервятников! Пойдем же и убьем их всех, а после вырежем их кочевья до последнего человека, чтобы на нашей земле и памяти не осталось об их подлом племени! Тенгри с нами! Под священным девятихвостым тугом Борджигинов – вперед! Ху-урра!

– Ху-урра! Ху-урра!! – слитно подхватили боевой клич монголов тысячи глоток. Бесстрастные еще миг назад лица воинов исказились от ярости и ненависти. Есугей-багатур сбросил на землю войлочный плащ и высокого воздел сверкающий широкий меч. Он первым погнал своего скакуна к выходу из котловины, а следом полился сплошной поток конных. Поднятая множеством копыт пыль повисла в воздухе.

Монголы вынеслись в широкую долину реки Керулен и раскатились по ней от края до края. Степь задрожала от конского топота. Казалось, нет на земле силы, способной противостоять им. Но ветер донес из туманной дали хриплое пение множества труб и вал монгольской конницы начал останавливаться.

Отряды татар стояли в долине и ждали врага. Их было много, куда больше, чем воинов Есугея. Под лучами солнца блистали стальные шлемы и наборные панцири, яркие звездочки горели на остро отточенных наконечниках копий. Это была настоящая армия, хорошо вооруженная и готовая к сражению. Посланные императором Цзинь советники потрудились на славу. Они вооружили татар и обучили их боевому искусству империи. Императору нужен был в степи надежный союзник, сильный и безжалостный меч, карающий всякого, кто осмелился противиться его воле. Татары стали таким мечом и сейчас он готовился отсечь непокорную монгольскую голову.

Завидев противника, татарские князья-нойоны принялись отдавать приказы. Латная конница пришла в движение. Сбивая строй, татары перешли с шага на рысь и начали набирать

разгон, намереваясь одним ударом покончить с горсткой храбрецов, дерзнувших бросить вызов их могуществу.

Пять тысяч плохо вооруженных монголов не имели никаких шансов выстоять против десяти тысяч закованных в китайскую сталь татар. Поражение Есугея казалось лишь делом времени. Но потомок великого Хабула думал иначе. По его повелению высоко взлетел в небо девятихвостый туг. Шаман заколотил в бубен, отбивая ритм, и монголы с визгом рванулись вперед, нахлестывая коней.

Два войска сближались. Полоса зеленой травы между ними становилась все уже и уже. Татары опустили копья. Они готовились опрокинуть монголов, смять их, погасив наступательный порыв Есугеевой орды, чтобы потом спокойно, деловито гнать и убивать оставшихся.

Но Есугей-багатур не зря считался в степи первым среди «людей длинной воли». Его острый ум и ярость породили то, чего во все времена не доставало варварам – новую стратегию боя.

Не имея большого количества железа и мастеров, способных обрабатывать его и ковать много хорошего оружия, монголы испокон веков использовали для охоты и войны лук. Столетиями оттачивали они технологию его изготовления и навыки стрельбы. Достаточно сказать, что мужчиной в степи мог считаться лишь тот, кто выпускал на дистанции в сотню шагов три стрелы до того, как первая попала в цель.

Тугой монгольский лук обладал чудовищной убойной силой. Он и стал первым компонентом стратегии Есугея. Вторым был конь. Выносливый, быстрый, неприхотливый монгольский конь, служащий своему седоку и средством передвижения, и кровом, и пищей. Внук Хабул-хана создал армию конных лучников, а тактика боя была подсмотрена у волков, охотящихся стаей на крупного зверя. Небесный волк с синими глазами являлся предком всех Борджигинов. Кому же, как не ему, было научить своего потомка, как вести сражения?

Когда между блистающей армадой татар и пропыленной монгольской ордой осталось не более пятидесяти шагов, резкий, пронзительный свист бичом разрезал шум битвы. Свистел Есугей, заложив пальцы в рот. Это был знак, сигнал, и монголы, повинувшись вождю, мгновенно остановив своих скакунов.

Оранжевое облако пыли догнало войско, окутало его и поплыло дальше, прямо на неспешно надвигающихся татар, уверенных в своей победе. Пыль помешала им увидеть, как пять тысяч монголов одновременно достали из колчанов луки, наложили стрелы и натянули тетивы. Зато они слышали их слитное пение, следом за которым из пыльного облака хлестнул смертоносный колючий ливень.

На ста пятидесяти шагах монгол насквозь пробивает из лука антилопу дзейрена. На ста – коня. На пятидесяти – человека в наборном цзиньском панцире. Тесно сгрудившиеся для удара воины татар были прекрасной мишенью. Они не могли ни уклониться, ни защитить себя и своих скакунов. Их спасли бы сбитые из досок деревянные щиты, но конница не возит с собой такую тяжесть – зачем?

Монголы осыпали врага стрелами ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы начисто выбить передовые ряды татар. Но это была еще не победа, и даже не полпобеды. Татарские нойоны уже сообразили, что произошло. Взревели сигнальные трубы и конный строй татар рассыпался, одновременно ускоряясь, чтобы как можно скорее преодолеть разделяющее их и монголов пространство, а потом, когда страшные луки степняков станут бессильны, ударить накоротке.

И вновь засвистел Есугей-багатур, давая своим воинам понять, что пришло время коней. Опустив луки, монголы бросились в разные стороны, завывая от ужаса перед наваливающейся на них татарской мощью. Они всеми силами изображали страх перед могучим противником. Так делают волки, когда загоняют стадо оле-

ней и сильные самцы бросаются на хищников, наклонив рогатые головы. Волки с воем бегут прочь, уводя за собой тех, кто встал между ними и добычей. Олени начинают преследовать волков. В горячке боя самцам кажется, что можно покончить с хищниками одним ударом. В этот момент они забывают, что оленята и самки-важенки остались без защиты. Это ключевой момент волчьей охоты. Разделенное стадо обречено. Вторая половина стаи, притаившись, ждет, пока самцы, увлекшиеся преследованием, отбегут подальше. А потом начинается резня...

Монголы очень похоже изображали бегущих волков. Они были, кричали и поворачивали к несущимся за ними татарам искаженные страхом лица. Все дальше и дальше уносили их низкорослые кони и войско татар растянулось по всей долине, гоня дерзких, но глупых степняков. Изредка то одна, то другая группа монголов останавливалась и обстреливала врага, неизменно выбивая из седел по несколько десятков татар, но численный перевес был слишком велик и, закинув луки в колчаны, монголы вновь обращались в бегство.

Победно заревели трубы татар. Битва закончилась. Рассыпавшиеся монголы хаотичной массой устремились к выходу из долины, туда, где между холмами имелся узкий проход, ведущий в привольные Керуленские степи. Там находились становища степняков, их курени, юрты, скот и семьи. Татарские нойоны готовы были на плечах бегущих ворваться в коренные монгольские земли и разом покончить с дерзнувшими бросить вызов их мощи.

В третий раз пронзительный свист Есугея пронесся над долиной. Рыжебородый вождь монголов видел то, чего не замечали его враги – татары растянулись вдоль реки Керулен, в азарте погони полностью потеряв всякую организацию. Их нойоны не знали, что отступление монголов было ложным, «волчьим бегством». По сигналу Есугея его воины начали поворачивать коней, занимая склоны окрестных

холмов, а из неприметной лощины на полном скаку вынеслась кераитская дружина и с намета ударила в открытый бок татарского войска.

Кераиты называли себя «детьми ворона». Их хан Тоорил был побратимом-андой Есугея. Кератиты поклонялись железным крестам и умершему богу Есусу. Они верили, что Есус однажды вернется на Землю и соберет всех праведников, чтобы отвести их на небесные луга, где в реках течет молоко, а травы как мед. Их шаманы-монахи называли монголов язычникам, но это не мешало двум народам быть союзниками. Государя кераитов Маркуса, равно как и Амбагая, казнили в империи Цзинь. Верный побратимской клятве, Тоорил, когда Есугей попросил его о помощи, отправил к анда лучших дружинников-нукеров. Их было не много, всего тысяча, но эта тысяча стоила целого войска. Рослые, могучие, точно великаны-дэвы, нукеры Тоорила были вооружены топорами с огромными полукруглыми лезвиям, которыми можно разрубить пополам верблюда. Каждый из них легко поднимал на плечи лошадь с всадником.

– Есус! Есус!! – выкрикивали кераиты имя своего мертвого бога. С лязгом врубались они в ряды татар и мгновенно рассекли их войско на две неравные части. Большая часть татар оказалась в окружении и монголы с холмов принялись засыпать их стрелами. Татары смешались в кучу, толкая друг друга и стали легкой добычей для длинных монгольских стрел.

Оставшиеся татары обратились в бегство. Начался разгром. Есугей со своими воинами кинулся в погоню и загнал уцелевших врагов в Керулен. Те попытались переплыть бурную реку, но не справились с течением и тяжелые цзиньские панцири утянули их на дно. К полудню все было кончено. По долине бродили монголы и кераиты. Они ловили татарских коней, собирали оружие и стрелы.

Первая победа в череде бесконечных битв и сражений, которые предстояли монголам, была одержана.

...Есугей-багатур, предводитель кераитов Нилха-Сангум, доводившийся Тоорилу сыном, и шаман Мунлик стояли на берегу реки. За их спинами катил свои воды Керулен и в лучах заходящего солнца вода казалась красной, точно кровь.

Нукеры привели плененных татарских нойонов и силой заставили их опуститься на колени. Лишь один из татар не пожелал унизиться перед победителями и остался стоять на ногах, гордо вскинув голову. Его доспехи сияли чистым золотом, длинные волосы по китайскому обычаю были заплетены в косу.

– Темуджин-Уге, это ты вел своих воинов на наши кочевья? – спросил Есугей.

– Я, – глядя в разноцветные глаза Есугея, ответил татарин. – Хитростью одолели вы нас и это недостойно мужчин. Ты не волк, Борджигин, ты змея! И умрешь ты, как умирает ядовитый гад – в муках под палящими лучами солнца...

Рыжебородый захохотал, наблюдая гнев побежденного врага.

– ...Тебя прибудут к деревянному ослу, как хана Амбагая! – закричал татарский нойон.

Смех умер на устах Есугея.

– Ты славный воин, Темуджин-Уге. И ты прав, мы одолели вас хитростью. Когда бьешься за жизнь своих детей, хорошо все, что приводит к победе. Я думал одарить тебя жизнью и взять к себе на службу, но твой язык убил тебя. Не надо было вспоминать великого хана и его смерть...

Резко шагнув вперед, Есугей одной рукой схватил нойона за горло и сильно сжал. Послышался громкий хруст. Темуджин-Уге страшно захрипел, пытаясь оторвать от себя руку Есугея. Его глаза вылезли из орбит, лицо побагровело. Нилха-Сангум, сверкая черными глазами, с любопытством смотрел на это, а шаман Мунлик отвернулся.

– Во славу Вечного Синего неба! – громко крикнул Есугей и высоко поднял окровавленную руку с зажатым в ней вырванным кадыком татарина. Тело Темуджина-Уге повалилось на траву.

– Слава Тенгри! Слава Есусу! – подхватили крик вождя монголы и кераиты.

Отбросив кадык, Есугей вытер руку о гриву стоящего поодаль коня, легко вскочил в седло и, обращаясь к реющему над головой девятихвостому тугу, торжественно произнес:

– Клянусь: если у меня родится сын, я назову его в честь этого дерзкого и отважного воина Темуджином!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Метаморфозы

Видение обрывается так же внезапно, как и началось. Я осознаю себя, оглядываюсь и понимаю, что сижу в купе на нижней полке. Поезд движется неспешно, за окном светло. Там проплывают многоэтажки московских пригородов.

Сколько же прошло времени? Час? Два часа? Нет, вряд ли. Состав еще не покинул пределов столицы. Смотрю на часы – ничего себе! Мое до жути реалистичное видение, вместившее в себя целый день, здесь, в настоящем, длилось всего несколько секунд!

Замечаю, что руки мои дрожат. Это от испуга. Я действительно сошел с ума. У меня видения.

Хватаю бутылку «Жигулевского», сдираю крышечку и жадно, залпом, пью. Струйки пива стекают по подбородку. В ушах возникает легкий звон, руки перестают дрожать. Ложусь и бездумно смотрю в окно на пролетающие столбы и извивающиеся провода.

Я полон уверенности, что в моей жизни произошло что-то очень важное, но вот что?

Незаметно для себя задремываю и открываю глаза от осторожного стука в дверь. Включаю свет, поднимаюсь. В зеркале на двери вижу свое отражение – взлохмаченные волосы, заspanные глаза. Никаких признаков душевного расстройства. Все в порядке. Это все жара.

На пороге стоит проводница. Как ее? Алина, кажется.

– Приветтики. Спишь? – она входит в купе и задвигает за собой дверь. – Чайку? Или...

И чуть подавшись вперед, она жестом фокусника извлекает из-за обшлага форменной железнодорожной курточки пузатую бутылку бренди «Слнчев бряг» и два стакана.

– Я сменилась как раз, Вальке сказала, что к родственнице в третий вагон пошла, – шепчет Алина, глядя мне прямо в глаза.

Я, молча, рассматриваю ее лицо. Она не такая взрослая, как мне показалось в первый раз. Лет двадцать пять, не больше. Когда улыбается, на щеках появляются ямочки.

Так и будем стоять?

Я сконфужено улыбаюсь, делаю неловкий жест – прошу, мол.

– Закуска есть? – и, не дожидаясь ответа, Алина ловко потрошит пакет со снедью. – Пирожки, прянички... А ты хозяйственный!

– Есть-то охота, – бурчу я, опускаясь на свою полку. Алина уже свинчивает крышечку с бутылки. По купе расплывается тяжелый коньячный запах.

Я начинаю соображать: «Надо гнать ее отсюда. У меня же есть Надя, да и вообще – в поезде, с проводницей... А может, ничего не будет? Ну, выпьем сейчас, поговорим...»

– Невеста есть?

Я заглядываю ей в глаза и понимаю, что все будет.

– Катя? Лена? Оля?

– Надя.

– Ох, прости меня Надя! – весело заливается Алина и подталакивает ко мне стакан с бренди.

Она налила по-женски, «на три пальца».

– Давай, Артем батькович, выпьем за знакомство.

Мы чокаемся. Я пью, стараясь уместить все в один глоток – тогда не так противно. «Слнчев бряг» прокатывается по пищеводу и в желудке словно зажигается маленькое солнышко. Торопливо закусываю пирожком, смахиваю слезы с ресниц. Крепкая штукавина это болгарское бренди!

Алина пьет мелкими глоточками, смакуя вкус. Чувствуется, что она знает толк в подобных удовольствиях. Не спеша, со знанием дела закусив, подмигивает мне.

– Ну, что, не ожил?

– Получше.

– Куришь?

– Иногда, – я зачем-то пожимаю плечами, словно извиняясь.

Это правда – я действительно могу покурить за компанию, под пивко или винцо. Но зависимости от никотина у меня нет.

– Угощайся, – Алина достает пачку «Золотого руна» и протягивает мне сигареты.

Закуриваем. Ароматный дым стелется по купе.

– Замороженный ты какой-то, – с упреком говорит Алина. – Давай-ка еще по одной!

Я наблюдаю, как она снова быстро и точно разливает бренди и думаю: «А какого черта? Чего я сижу, как поп на именинах? Симпатичная девка, сама пришла, принесла выпить... За ней, небось, мужики табунами бегают. Надя – не стенка, подвинется. Кроме того, она ведь ничего не узнает. Интересно, кем я выгляжу в глазах этой Алины? Туповатым пацаном, наверное. Нет, надо быть мужчиной!

Я решительно отбираю у Алины бутылку, наливаю себе пол-стакана. Кстати вспоминаю одно из любимых застольных высказываний дяди Гоши: «Если стакан наполовину полон, значит, душа еще наполовину пуста», озвучиваю его.

Алина хохочет.

– Вот это по-нашему!

Все! Напряжение исчезает, словно его и не было. Мы болтаем, смеемся, как старые знакомые. Алина рассказывает забавные истории из своей кочевой железнодорожной жизни, я травлю анекдоты. С этой женщиной мне неожиданно хорошо и просто. Из этого открытия я делаю далеко идущие выводы и спрашиваю:

– Ты замужем?
– Даже не думай!
– Ты очень красивая, когда смеешься.
– Ну, так не давай мне заскучать, – неожиданно серьезно заявляет Алина и начинает расстегивать пуговицы на рубашке.

Становится душно. Я лезу коленом на стол, открываю окно. В купе врывается свежий ночной ветер.

– Смотри!

Ловлю себя на мысли, что уставился в окно, будто боюсь обернуться и увидеть то, что происходит в полуметре от меня.

– Смотри же! – смеется Алина..

Ее рубашка летит мне в голову. Машинально ловлю и чувствую запах духов и чего-то еще, сводящего с ума.

Алина веселится и играет со мной. Забирается на полки — левой ногой на левую, правой на правую, руками за верхние полки — голая грудь подрагивает, живот втянут, узкая юбка задралась.

– Ну же!

Страх, смущение, чувство вины и все остальные чувства сметает сокрушительной волной страсти. Я кладу ладони на ее ноги, провожу вверх, по гладким загорелым бедрам, подхватываю натянувшуюся ткань синей юбки и решительно задираю еще выше. Теперь я держу ее за талию. Мои ладони спрятаны под скомкавшейся юбкой и это единственный предмет одежды, который есть сейчас на Алине.

– Ты всегда ходишь без белья?

Алина наклоняется и прекращает мои глупые вопросы долгим поцелуем.

Утро. Я лежу и смотрю на обтянутое серым кожзаменителем днище верхней полки. Воспоминания не вызывают во мне никаких приятных эмоций. Скорее, наоборот – хочется принять душ и забыть все случившееся, как сон. Вдобавок после бренди и сигарет я чувствую похмелье.

Поезд подъезжает к Казани. В окне, на фоне грозового неба, видны белые стены и башни кремля, «летающая тарелка» цирка, купола церквей и мачты освещения центрального стадиона. Собираю вещи, снимаю постельное белье – его требуется сдать проводнице – и иду по вагону. Надо быстрее отвязаться от белья и занять место в тамбуре, чтобы первым выйти из поезда. Не люблю толчею, суматоху, восторженные вопли встречающих и слюнявые поцелуи на перроне. Да еще не ровен час Алина прицепится – где живешь, когда встретимся, то да се...

А может, все дело в моем плохом настроении? Оно впрямь не ахти. Все эти видения наяву, битвы, кровь, рыжебородый Есугей, дурацкая железяка в шкатулке – ну не мог дядя Коля мне библиотеку свою завещать, что ли? – и очередная бессонная ночь в объятиях неутомимой Алины вымотали меня...

Встречаться с проводницей мне не хочется. То, что было вчера, останется в прошлом. Я так решил. За прошлое нельзя цепляться, иначе вечно будешь жить в паутине воспоминаний. Что случилось – то случилось. Нужно двигаться дальше.

В купе проводников хозяйничает сменщица Алины, породная тетка с родинкой на щеке. Сдаю белье и скорее уйду – не нравится мне ее ехидный и понимающий взгляд.

Перехожу в соседний вагон и в нерабочем тамбуре натыкаюсь на двоих мужиков. Они явно с сильного перепоя, лица злые, помятые. Молодой парень, почти ровесник, здоровяк в расстегнутой рубашке, преграждает мне путь и спрашивает, дыша перегаром:

– Брат, закурить есть?

Отвечаю «в стиле» – так всем проще:

– Не, брат, пачку вот выбросил...

Я ожидаю, что после моих слов он отойдет в сторону и я спокойно пойду дальше, но здоровяк толкает меня в грудь.

– А если поискать?

Я ростом чуть меньше метра восемьдесят. Этот бугай выше меня на две головы. Краем глаза замечаю, как его низкорослый приятель заинтересовано пододвигается вплотную. Он постарше, коротко острижен. Руки в блатных наколках – перстни, кинжал со змеей, прочая ерунда.

– Как она тебе? – бугай хитро прищуривается.

– Ты о чем?

– Бойкая? А? Понравилось?

Понимаю, что попал. Ничем хорошим эта история не закончится.

– Пройти дай. – Как можно спокойней говорю, а сам проклиная себя за ночное приключение.

– А ведь это невеста моя, – корчит кислую мину бугай. – И мне вот обидно... Правда, Рустик? Бугай смотрит на приятеля. – Это ж обидно, когда твою невесту дрючит какой-то недомерок?

Поезд замедляет ход. Колеса бьются на стрелках. Короткий щелчок сливается с этими звуками, но я реагирую на него, потому что знаю, что это.

Кнопочный нож или, как говорят блатные, выкидуха. Вот он, зажат в руке мужика. Широкое тусклое лезвие направлено мне в живот.

Сердце ухает куда-то в пятки. Пай-мальчиком я никогда не был, за свои неполные девятнадцать лет попадал в разные передряги. Били меня, бил я. Улица Заря в Казани – это вам не Горького в Москве. Но одно дело махаться с сопляками-сверстниками «двор на двор» или биться с одноклассниками «до первой крови», и совсем другой – нож-выкидуха, готовый вспороть живот.

– В сумке что? – глухо спрашивает Рустик.

Я начинаю вспоминать, что лежит в сумке. Письмо, мамина тушь, крем, странный предмет в шкатулке...

И вдруг я успокаиваюсь. Перед глазами на секунду возникает девять конских хвостов на высоком древке. Степной ветер бьет мне в лицо, холодит лоб. Я плавным движением скидываю

сумку с плеча. Здоровяк отвлекается, делает короткий шаг, тянет руку, чтобы поднять ее. Именно этого я и добивался. Теперь урка с ножом не сможет напасть на меня – его заслоняет наклонившийся амбал. А вот я смогу.

Коротко, без замаха, бью здоровяка кулаком в солнечное сплетение. Это место гораздо более уязвимо, чем лицо. Почему-то в дворовых драках пацанва всегда разбивает друг другу именно лица. Так положено, это неписаный закон: начал махаться – бей в торец. О торец амбала, что уже взялся за ремень моей сумки, можно отбить руку. Чтобы отправить его в нокаут, требуется кувалда. А «солнышко» пробить не сложно. Удар – и человек выкатывает глаза, тщетно сисясь сделать вдох. Он уже не боец, а боксерская груша.

Главное – не суетится. Есугей вот не суетился – и разбил своих врагов.

Второй удар я наношу ребром ладони по шее здоровяка. Руки делают все как бы сами собой, без вмешательства головы. Во мне вспыхивает веселая боевая злость.

Парень со стоном падает на колени. Урка с ножом внимательно смотрит на меня, сузив глаза. Он не обескуражен, наоборот. В его мутных глазах ясно читается – теперь он будет резать.

Но урка не знает, что монгольский ветер уже остудил мою голову. Он привык иметь дело с людьми-жертвами, с теми, кто боится. Я – не боюсь. Я видел, как смелые духом побеждают сильных телом и оружием.

– Запорю! – визжит урка и кидается на меня, страшно оскалив полный железных зубов обметанный рот. Руку с ножом он держит на отлете, готовясь нанести удар. Я коленом толкаю стонущего на полу здоровяка ему под ноги, бью с правой в висок. Запнувшись и получив дополнительное ускорение, урка летит к вагонной двери и со всего маху бьется головой о массивную ручку.

Короткий вскрик, звон выпавшего ножа – и человек без движения замирает на полу. Под головой быстро расползается темно-красная лужа.

Кровь. Мозг пронзает короткая, как молния, мысль: «Надо сваливать!».

Подхватив сумку, я покидаю тамбур и оказываюсь в плацкартном вагоне. Поезд останавливается. Народ с чемоданами, сумками и рюкзаками плотно забивает узкий проход. Не обращая внимания на ругань, лезу к выходу и одновременно пытаюсь понять – что это было? Как я, не самый сильный боец, легко расправился с двумя уголовниками, не побоявшись ножа? Что вообще заставило меня «кинуться в отмах»? Что – или кто?

«А если я его убил? А если амбал уже очухался и сейчас с корешами бежит по вагону, чтобы расправиться со мной? А если...»

И тут я понимаю, что мне страшно. Спокойствие, еще несколько мгновений назад владевшее мною, исчезло бесследно. Теперь страх наполняет меня, делая ноги ватными, ладони мокрыми, а голову – бестолковой.

Выдравшись из вагона, я бросаюсь к зданию вокзала. Расталкивая пассажиров, врываюсь в зал ожидания, пробегаю его насквозь и мимо остолбеневшего милиционера устремляюсь к остановке, где как раз замер синий лупоглазый троллейбус-семерка.

Вскакиваю на подножку. Двери с шипением закрываются за моей спиной. Троллейбус трогается.

Все, спасен!

Но по-настоящему меня «отпускает» только в нашем дворе. Я вижу родной подъезд, окна нашей квартиры, знакомые занавески на кухне и понимаю: на этот раз пронесло. Москва, поминки, странное наследство, поезд, серебряный конь, галлюцинации, Алина, уголовники в тамбуре – все это остается в прошлом. Но что-то подсказывает мне: еще ничего не закончилось.

Наоборот: все еще только начинается...

Двор встречает меня детским гомоном и звонкими ударами мячей. Девчонки играют в штандер, пацаны – в «одно касание». Из открытого окна дяди Гоши по-разбойничьи хрипит Высоцкий:

...Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд,
Их было восемь!

«Этих было двое. И одного я, кажется, убил», – от этой мысли мне становится тоскливо. К тому же я жутко устал, не выспался, а сегодня к трем мне еще на тренировку.

Мать по четвергам работает во вторую смену, поэтому она дома. Я перешагиваю порог квартиры, вдыхаю знакомые с детства запахи и окончательно успокаиваюсь.

Все, ничего не было. А если и было, то не со мной.

Прокаленный солнцем день кажется мне бесконечным. Утреннее происшествие в тамбуре отдалилось настолько, что сливается с воспоминаниями месячной давности. Тренировку я провожу так себе. Маратыч недоволен. Он заставляет меня вытянуть руки и внимательно смотрит на кончики пальцев.

– Пил?

– Чуть-чуть, – почти не вру я и тут же оправдываюсь: – Я ж на поминки ездил.

Маратыч отмахивается рукой. На его лице разочарование. Я чувствую злость и обиду. О чем я думал? Что творю? Что вообще творится со мной?

От жары нет спасения даже ночью. Лежу в постели. Простыня липкая, как пластырь. По потолку гуляют синие тени.

Со мною что-то произошло... Какая-то метаморфоза. Всю жизнь я казался себе человеком нормальным – не дурак, не лопух какой-нибудь. Все поступки мои были поступками хомо сапиенса, человека разумного. Теперь же я смотрю на прожитые

годы как на череду серых будней, бессмысленных дней, уползающих в вечность.

Быть может, во всем виновата проклятая жара? Я читал у Камю, что в странах Магриба существует такое понятие – амок. Это когда человека от бесконечной жары охватывает своеобразное безумие. Он начинает совершать жуткие, идиотские поступки, а то и преступления.

Так что же, у меня этот самый амок? Похоже. Все тело зудит, дышать трудно, проклятая простыня сброшена на пол. Через мгновение я понимаю – это не тело, это душа моя мается. Как я жил? Мне скоро девятнадцать лет, а что я сделал в жизни? Кто я? Студентик, сопляк, узник семинаров и коллоквиумов, заложник собственной зачетки. Второй курс закончил с хвостом, до сих пор не написал курсовую. Подрабатываю в газете «Вечерняя Казань», строчу заметульки, которые никто не читает, и стыдливо подписываюсь псевдонимом «О. Чевидцев». Фу, позор... нет, надо что-то делать! Надо как-то менять себя, менять мир.

«Завтра же утром сажусь за курсовую. А после обеда поеду в редакцию и попрошу тему. Добьюсь, убежду... убедю... заставлю главреда дать мне что-то стоящее! Хватит плыть по течению! Плыть...», – мне представляется спокойная, широкая река, такая, как наша Волга. Я нежусь в прохладных струях воды, смотрю на облака и меня куда-то несет, несет, несет...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Профессор

В редакцию я действительно поехал. Правда, связано это было не столько с моими вчерашними размышлениями «о времени и о себе», сколько с чисто меркантильным желанием подзаработать денег. Последняя моя заметка выходила в начале июня и с тех пор никто в «Вечерке» не вспоминал о внештатном корреспонденте.

Перед выходом из дома я достаю из шкатулки фигурку коня. Я думал о ней все утро. Мне почему-то очень хотелось прикоснуться к холодному металлу, ощутить в руке приятную тяжесть этой вещицы.

«Пусть он будет моим талисманом», – решаю я и кладу фигурку в карман.

Редакционный коридор встречает меня непривычной тишиной. Обычно тут очень многолюдно, хлопают двери, разносится треск пишущих машин.

Захожу в приемную главного редактора. Секретарши на месте нет. Толкаю дверь кабинета и вижу в кресле главреда заместителя по выпуску газеты Ивана Андреевича Суглобина. Это очень тощий и высокий человек с аскетичным лицом учителя математики. В редакции его за глаза называют «ящер». Медлительный, нелепый, с желтоватой кожей, он и впрямь походит на какое-то реликтовое пресмыкающееся.

Он поднимает свое унылое лицо и внимательно смотрит на меня.

– Вы ко мне?

Делаю глубокий вдох и самым искренним голосом говорю:

– Иван Андреевич! Мне бы задание какое-нибудь...

– А, Новиков! – узнает меня Ящер. – Очень хорошо, что вы появились. В редакции совершенно некому работать – все, включая главного редактора, в отпусках. Значит, вот что: к нам в город на историко-архивную конференцию приехал профессор Нефедов. Он известный ученый, специалист... э-э-э... специалист, в общем. Поезжайте к нему в гостиницу и возьмите интервью. Он остановился в «Татарстане», комната 717. Интервью дадим в послезавтрашнем номере подвалом на второй полосе. Сделайте его не очень длинным, но и мельчить не следует. Строчек двести будет в самый раз.

– А о чем интервью? – осторожно спрашиваю я.

– Ну... разумеется, о достижениях современной исторической науки, о том, как под неусыпной опекой коммунистической партии Советского Союза наши ученые разгадывают тайны минувшего и в соответствии с марксистско-ленинским учением о развитии человеческого общества разоблачают идеалистические бредни наших идеологических противников...

«Везет мне, как утопленнику», – я стискиваю зубы. Очень хочется надерзить Ящеру, бросить ему в лицо резкие, злые слова. Меня просто трясет от этого желания! Странно, я всегда казался себе человеком сдержанным и спокойным.

А Суглобин, увлекшись, продолжает витийствовать:

– Наши читатели должны видеть и понимать, что советские историки находятся в авангарде мировой науки, что объективное отражение исторических фактов служит делу мира, прогресса и разрядки международной напряженности. И обязательно, слышите Новиков, обязательно отразите в материале историческую важность принятия новой Конституции СССР. Непременно подчеркните...

Но что я должен подчеркнуть, так и осталось для меня тайной – зазвонил один из телефонов. Суглобин отвлекся.

– Заместитель главного редактора слушает. Что? Да. Когда? Понял, еду!

И неожиданно медлительный Ящер на моих глазах превращается в суетливого, порывистого в движениях человека. Он начинает бегать по кабинету, собирая в портфель какие-то бумаги, ручки, карандаши.

– Иван Андреевич...

– После, Новиков, после! Звонили из обкома партии. Второй секретарь собирает журналистов, чтобы отчитаться по косовице. Поеду сам! А вы отправляйтесь к профессору...

И Ящер мигом скрывается за дверь.

– Как хоть этого Нефедова зовут? – кричу я вслед Суглобову, но он меня уже не слышит.

При слове «профессор» у каждого человека в голове возникает образ седенького старичка с умными глазами и интеллигентной бородкой. Поэтому, когда в ответ на мой стук дверь гостиничного номера с табличкой «717» открывает детина с буйными рыжими кудрями и бородищей лопатой, я несколько опешиваю.

– Здравствуйте, а профессор Нефедов...

– Ну, я Нефедов. Чего встал? – сумрачно бурчит детина. Ему лет тридцать и походит он не на профессора, а на душегуба, какого-нибудь Кудеяра-атамана. И лицо и руки его покрывают крупные веснушки. – Заходи. Кем будешь?

– Изобретателем, – вспомнив мальчика из Москвы, отвечаю я.

Бородач меня приятно удивил и обрадовал – живой, нормальный человек.

– В смысле?

– Да безо всяких смыслов, – улыбаясь, я захожу в номер.

– А, юмор, – кивает бородач. – Понимаю. Смешно. «Фетяску» будешь?

– Не, спасибо, мне еще на тренировку сегодня.

– Бегаешь?
– Стреляю.
– По тарелочкам?
– Из винтовки.
– А ты веселый парень, – одобрительно хмыкает Нефедов и протягивает ладонь, похожую на ковш экскаватора. – Игнат!
– Что, серьезно? – я спохватываюсь и пожимаю руку историка. – Артем.
– Можно подумать, у тебя имечко простодырское... – ворчит Нефедов, усаживаясь на стул. – Так ты пить не будешь? Лады, тогда я моно...
Он наливает полный стакан бледно-желтое вина, смотрит сквозь него на меня.
– Ну, твое здоровье, Степан!
И единым духом выпивает, шумно глотая.
– Спасибо, – говорю, – но я Артем.
– А-а-а? Артем? Ну да... Слабовато поило. Я, понимаешь, вчера того... превысил. Теперь вот отпотеваю, – закуривая «Космос», доверительно сообщает мне Нефедов. – Можно было бы водяры взять, но опасюсь...
– Чего?
– Заведусь, как трактор ДТ-75. Потом хрен остановишь. Ладно, это все метафоры и гиперболы. Ты чего пришел?
Вкратце обрисовываю ему ситуацию – газета, интервью, авангард современной науки, руководящая роль...
– О, блин горелый! – Игнат рвет себя за бороду. – Надо было все же водяру брать! Такие редуты на низком градусе не осилить...
– А ты точно профессор?
– Зуб даю. В прошлом году защитился. Говорят – самый молодой доктор наук в стране.
Я достаю блокнот, карандаш, пристраиваюсь на уголке стола, делаю серьезное лицо.
– Итак, несколько слов о себе...

– Да иди ты в баню с такими заходами! – Игнат наливает себе второй стакан «Фетяски». – Ты про историю хотел? Ну, так слушай: История, Степан, очень странная наука!

– Артем.

– Да какая к черту разница? Ты меня слушать пришел или представляться?

От этого веселого запойного хамства немного тушуюсь и ничего не говорю.

Следует пауза – профессор выпивает вино и продолжает рычать:

– Мы, то есть люди, верим в некие мифы и думаем, что это и есть история. Но чаще всего мы не имеем никакого представления о том, какой была историческая действительность.

– То есть?

– Хочешь на примере? Запросто. Возьмем викингов. Ты знаешь, кто это?

– Ну, конечно, – я улыбаюсь. – Кино с Керком Дугласом раз пять смотрел. Начало наизусть помню: «В первой половине девятого века в Европе не знали страшнее имени, чем Один – бог войны викингов....».

Игнат тоже смеется. Похоже, «Фетяска» наконец-то подействовала.

– Вот видишь, уже началась мифология. Один не был богом войны. А ты имеешь представление о кораблях викингов, драккарах?

– Ну, более-менее. Длинный такие лодки с большими квадратными парусами...

– Их борта толстым слоем покрывал топленый китовый жир, смешанный с навозом и землей. Смрад стоял такой, что о приближении драккаров можно было узнать за несколько километров. Зато они совершенно не протекали и развивали удивительную для парусных судов скорость. Кроме этого, есть еще несколько фактов, вносящих серьезные коррективы в образ ви-

кингов. Среди них был развит гомосексуализм, каннибализм и близкородственные браки. Они являлись настоящими, стопроцентными варварами, дикарями.

– Как монголы?

– Как монголы, как германцы, как кельты Британии, как наши предки, древние славяне. Однако же все эти варвары в определенные моменты истории держали в страхе куда более цивилизованные народы. Сильные, могущественные государства рушились под их ударами. Римская империя, Хазарский каганат, китайская империя Цзинь, Хорезм. Те же викинги, норманны, наводили на Европу такой ужас, что решением Собора римско-католической церкви в Меце, в 888 года в католическую литургию официально были добавлены слова...

Нефедов приосанивается и торжественно поет басом:

– «A furore Normannorum libera nos, Domine...», что переводится как: «И от ярости норманнов защити нас, Господи...». Ты говоришь – Керк Дуглас.

Я понимаю, что этот лохматый профессор подводит меня к закономерному вопросу и задаю его:

– Но почему всем этим полудикарям все удавалось? Как они могли уничтожать империи?

– А-а! – Нефедов многозначительно поднимает вверх толстый указательный палец. – Все дело в такой особой штуке, которая называется «пассионарность». Ты про теорию этногенеза слыхал?

Отрицательно качаю головой.

– Правильно, и не можешь ты ее знать! – рыжую бороду разрезает белозубая улыбка. – Потому что официально ее нет. Она есть – и ее нет. Такой вот парадокс.

– А что за теория-то? – нетерпеливо спрашиваю я. – В чем ее суть?

– Это самая важная теория на свете, – важно заявляет Нефедов. – Ее придумал и развил в своих работах человек, которого

я имею честь называть своим учителем. Его зовут Лев Николаевич Гумилев. О поэте Николае Гумилеве знаешь?

На этот раз я киваю.

– Был такой поэт, белогвардеец, представитель упаднического течения акмеистов. Как враг трудового народа, расстрелян сразу после Гражданской войны, в двадцать первом году.

– Сам ты представитель упаднического течения... – обиженно ворчит профессор, со вздохом выливает в стакан остатки вина. – Николай Гумилев писал чудесные стихи. Кстати, он был мужем Анны Ахматовой. А Лев Николаевич – их сын, понимаешь?

– Ага. На детях гениев...

– Я тебя сейчас прогоню, – с угрозой в голосе рычит Нефедов. – Комментарии свои зажми в горсть. Или слушай – или проваливай. Понял?

– Все, все, понял! – я поднимаю руки ладонями вверх, демонстрируя полную лояльность.

– Значит, теория этногенеза... Суть ее такова: каждый этнос проходит в своем развитии ряд периодов или фаз, от рождения до гомеостаза, то есть гибели. Смена фаз обуславливается уровнем пассионарности в этносе.

– А что такое пассио... ну, вот это слово?

Нефедов воодушевляется, пятерней лохматит волосы.

– Это, на мой взгляд, самое интересное в учении Льва Николаевича. Пассионарии – такие специальные люди, особи с избыточной энергетикой, способные изменять окружающую среду и готовые пожертвовать собой ради своего этноса.

– Герои, что ли?

– А? – Нефедов не сразу понимает меня. – Ну, можно и так сказать. Лев Николаевич проанализировал биографии массы исторических деятелей, таких, как Наполеон, Александр Македонский, Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Ганнибал, Чингисхан и обнаружил, что всех их объединяет одно: они активно стремились изменить мир вокруг себя, и стремле-

ния эти не были продиктованы ни желанием получить материальные блага, ни славу, ни власть. Более того – многие из пассионариев гибли, сознательно жертвуя собой ради других...

Я смотрю на чистую страницу блокнота. Все, что рассказывает мне этот полупьяный историк, очень интересно, но журналистское чутье подсказывает мне – интервью из этого не получится.

Нефедов тем временем переходит к причинам появления пассионариев, упоминает «энергию живого вещества биосферы», описанную академиком Вернадским и вдруг замолкает, с подозрением глядя на меня.

– Э, Степан, да ты меня не слушаешь?

– Слушай, слушаю...

– Ну... и что ты думаешь?

– Думаю... Думаю, что десяток «людей длинной воли» нам бы не помешал.

Нефедов мрачнеет. Сдвинув густые брови, он принимается буравить меня взглядом, потом тихо, даже вкрадчиво, спрашивает:

– А кто, по-твоему, «люди длинной воли»?

Странная смена настроения профессора мне не очень понятна. Вспомнив свои видения, я уверенно отвечаю:

– Ну, Есугей-багатур, например. Или кераитский царевич Нилха-Сангум...

– Ясно, – горько усмехается Нефедов. – Мне, дураку, с самого начала надо было допереть... Стреляет он... Прокололись вы, товарищ... кто вы по званию? Для старлея юны еще. Лейтенант? Так вот: прокололись вы, товарищ лейтенант. Тщательнее надо готовится к оперативной работе. Нилха-Сангума к пассионариям причислить нельзя ни под каким видом. Того же Рене Груссе почитайте. Так и передайте вашему начальству. А теперь все, разговор окончен. Потрудитесь выйти вон!

«Что за ерунду он несет? – думаю я и тут же в голове вспыхивает догадка: – Да он же принял меня за гэбэшника!» Надо спасать положение. Перехожу на «вы» и говорю:

– Извините, товарищ профессор, но это ошибка. Вы не за того меня принимаете. Я, правда, журналист...

– А я – папа Римский, – машет рукой Нефедов и вдруг вскакивает. Держа руки по швам, он орет: – Политическая целесообразность для каждого советского историка всегда превалирует над так называемой исторической правдой! Мы, советские историки, каленым железом выжжем всякий дуализм восприятия исторического процесса и скажем решительное «Нет!» тем ретроgrадам, что стоят на идеалистической платформе, искажая материалистический взгляд на историю. Дашь ленинизацию русского исторического процесса! Ура, товарищи! Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Все встают!

Слышится стук в дверь. Она распаивается и в номер входит дежурная по этажу, строгая дама с затянутыми в узел темными волосами.

– Что за шум? Товарищи, вы нарушаете правила поведения в гостинице...

– Шутю я! – дурашливо смеется Нефедов, кланяясь дежурной. – Ну, то есть балуюсь. Все, мамаша, будет тишина. Сейчас вот товарищ лейтенант уберется восвоюси – и тишина-а-а...

Я встаю, убираю блокнот.

– Зря вы так, товарищ профессор. Ошиблись вы.

– Это вы ошиблись, – ухмыляется Нефедов. – Всего вам... не-доброго!

«Интервью не будет. Зато будет нагоняй от Ящера. Черт, что ж я такой невезучий-то?», – мысли в голове ползут одна мрачнее другой. Смотрю на часы – пора ехать на тренировку. Что ж, хоть там у меня все получается...

«Накрывает» меня в лифте. Вспышка, ощущение падения – словно этот самый лифт оборвался и летит вниз – и я уже где-то очень далеко от Казани. Далеко и по расстоянию, и по времени...

По выжженной степи медленно полз большой торговый караван. Скрипели колеса телег, запряженных круторогими быками, не спеша вышагивали верблюды. Горячий ветер трепал одежду погонщиков, ерошил гривы лошадей, вздымал высоко в небо белую пыль.

Хозяин каравана, богатый пекинский купец Юнь-Су, поставщик императорского двора, покачиваясь в седле, довольно улыбался. Он выгодно продал в столице Тангутского царства шелка и фарфоровую посуду, по бросовым ценам купил там высоко ценимые вельможами из свиты императора соболиные меха, голубую бирюзу, острейшие хоросанские клинки и теперь подсчитывал барыши.

Особую радость купца вызывали одиннадцать рабынь, сидевших в плетеных корзинах, притороченных к спинам верблюдов. Юные девы из Хорезма, обученные игре на скрипке-гиджаке и танцам, предназначались для улады императора Цзинь. Это был очень дорогой товар. За каждую из рабынь Юнь-Су рассчитывал получить не менее трех сотен связок монет.

Конечно, драгоценный груз еще нужно довести до границ Поднебесной, но купец не тревожился за безопасность каравана. Ныне монголы уже не те, что прежде, во времена яростного Хабул-хана. Теперь они заняты внутренними распрями, войной друг с другом, а самое сильное и многочисленное из их племен – татары – дружелюбно империи.

Конечно, всегда есть вероятность столкнуться в степи с небольшой шайкой разбойников, но на этот случай имеется отряд стражников, и не просто стражников, а императорских гвардейцев, каждый из которых в бою стоит десяти степных грабителей.

Купец поправил полотняный зонтик, защищавший его от палящих лучей солнца, повернулся и посмотрел в хвост каравана. Гвардейцы ехали тесной группой, завернувшись в серые покрывала и опустив головы. Тонкие длинные копыта покачивались в такт движения коней. Юнь-Су знал, что их дремотное

спокойствие – всего лишь иллюзия. Он не раз видел, как умеют биться эти опытные, бывалые люди. Да, поводов для беспокойства нет – каравану решительно ничего не угрожает.

Но когда впереди на вершине холма появился одинокий всадник, купец встревожился. Он ощутил леденящий ужас, точно наяву увидел призрака. Начальствующий над стражниками каравана десятник Ши-Цзо тоже заметил незнакомца и во главе пятерых бойцов поскакал к нему, оставляя за собой пыльный след.

Всадник неподвижно возвышался над степью, наблюдая за приближающимися воинами. Несмотря на жаркий день, его высокую фигуру скрывал толстый войлочный плащ, голову венчала меховая шапка-малгай. Ветер развеивал длинную рыжую бороду, шевелил гриву белого жеребца. Оружия видно не было, но весь облик всадника дышал скрытой угрозой.

– Ты кто? Что тебе нужно? – хрипло пролаял от подножья холма Ши-Цзо. Жилистый, в стальном шлеме, он держал наготове тяжелый многозарядный арбалет. Через лоб и щеку десятника шел уродливый шрам, придававший его лицу выражение крайней свирепости.

– От тебя, воин, мне не нужно ничего! – звучным голосом ответил всадник.

– Тогда убирайся!

– Я на своей земле, – усмехнулся в усы незнакомец.

– Он не похож на монгола, – с испугом сказал десятнику один из гвардейцев. – У него разные глаза – один синий, другой зеленый... На последней стоянке погонщики что-то говорили о жутком демоне с разными глазами, объявившимся в степи...

– Я сказал – убирайся! – упрямо повторил Ши-Цзо, подняв арбалет.

– Ты гонишь меня? Почему? – удивился разноглазый. – Степь большая...

Палец десятника нажал на спусковую скобу. Ши-Цзо участвовал во множестве битв и знал – чтобы победить, стрелять нуж-

но первым. В том, что человек на холме несет угрозу каравану, он не сомневался.

Тетива арбалета басовито загудела, тяжелая черная стрела свистнула в воздухе. Казалось, сейчас она выбьет всадника из седла...

Движением плеч сбросив на землю войлочный плащ, разноглазый в последний момент отклонился в сторону и стрела пронеслась в ладони от его шеи.

– Ты сам выбрал свою участь, воин, – теперь в голосе рыжебородого всадника уже не было прежнего благодушия. – Ты поднял оружие на не имеющего его. Это говорю я – Есугей Борджигин, прозванный Багатуром. Ху-рра!

Боевой клич монголов раскатился над степью. И тотчас же из-за холма ему ответил многоголосый рев и слитный топот множества копыт. Не менее сотни всадников вынеслись на пологий склон.

– Ху-рра!! – кричали они, нахлестывая своих низкорослых скакунов.

Большая часть монголов устремилась к каравану, несколько человек помчались на выручку своему предводителю. Но Есугею ничего не угрожало – гвардейцы предпочли не вступать в бой с непонятным и пугающим их человеком в меховом малгае. Они побросали мечи и копыя в пыль.

Есугей тронул поводья и шагом спустился с холма.

– Почему ты выстрелил, воин? – спросил он у тяжело дышащего Ши-Цзо.

– Мне... мне стало страшно... – не в силах выдержать тяжелый взгляд монгольского вождя, китаец отвел глаза.

– Это плохо, – с сожалением покачал головой Есугей. – Быть может я бы и оставил тебе жизнь, но ваш Алтан-хан с помощью коварства татар захватил моего деда Амбагая и приказал прибить его железными гвоздями к деревянному ослу, а потом выставить на солнцепеке перед своим дворцом. На всех Борджигинах лежит долг крови...

Он резко выхватил из-за пояса короткий прямой меч-илд. Клинок блеснул в воздухе и голова десятника полетела под копыта коня. Обезглавленное тело некоторое время ровно держалось в седле, затем съехало набок и испуганный скакун унес его прочь.

– Этих тоже убить, – холодно распорядился Есугей, вытирая окровавленный илд о конскую гриву. Окружившие его дружинники-нукеры тут же перебили гвардейцев.

Тем временем основные силы монголов домчались до каравана и схватились с оставшимися стражниками. Те построились полукольцом, но степняки не стали бросать своих коней на отточенные жала цзиньских копий. Окружив врагов, они достали луки и воздух потемнел от множества стрел.

Монгольский лук, склеенный из деревянных пластин костяным клеем – оружие страшное и смертоносное. Он посылает стрелу на три сотни шагов, а с пяти десятков способен насквозь пробить шею лошади. Или тело человека, даже если он облачен в стальные доспехи.

Бой получился коротким. Вскоре все гвардейцы были расстреляны, раненых добили мечами. Погонщики и слуги купца, сдавшиеся без боя, молча, наблюдали за гибелью своих защитников.

Когда дрожащего от страха Юнь-Су подвели к Есугею, купец неожиданно захрипел, царапая ногтями горло, и свалился замертво.

– Его убило Вечное Синие небо! – торжествующе крикнул кто-то из нукеров. Остальные тут же подхватили:

– Да падет гнев Тенгри на головы всех слуг Алтан-хана и татар!

...Осмотрев товары, Есугей объявил погонщикам:

– Теперь я – ваш господин.

– Здесь человек, непохожий на караванщика, – крикнул из-за повозок нукер, толкая в спину мужчину в коротком зеленом халате, расшитом по швам красным шнуром. В руках тот держал дорожный мешок, из-за пояса торчала костяная рукоять ножа.

– Интересно, – Есугей приподнял бровь, разглядывая широкое, спокойное лицо. – Почему ты не смотришь мне в глаза?

– Я испытываю страх, господин, – ответил мужчина.

– Воин должен уметь преодолевать свой страх.

– Я – не воин.

– В степи все мужчины – воины, – не согласился Есугей. – На тебе тангутская одежда, но ты не тангут, не монгол и не ханец...

– Господин прав – я кидань.

– Как твое имя?

– К чему господину утруждать себя, запоминая все эти наши Ляо и Цай? Зови меня просто: Звездочет, ибо такова моя работа – считать звезды.

Есугей нахмурился.

– Вечное Синее небо создало ночные звезды, чтобы путники могли угадывать по ним дорогу в степи. Зачем ты считаешь их? Это плохо. Это может прогневать Тенгри.

– Древние мудрецы Чань говорили: «Не ищи рогов на голове зайца и волос на панцире черепахи». По звездам я могу угадывать будущность и предсказывать судьбы людей, – смиренно ответил кидань.

– Вот как... Ты второй раз заинтересовал меня. Поедешь с нами. Эй, Даргутай, дай ему лошадь и не спускай глаз с этого человека. Я хочу, чтобы он предсказал и мою судьбу!

Отрядив десять человек сопровождать караван, Есугей-багатур посмотрел в раскинувшуюся над головой голубую бездну, где плавал одинокий коршун, и сказал:

– Поход был долгим. Надо спешить. Моя жена Оэлун скоро родит. Я хочу видеть, как мой первенец появится на свет. Мы возвращаемся домой! Ху-рра!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В западне

Надя ждет меня у подъезда. На ней голубое короткое платье, белые туфли на платформе, волосы уложены в модную прическу. Яркая помада на губах, синие вечерние тени, в руках белая сумочка с кольцами. Все это недвусмысленно означает: родители уехали, квартира свободна. Еще неделю назад, увидев Надю такой, я весь затрясся бы от предвкушения: танцы, прогулка по ночной Казани, бутылка «Монастырской избы» и полутороспальная кровать в Надиной комнате.

Но сегодня мне почему-то делается скучно. Свидание с любимой вроде бы девушкой представляется обычной рутинной или даже работой. Подергаться на танцульках, побродить в полутьме, поболтать ни о чем, выпить – и в койку.

Тоска...

– Привет! – улыбается Надя.

Я сдержано киваю.

– Полчаса жду-жду – тебя все нет, – она продолжает улыбаться.

– Задержался в редакции, – я хочу ответить нормально, но получается как-то рассеяно, вроде бы как через силу.

Улыбка на Надином лице превращается в недоуменную гримаску.

– Что-то случилось?

– Да нет, все нормально... Устал просто.

– Но на танцы-то мы идем? – в голосе девушки звучит тревога и озабоченность.

Я наклоняю голову в знак согласия и вдруг понимаю – нет, сегодня никаких танцев не будет. Не хочу. А раз желания нет, кто сможет меня заставить?

Говорю, глядя на ее пышные, вздыбленные волосы:

– А давай сразу к тебе?

– Как – сразу? – удивляется Надя. – Я два часа на прическу потратила...

Она выпячивает нижнюю губку. Это означает – Надя расстроилась. Меня всегда умиляла эта ее особенность – выпячивать губку. Она делала Надю похожей на ребенка, на маленькую обиженную девочку, которую хочется пожалеть, развеселить, сделать счастливой.

Сейчас мне просто противно. Надя пытается манипулировать мною, это ясно, как божий день.

– Ну, Арте-е-ем... – произносит она, стараясь поймать мой взгляд. – Ну, дава-а-ай схо-одим... В ДК Строителей сегодня ВИА игра-а-ет...

– Нет, – решительно обрываю я ее. – Сказал же – устал. В другой раз.

– Ты говоришь как в кино, – неожиданно заявляет Надя. – Как будто не хочешь... Со мной... Я тебе не нравлюсь?

– Нравишься... – начинаю я и тут же обрываю сам себя: – Погоди. При чем тут – кино, нравишься – не нравишься? Не до танцев мне сейчас.

– Заболел?

Я мрачно матерюсь сквозь зубы. Оказывается, она еще и дура. И как я раньше не замечал? А ведь женился бы – и всю жизнь маялся потом.

Надя не слышит мои ругательства. У женщин есть такая особенность – в нужный момент слышать только то, что хочется. Сообразив, что все пошло не так, как она рассчитывала, Надя меняет тактику. Кажется, в шахматах это называется гамбит – поступиться малым, чтобы выиграть в большем.

Вот только пожертвовать Надя собирается тем, чего и так не имеет.

– Ну ладно, обойдемся без танцев, – снисходительно вроде бы как соглашается она и тут же начинает частить: – Не больно-то и хотелось на самом деле. Па-адумешь, ВИА! Да это ВИА с Компрессорного завода, там и играть-то никто не умеет. Че по жаре таскаться, ноги бить... Ну, пошли? Мамка с отцом в деревню поехали, завтра вечером только вернутся...

Я смотрю на ее подрагивающие ресницы, на губы, на легкий налет пудры, покрывающий щеки. Мне вроде бы и стыдно – вот стоит красивая девчонка и сама уговаривает пойти к ней, остаться на ночь. Но этот мой стыд, он какой-то приглушенный, далекий. Он словно бы остался в прошлой жизни, когда я был другим человеком.

Теперь я – такой. Новый. Наверное, если бы мы с Надей на самом деле играли в кино, зрители осудили бы меня. Но мне честно – плевать. Плевать на все. Я отныне делаю только то, что сам считаю нужным. Меня можно обмануть, но нельзя заставить.

– Извини, – бормочу я и шагаю к подъездной двери. – Сегодня ничего не выйдет...

– Ты... – Надя почти кричит. – Артем! Я с тобой!

– Не надо. Иди к себе, – не оборачиваясь, говорю я и думаю: «Сейчас будет выкинут главный козырь». Надя не обманывает моих ожиданий.

– Ах, так! Тогда я... Я все равно пойду! Меня Нелька, Светка и Венерка звали!

Нелька, Светка и Венерка – это Надины подружки из КИСИ. Разбитные девчонки, «общажницы», которых я «не одобряю». Но сейчас мне все равно.

– Иди.

– Там Бики и Фарид из двенадцатого дома будут! – кричит Надя.

Бики и Фарид – бывшие Надины ухажеры. С ними у меня был в свое время «пацанский базар». По неписаным уличным законам если девушка, которая «ходит с парнем», появится на танцах одна – значит, она свободна.

– Смотри, чтобы они не помахались из-за тебя, – ставлю я точку в разговоре и хлопаю подъездной дверью.

– Прости, Надя, но так будет лучше для всех...

Поднимаюсь по лестнице, останавливаюсь на втором этаже, проверяю почтовый ящик и обнаруживаю письмо. Мятый конверт весь в штемпелях, наискось синееет лихая надпись: «Возврат!». Внутри все сжимается от нехорошего предчувствия. Письмо адресовано мне, но неизвестный отправитель неправильно написал номер дома.

Подойдя к окну – тут посветлее – нахожу на конверте самый первый штемпель, чтобы узнать дату отправления. На нем написано «Москва 017», в центре – дата. Ого, а письмо-то, прежде чем найти меня, блуждало полтора месяца! Его даже пытались вернуть отправителю.

Решительно рву конверт и достаю лист очень белой, приятно-кожистой на ощупь бумаги. Письмо написано аккуратным мелким почерком тонкой перьевой ручкой: «Здравствуй, Артем! Пишет тебе незнакомый родственник Николай Севостьянович Чусаев».

Я вздрагиваю. В моих руках – письмо с того света...

Достаю сигареты, закуриваю. Руки дрожат. Сделав несколько затяжек, берусь за письмо: «Наш род, род Чусаевых, очень древний. Из Понежского летописного свода известно, что князь Всеволод Романович Чусай целовал крест и давал клятву верности Великому князю Ивану Третьему. На протяжении веков наши предки служили русским государям, но в конце XVIII века по неизвестной мне причине Чусаевы были лишены дворянского чина, имущества, отлучены от церкви и сосланы на самый край тогдашнего света – на Камчатку. Лишь в середине

XIX века Федор Александрович Чусаев, купец первой гильдии, получил жалованное дворянство и смог определить двух своих сыновей в военное училище. Достичь былых высот Чусаевы так и не смогли, но, в общем-то, не бедствовали, без особых потерь пережили революцию, служили в РККА. Впрочем, это все сейчас уже неважно.

Дни мои сочтены. Диагноз, поставленный мне, суров и безжалостен. Я уже сделал все необходимые приготовления, но прежде чем ты, ныне старший мужчина в роду (твой отец, а мой племянник – не в счет!), получишь шкатулку, я хочу предупредить тебя: ни в коем случае не открывай ее!

Этой вещью всегда владели мужчины. Наш общий предок, полковник Филипп Аристархович Чусаев, в Первую мировую войну командовавший кавалерийским полком, оставил вполне конкретную инструкцию, в которой указывал, что беды, постигшие Чусаевых во времена Екатерины Второй, связаны с тем, что тогдашний глава рода, князь Владимир Михайлович, открыл шкатулку. К сожалению, послание полковника было мною утеряно в 1943 году, в госпитале, но суть его я изложил верно.

В общем, Артем, ни в коем случае не открывай шкатулку! Когда придет время, ты передашь ее своему старшему сыну или племяннику и дашь прочесть или перескажешь ему мое письмо.

В заключении я хочу извиниться перед тобой за то, что не сумел при жизни найти время, чтобы пообщаться, что не уделял внимание вашей семье. Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет».

Далее поставлена дата, после идет несколько густо зачеркнутых слов и приписка. «Заклинаю тебя, не открывай. Прощай».

Все, больше в письме нет ничего. Аккуратно сворачиваю его, убираю в задний карман и еще раз осматриваю конверт. Адрес написан достаточно разборчиво и верно, а вот номер дома...

Эх, дядя Коля... Впрочем, я не вправе осуждать старика. Он, полуживой, сумел найти в себе силы, чтобы отправить это

письмо и не его вина, что меркнувшее сознание сыграло с ним – а точнее, со мной – злую шутку. Но почему он не отправил его сразу? Чего он ждал?

Стою в подъезде и смотрю сквозь пыльное окно на разноцветные огни в окнах дома напротив. Я спокоен. Мне совершенно не страшно. Это самый настоящий фатализм. От судьбы и вправду не уйти. Шкатулка открыта, ничего изменить уже нельзя. Я даже могу гордиться собой – около двухсот лет никто из людей не касался холодного серебра фигурки, приносящей... Что? Беды? Несчастья? Или все сложнее? Вдруг конь просто дарит свободу выбора? Или побуждает к каким-то действиям?

Теперь я точно знаю, что изменения, произошедшие со мной, неслучайны. Можно, конечно, засунуть фигурку обратно в шкатулку. Но, во-первых, поможет ли это? А во-вторых, и, пожалуй, в главных – зачем?

Мне нравится моя новая жизнь. Новый «я» – лучше прежнего, это ясно. Пусть уж лучше серебряный конь ведет меня по дороге жизни, а куда заведет эта дорога, мы оба со временем обязательно узнаем...

Просыпаюсь рано. Темно. В окно стучит дождь. Спать не хочется. Встаю, делаю зарядку, удивляясь самому себе. Быстро завтракаю и еду в университет. Уже в трамвае вспоминаю, что сегодня можно было и не спешить. Черт!

Новое, год назад выстроенное здание второго гуманитарного корпуса белым айсбергом плывет сквозь дождливое небо. В коридоре пусто. Братья-филологи грызут гранит науки, а у нас, раздолбаев-журналистов, нет первой пары.

Сворачиваю в курилку. Как и ожидалось, там вполне многолюдно. Идет живое обсуждение какой-то темы, в которую меня втягивают с порога.

Арти, а ты как думаешь – надо?

Бики сидит на подоконнике и протягивает мне пачку сигарет. Не ожидал его здесь увидеть.

– Чего «надо»? – переспрашиваю я, жестом отказавшись от курева.

– Гражданский долг Родине отдавать, – Бики смеется. – Я вот, например, никому ничего не должен.

– Ты про армию, что ли?

– Ясен перец. Пусть овчарки служат, у них порода такая.

Разговоры об армии, или, как у нас принято говорить, «армейке», возникают постоянно. Ходят темные слухи, что наверху готовится приказ об обязательной двухгодичной службе всех студентов. Якобы, без этого диплома мы не получим. Ушлые люди, вроде того же Бики, заранее готовятся к этой «подляне», добывая липовые медицинские справки.

У меня, как и у большинства знакомых пацанов, на этот счет мнение однозначное:

– Я чего, не мужик, что ли? Надо – послужим.

– Два года в ауте... – кривит губы Бики.

– Можно ведь это время и с пользой провести, – не соглашается с ним наш комсорг. – В армии в партию легче вступить. Потом с аспирантурой проблем не будет.

Не надо было приезжать раньше времени. Слушай теперь тут всякую занудную муть, – зло думаю я. Смотрю на Бики и вспоминаю вчерашний разговор с Надей. Встречалась она с ним на дискотеке или нет? Видел ли он ее одну? После этих мыслей Бики кажется мне каким-то подозрительно веселым. Или это все бред? Вряд ли она «осчастливила» его в первый же день нашей ссоры. Об этом лучше не думать. В редакцию смотаться, что ли? Тут же вспоминаю, что ничего хорошего меня там не ждет.

После неудачного интервью с профессором Нефедовым в «Вечерке» на меня смотрят косо. Я провалил задание и теперь отмечен невидимым клеймом неудачника. Журналист-

неудачник – что может быть хуже? Вышедший из отпуска главред сослал меня в отдел писем. Раз в неделю я забираю у заведующей отделом Розы Хайрутдиновны папку с корреспонденцией и занимаюсь ее обработкой. На письмах стоят сделанные ее рукой пометки: «Подготовить как заметку», «Ответить», «Выяснить», «Не рассматривать», и все такое прочее. По пятницам я сдаю готовые материалы и исходники. Иногда мои творения даже идут в номер. В основном же это работа «на процесс». Правда, нет худа без добра: теперь я регулярно получаю зарплату – редакторские полставки. Это полновесные сорок рублей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Рождение Темуджина

В прошлое меня затягивает прямо во время лекции. Еще секунду назад я слушал, как доцент Еремеев втолковывает нам особенности спряжения латинских глаголов – и вот уже перед глазами совсем другая картина.

...Курень Есугея – десяток юрт, обнесенных кругом из повозок с огромными колесами – казался похожим на растревоженное осиное гнездо. Повсюду полыхали огромные костры. Старухи кидали в огонь охапки сухих трав и горький дым плыл над степью, отгоняя злых духов. Каждый обитатель куреня, будь то человек или животное, должен был пройти через пламя этих костров, чтобы очиститься от всякой скверны.

Шаман Мунлик, опередивший отряд Есугея, расхаживал между юрт, потрясая посохом, и каркающим голосом отдавал распоряжения. По его приказу задранные вверх дышла телег обвязали волосяными веревками и развесили на них медные бубенцы. По словам шамана, тех духов, что не убоялись дыма и огня, должно испугать бренчание начищенной меди.

Мужчины, усевшись в кружок, вполголоса пели протяжную и бесконечную, как сама степь, песню о свершениях и подвигах, ожидавших того, кто должен был прийти этой ночью. Старики точили ножи, чтобы разум его был острым, как железо. Девушки украшали себя бусами и браслетами, чтобы мысли его были ясными, как самоцветы. Девочки расчесывали гривы коней, чтобы дороги его были прямыми, как конские волосы. Мальчики стреляли из луков в череп быка, торчащий на палке – чтобы он не ведал страха и всегда был быстр, отважен и неотвратим, как метко пущенная стрела.

Все эти приготовления совершенно не трогали красавицу Оэлун, жену Есугея-багатура. Она лежала посреди главной юрты куреня, раскинувшись на вышитом хорасанском ковре, изможденная и безучастная. На лбу женщины выступили капельки пота, глаза запали, высохшие губы обметало. Время от времени она постанывала, судорожно стискивая короткую, потемневшую палку, отполированную сотнями рук.

В очаге пылало жаркое пламя; языки огня облизывали бока закопченного котла, в котором кипела вода. Клубы пара поднимались к дымовому отверстию и таяли, наполняя юрту влажным теплом. Но пот на лбу Оэлун не был следствием этого тепла.

Жена Есугея готовилась родить своего первенца. Ребенок, по единодушному мнению старух, мальчик, не хотел выходить. Он ворочался в материнской утробе, бил ножками, причиняя Оэлун сильную боль. Шаман Мунлик, осмотрев роженицу, велел всем покинуть юрту и оставить женщину одну.

– Младенец не хочет, чтобы кто-то видел, как он появится на свет, – заявил шаман. – Оэлун – жена волка. Она родит как волчица, в своем логове, одна. Это случится в середине ночи, а там появится и волк с добычей. Такова воля Тенгри!

Перечить Вечному Синему никто не стал. Старухи-повивальщицы, через чьи морщинистые руки прошла не одна сотня младенцев, одна за другой покинули юрту. Оэлун закрыла глаза и почувствовала облегчение.

С тех пор прошло довольно много времени. Час Рыбы сменил час Кречета, а его – час Верблюда. Ребенок успокоился и Оэлун решила, что сегодня ничего не будет, что все случится завтра или в один из следующих дней.

Женщина закусила губу. Она представила, как ее рыжебородый муж возвращается из удачного похода. Вот Есугей спрыгивает с коня, вот заходит в юрту – и видит ее, измученную, некрасивую, не сумевшую осчастливить его сыном. Видит плохую жену.

«Так не годится, – подумала Оэлун. – И шаман ясно сказал: середина ночи. Я – хорошая жена. Я все сумею. Я должна!»

Она зубами впилась в отполированную палку, сжала руки так, что ногти вонзились в ладони, и принялась изо всех сил выталкивать из себя сына.

Курень ждал. Стемнело. Из-за туч выглянула полная Луна зловещего багрового цвета.

Дикая боль пробила тело Оэлун навывлет, раскаленным копьем воткнулась в позвоночник, железными обручами стянула живот, ударила в голову. Но Оэлун не сдалась, не отступила. Она выгнулась дугой, зарычала, как рычат дикие звери, и, упершись пятками в мягкий ворс ковра, с новыми силами начала тужиться.

И ребенок словно понял, что хотела от него мать! Тягучая боль внизу живота вдруг сменилась острой, режущей и эта другая, новая боль оказалась во стократ сильнее всего того, что уже испытала Оэлун. Палка выпала из ее рта, глаза закатились. Точно во сне, она слышала за входным пологом юрты встревоженные голоса повивальщиц, умолявших Мунлика пустить их внутрь и карканье шамана:

– Она – волчица! Чтобы сын ее был добрым волчонком, он должен родиться в муках! Так хочет Тенгри! Так хочет Тенгри!

Не сдержав себя, Оэлун закричала так громко, что пламя в очаге всплеснуло своими огненными крыльями. На мгновение наступила тишина, а потом откуда-то из ночной степи донеслось звонкое ржание коня – это скакун Есугея услышал голос жены своего повелителя и ответил ей. И тотчас же все овцы, верблюды, лошади и люди подхватили этот крик и многоголосоца поплыла над степью, распуская зверей и птиц.

Последним в этот хор вплелся пронзительный, требовательный крик ребенка, покинувшего материнское лоно. Оэлун бес- сильно откинулась на мокрый от пота и крови ковер.

Свершилось!

Возле юрты застучали копыта, сильная рука сорвала полог и Есугей-багатур, сбросив на землю покрытый пылью войлочный плащ, шагнул внутрь. Его глаза сияли, как звезды.

– Сын! – громовым голосом выкрикнул он, опускаясь на колени рядом в женой. – У меня родился сын! Эй, люди! Огня!

Нукеры с факелами, седобородые старики, повивальщицы – все они толпой ввалились в юрту и замерли, глядя на сморщенный живой комочек, ворочавшийся между ног Оэлуна.

Есугей прокалил в рдеющих углях очага нож и сам перерезал пуповину. Старухи тут же перевязали ее шелковыми нитями. Отец взял сына на руки и все увидели, что в правой ручонке мальчик сжимает кусок черной запекшейся крови величиной с овечью печень.

– Я сдержу слово, данное врагу! – произнес Есугей, поднимая младенца над головой. – Нарекаю тебя, сын мой, Темуджином! В этом имени звенит сталь мечей, от него веет жаром битвы. В честь нашей победы и на страх недругам – живи, Темуджин Борджигин, Железный Волк. В урочный час ты займешь мое место!

Мальчик, озаренный мятущимся светом факелов, молчал. Его мутные, темные, как у всех младенцев, глаза ничего не выражали. В юрте воцарилось молчание.

– О Есугей, прозванный Багатуром! – разрезал тишину хриплый голос шамана. – Я кидал наконечники стрел на черный камень, я разматывал собачьи кишки, я обжигал на огне баранью лопатку и вопрошал Вечное Синее небо. И я скажу больше: он не только займет твое место, но и возродит былую славу Борджигинов. Придет время – Темуджин станет великим ханом! Под его пяту склонятся не только монголы – весь мир!

Есугей довольно захохотал, встряхнул мальчика и тот раскрыл беззубый рот, запищал, показывая розовые десны.

– А теперь мы будем есть мясо и петь песни! – провозгласил Есугей. По его знаку все покинули юрту, неся собравшимся сна-

ружи весть о рождении мальчика. Мунлик застучал в свой бубен и глухому буханью натянутой кожи вторил звон бубенцов на шестах. Они сослужили хорошую службу, не пустив злых духов в курень.

Отец бережно передал ребенка старухам. Темуджина обтерли пучками сухой ковыли, завернули в шкурку ягненка и передали Оэлун. Она прижала к себе сына, обнажила грудь и зажмурилась от боли, когда мальчик жадно придавил сосок. Но это была счастливая, самая счастливая в жизни женщины боль и Оэлун тихонечко рассмеялась, разглядывая чмокающего Темуджина.

Есугей, лежа рядом с женой и сыном, думал совсем о другом. Он стал отцом. Придет время, и Темуджин унаследует все, что имеет сейчас Есугей – улус, дружину нукеров, власть над племенами монголов, силу и смелость Борджигинов.

И фигурку из серебристого металла, что хранится под кожаной подкладкой шапки Есугея.

Эту фигурку он нашел, будучи еще подростком. Их было семеро, семеро мальчишек, рыбакащих на берегу Онона. Оползень случился неожиданно, огромный пласт глины рухнул в реку, подняв мутную волну, выхлестнувшую на заливной луг, лежащий на другой стороне.

Оползень открыл недра приречного холма и Есугей в числе прочих увидел торчащие из красной глины черные бревна, кости, черепа людей и животных, ржавое оружие.

И золото. Много золота. Товарищи Есугея бросились собирать его, азартно выворачивая из древнего могильника останки похороненных там, в незапамятные времена людей и жертвенного скота. Бляшки, ожерелья, браслеты, кольца, цепи и подвески – их набралось две корзины.

Есугей поднялся к могильнику последним. Он не стал грабить мертвых. Его внимание привлекли диковинные доспехи

неизвестного властелина, многие века спавшего под курганом. Круглый бронзовый шлем, чешуйчатый панцирь, юбка из металлических пластин. Юный монгол никогда не видел такой брони. Чтобы получше рассмотреть шлем, он снял его с коричневого черепа и заметил, что между челюстей мертвеца что-то посверкивает.

Это оказалась маленькая фигурка, изображающая воющего на незримую луну волка. Прикосновение к ней обожгло Есугея холодом. Он тут же забыл о золоте, доспехах, о могиле и радостно хохочущих друзьях. Волк словно заморозил его.

Вечером в курень, где жил Есугей, явился старый шаман Баяуд. Осмотрев могильное золото, разложенное на конских шкурах, он недовольно заворчал и объявил, что это проклятые вещи, принадлежавшие во времена оно могущественному правителю древнего народа хунну.

– Они были дики обликом и нравом. Кровожадной ордой прокатились хунну по миру, везде оставляя за собой лишь мертвецов. Тенгри разгневался на них, проклял и стер с лица земного. Золото должно быть возвращено в могилу. Так хочет Вечное Синее небо. А потом, когда вы вернете смерти то, что ей принадлежит, я буду проводить большой обряд очищения.

Сокровища хунну вернулись к своему владельцу. Монголы трудились всю ночь, насыпая над старым курганом новый, в три раза больше, чтобы никто не потревожил сон проклятого властителя. Есугей работал вместе со всеми и никто не знал, что в поясе юноши завязана леденящая фигурка волка.

Здесь не было нарушения воли Вечного Синего неба. Шаман сказал про золото, но фигурка не была золотой. Скорее серебряной или даже стальной. Что проку мертвецу от такого богатства?

Есугей не признался бы даже под пыткой, что все эти отговорки он придумал, потому что не в силах был расстаться с Волком. Ночью, украдкой, он зашил фигурку в шапку и лег спать, уверенный, что поступил правильно.

С того момента жизнь рыжего парня из рода Борджигинов изменилась. Есугей вдруг обнаружил, что многие сверстники и даже взрослые мужчины боятся его. Этот страх обессиливал, вызывал ненависть, однако в драках или словесных перепалках Есугей неизменно брал верх. И постепенно старики, а затем и старшие мужчины рода заговорили о возрождении славы Борджигинов, о небесной крови, проявившейся в Есугее.

Так началось его возвышение. Потом было немало набегов, стычек, походов, битв, но Волк, зашитый в малгае, неизменно помогал Есугею, прозванному «багатуром», побеждать всех врагов. Есугей бил мечом, а Волк – страхом. Никто в степи не мог противиться этому двойному натиску.

«Скоро я соберу все монгольские племена в один разящий кулак! – размышлял Есугей, глядя на притухшие угли в очаге. – Империя Цзинь не выдержит нашего натиска. Это будет месть за Хабул-хана, за Амбагая, за всех убитых, замученных, уморенных голодом, проданных в рабство... Так будет! Волк поможет мне».

Оэлун и маленький Темуджин уснули. Есугей тихонько поднялся и вышел из юрты. Его встретил восторженный рев нукеров. Над кострами висели котлы, поодаль резали баранов для пиршества и собаки жадно поскуливали в ожидании.

Кто-то из старейшин рода преподнес Есугею чашку с аракой.

– Во славу Вечного Синего неба! – провозгласил хозяин куреня и плеснул из чаши в ближайший костер. Взметнулось голубоватое пламя, борода Есугея затрещала, но он не обратил на это никакого внимания. До дна осушив чашу и бросив ее в огонь, он велел позвать Звездочета, захваченного вместе с торговым караваном.

Усевшись на ханской кошме, Есугей знаком показал пленнику устроиться поодаль. Вокруг уже всюю шел пир, мужчины и женщины пили и ели, провозглашая здравицы в честь счастливого отца и господина.

– Тебя покормили? – спросил Есугей у Звездочета.

– Да, господин, я сыт.

– У меня родился сын.

– Я счастлив, что присутствую при этом радостном событии, господин. Желаю ему быть крепким, сильным и удачливым, как отец.

– Хорошо сказал! – захохотал Есугей. – Эй, кто-нибудь! Принесите нам архи!

Осушив вторую чашу, рыжебородый потомок Хабул-хана снова обратился к киданю:

– Говорят, вы, звездочеты, умеете угадывать будущее? Я хочу, чтобы ты предсказал, как сложится судьба моего сына.

– Конечно, господин.

– Сколько тебе нужно на это времени?

– Нисколько, господин, – Звездочет запрокинул голову и бросил взгляд на сияющие в ночной бездне звезды. – Я все вижу. Твой сын пройдет через множество испытаний, но лишь укрепит его характер и закалит волю. Он станет не просто великим, а величайшим человеком на земле. Так говорят звезды.

– Посмел бы ты сказать что-нибудь другое! – пьяно ухмыльнулся Есугей и толкнул Звездочета в бок. – Ну, а что предрекают звезды мне?

– Увы, господин... Ты не сумеешь свершить задуманного и умрешь, отравленный твоими врагами.

Слова Звездочета услышали все. Воцарилась тишина.

– Он лжет! – завопила одна из жен Амбагая, старая, желчная Орбай. – Убей его, о Есугей-багатур! Во славу Вечного Синего неба – убей!

– Тихо, Орбай-гуай! – оборвал старуху Есугей. Он поднялся на ноги и обратился к остальным: – Эй, люди, а почему никто не пьет и не ест? Этот человек – мой гость. Его слова обращены ко мне. Негоже вам слушать их. У меня родился сын! Слава ему! Ху-урра!

– Ху-урра! – дружно гаркнули монголы. Пиршество возобновилось с новой силой.

Есугей вернулся на место, внимательно посмотрел на побледневшего киданя.

– Продолжай.

– Я все сказал, господин. Поверь, моей вины тут нет. Звезды безучастны. Их воля не поддается нашим желаниям.

– Ты боишься меня, – глядя в глаза Звездочета, сказал Есугей.

– Это плохо.

– Почему, господин?

– Меня боятся только враги.

– Я – не враг тебе, – опустив взгляд, произнес Звездочет.

– Меня боятся только враги, – с сожалением повторил Есугей.

– Но я не убью тебя. Сегодня великий день. Благодарю моего сына. Но не задерживайся, скоро утро и кто знает, какие мысли придут мне в голову, когда взойдет солнце. Бери лошадь – и прощай!

Звездочет поднялся, низко поклонился Есугею и молча оседлал коня. Нукеры расступились и он ускакал в сумеречную степь.

– Еще архи! – крикнул Есугей, глядя вслед Звездочету, и требовательно протянул чашу. – Я желаю напиться пьяным и уснуть у порога моей юрты! Сегодня великий день! Ху-урра!

С трудом дожидаясь окончания лекции. Все лицо горит, в голове звон, ноги ватные. Сегодняшнее погружение в историю далось мне трудно. Ковылю в туалет, умываюсь холодной водой. Смотрю на себя в зеркало. Что-то не так. Вроде и нос, и рот, и уши на месте, волосы, прическа как у Ринго Старра, моя тайная гордость; но взгляд стал каким-то другим. Точно, взгляд! Точнее, глаза.

Они поменяли цвет!

С рождения я был кареглазым. На эту тему всегда завидовал Витьку – у него глаза были голубыми-голубыми, точно нари-

сованными акварелью. Мне тоже хотелось такие, но изменить ничего было нельзя.

Приближаю лицо к зеркалу, оттягиваю веко левого глаза. Он из карего стал каким-то желтым, орехового цвета. А правый, наоборот, потемнел и превратился практически в черный. Зрение при этом не изменилось. Вижу я нормально.

Почему-то первое желание, возникшее после увиденного – надеть очки с темными стеклами. Но, во-первых, у нас в Казани такие очки мужики носят только если неудачно на свадьбе погуляли, а во-вторых, мне нравятся мои новые глаза. Я стал необычным, не таким, как все, и это приятно волнует.

Радость омрачает только одно – у Есугея-багатура из моего видения тоже были глаза разного цвета. Я не хочу становиться таким, как Есугей. То есть, конечно, хочу, но с трудом представляю, как можно применить его таланты бойца и вождя в наше время. С таким характером, как у потомка Хабул-хана, мне прямая дорога – в преступники.

«Или в армию», – подсказывает внутренний голос.

Хм, армия... Я задумываюсь, но потом гоню от себя эти мысли. В конце концов, я же на самом деле не стал таким, как Есугей.

У меня просто глаза поменяли цвет...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пристальное внимание

Звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит Надя — ревет, дрожит вся. Хватаю за руку и затаскиваю в коридор.

– Что случилось?

– Ты меня убьешь.

Вытираю слезы с ее щек.

– Что?

– Или будешь презирать...

Ревет без остановок. Беру за плечи, легко встряхиваю.

– Что случилось?

– У меня Бики был.

– Прекрасно. Свято место пусто не бывает... Чувствую, что кольнуло, но не ранило. Скорее противно.

– У нас ничего не было, клянусь.

Принимаю как можно более равнодушный вид.

– Меня это не касается.

– Клянусь тебе! Он только после дискотеки зашел просто чай пили, правда!

– Ты чего реवेशь?

– Ты не будешь меня ненавидеть?

– За что ненавидеть, если у вас ничего не было?

Ревет еще сильнее. Значит было. Значит, я не зря почувствовал сегодня утром, не параноил.

– Или ты сейчас же спокойно рассказываешь, что случилось, или иди жалуйся в другое место.

– Я не могу!

Больше всего хочется ее выгнать, но, с другой стороны, как бы там ни было, она мне не чужая. Завожу на кухню, ставлю чайник на огонь.

Бики знаю давно и он никогда мне не нравился. На то были свои причины. Первая и главная — он тоже был в нашей сборной, и не просто «был», а делил со мной первое почетное место. Разница между нами была только в том, что Маратыча он раздражал, а вот ко мне старый тренер явно благоволил. Но поначалу на тренировках не было ни дня, чтобы Бики меня не подколот. «Глаз – алмаз», – говорил он мне, намекая на то, что стреляет точнее. Потом Маратыч сделал так, чтобы мы не пересекались и я только по слухам от других ребят узнавал про успехи своего главного соперника. Второй же причиной была Надя. Бики вился вокруг нее и так и эдак. Родители по заграницам мотаются, квартира пустая, модных шмоток навалом, плюс импортный фотоаппарат... У бедной Надюхи ехала крыша, но так уж повелось, что любила она меня. И тут, уж не знаю, то ли со страху, а может и правда хоть капля благородства в этом парне была, но после разговора со мной он от Надюхи отстал и больше я его не видел, если не считать тех редких случаев, когда мы, как сегодня утром, пересекались в курилке.

– Так что там Бики? – строго спрашиваю я.

– Он сумку у меня оставил, – чуть успокоившись мямлит Надя.

– И что?

– Говорит, она ему нужна.

– Пусть забирает.

– Он сказал, чтобы я принесла.

Виджу, что ее глаза снова наполняются слезами.

– А больше он ничего не хочет?

– Я должна принести...

– Да выбрось ты ее из окна или на помойку — надо будет, сам заберет.

– Он сказал принести, иначе он всем покажет фотографии.
Как обухом по голове. Даже не хочу спрашивать, что за фотографии и откуда они у него появились. Вот же дура ты, Надя.
– Я ничего не помню, я пьяная была.
– От чая? – злобно бросаю я, а самому хочется ударить эту бестолочь. Или обнять и успокоить.
– Мамочки, что же я наделала?
Быстро обуваюсь, набрасываю ветровку.
– Давай сюда эту сумку и адрес.
– Артемочка...
– Быстро!
Хочется как можно быстрее уйти из дома, чтобы больше не видеть ее опухшего от слез лица и не слышать этих тошнотворных оправданий. Поднимаемся на пятый этаж, забираю сумку и на слух запоминаю адрес. Внутри все кипит от желания размазать эту гниду Бики по стенке. Или схватить за горло и вырвать кадык.

Шурша опавшими листьями, подхожу к нужному дому. В переулке темно, единственный фонарь заслоняют ветви старой липы. Впереди возникают человеческие фигуры. Парни, взрослые, здоровые парни. Пятеро... нет, шестеро. Они выстраиваются в ряд, загородив проход.

Во рту становится сухо, сердце бросается в галоп, посылая мозгу сигналы: «Внимание! Будь начеку!». «Да что ж такое! Как у Высоцкого – «они стояли, молча в ряд, их было восемь». Надо линять», – проносится у меня в голове. Перехватываю сумку поудобнее и останавливаюсь. Нас разделяет метра четыре. Если сорваться прямо сейчас, то не догонят. Дворовый кодекс чести гласит, что одному убежать от шестерых не зазорно.

– Стоять! – кричит один из парней. Они уже поняли, что добыча ускользает из рук.

– Хрен тебе! – весело отзываюсь я и бросаюсь обратно. Сухие листья взвиваются в воздух – и с шуршанием опадают на асфальт, потому что я тут же останавливаюсь. Передо мной – два милиционера. Луч фонарика светит мне прямо в лицо.

– Не суетись, – ласково советует один из стражей порядка. За спиной слышится топот. Парни окружают меня. Я ничего не понимаю. Уличная шпана заодно с ментами? Так бывает?

Еще один фонарик слепит мне глаза.

– Боевая комсомольская дружина, – рычит в ухо один из парней, похоже, тот, что кричал «Стоять!». – Что у вас в руках?

Я прячу сумку за спину, интересуюсь:

– А документы можно посмотреть?

Вопрос про документы я задаю скорее от отчаяния. Обращение на «вы» мне уже все разъяснило, это и впрямь БКД. Запоздало припоминаю – в универе кто-то накануне говорил, что у бэкэдэшников готовится совместный с милицией рейд по танцплощадкам, дворам и подвалам. Но здесь-то, в тихом переулке, они что делают?

Тем временем командир БКД показывает мне удостоверение и нетерпеливо пинает сумку ногой:

– Ну, что там у нас?

– У вас – ничего, – я стараюсь сохранять спокойствие. Про БКД ходит много нехороших слухов, вплоть до того, что они бритвами режут клеши и воротники у рубашек. В Москве, говорят, эти дружины давно отменили, а у нас вот до сих пор встречаются еще любители толпой поиздеваться над каким-нибудь модником. Но только я-то тут причем? Одет я обычно, без выпендрежа.

«Значит, они с самого начала сидели тут в засаде и ждали Бики. Или Надю? Или меня? ».

– Хватит вола за хвост тянуть, – говорит один из милиционеров и командует мне: – Открывай.

– Это не моя, – отвечаю я ему и ставлю сумку на асфальт.

– А чья?

– Нашел. На остановке стояла, вон там, – я машу рукой в сторону трамвайных путей.

– Да-а? – притворно удивляется милиционер.

Бэкэдэшники дружно ржут. Смешно им, гадам... А ведь любой мог бы оказаться на моем месте. Или не любой? Или это я один такой доверчивый лопух?

Второй мент садится на корточки и, подсвечивая фонариком, вжикает молнией сумки.

– Ну, ни хрена себе, – пораженно произносит он. Гогот смолкает – все наклоняются над сумкой. Я через плечо одного из парней вижу упакованные в прозрачные пакеты нейлоновые колготки с фирменными наклейками, какие-то красочные журналы, флакончики лака для ногтей...

– Документы при себе есть? – мент с фонариком крепко берет меня за локоть.

Документов, ясное дело, нет. Да и кто будет таскать с собой паспорт ночью в своем городе? Не за границей же!

– Вам придется проехать с нами.

Вот это номер. Я иду следом за ментами к желтому «Уазику», в народе такие называют «луноходами» за синие мигалки на крыше. Мозг разрывает от количества версий. Подстава или совпадение? Правду ли говорила Надя? Или ее заставили? Или решила так жестоко отомстить? Может быть, Бики подговорил Надю меня подставить? Но зачем? Устранить как соперника по сборной? Или как соперника самца? Бред! Бред-то бред, но с поличным взяли меня и, судя по всему, это чей-то хорошо продуманный план. Как всегда, вопросов больше, чем ответов. Дверца уазика с шумом захлопывается, словно перерубая еще одну нить, связывающую меня с моим безоблачным прошлым.

Из милиции, Вахитовского РУВД, расположенного в одном из самых «веселых» районов Казани – Калуги, меня отпускают в

одиннадцатом часу вечера. Нахлебался я там, что называется, по полной. Пальцы мои черны от типографской краски, с помощью которой снимают отпечатки, щеки мои горят от пережитого унижения – меня обвиняют в спекуляции! Но это не самое страшное. В сумке, помимо импортного барахла, оказались какие-то журналы с голыми бабами и западными рок-звездами. Оперативный дежурный, оформлявший протокол, заставляет меня подписать его и обещает «пристальное внимание» к моей персоне со стороны органов госбезопасности. Кроме того, будет «телега» в университет и штраф. Чудно, просто чудно!

Но и я в долгу не остался. В какой-то момент злоба, клоко-тавшая во мне, выплеснулась и я наорал на ментов, как тренер на проигравших футболистов. Как только я их не полоскал! И жандармами обозвал, и уродами слепошарыми, и жаловаться обещал в прокуратуру (знать бы еще, где она находится), и экспертизу требовал провести, чтобы выяснить – есть ли мои отпечатки пальцев на вещах.

– Ага, ты еще спектральный анализ закажи, – спокойно выслушав меня, с иронией подсказал дежурный и, обращаясь к зашедшему в кабинет старлею, сказал: – Смотри, какая фарца нервная пошла! Его с поличным взяли, а он права качает!

– Глаза-то у него какие модные! Тоже, небось, из-за границы?

Уроды хохочут, направляя свет лампы мне в лицо.

– Где купил такие?

– А ты выковырни и на обратной стороне посмотри.

– Себе поковырай, – вяло огрызнулся я, прикрывая глаза рукой. От яркого света я испытывал неприятную резь.

– Ты его законопать на пятнадцать суток, пусть о жизни подумает, – посоветовал старлей, забрал какую-то папку и ушел.

– Пятнадцать суток... – задумчиво проговорил дежурный, разглядывая меня. Я с трудом заставил себя успокоиться и тихо сказал:

– Не надо... Извините.

– То-то! – обрадовался милиционер и пододвинул мне протокол. – Подписывай!

...Я шагаю по темным улицам и мысленно представляю, что я скажу своей бывшей невесте. За высокими заборами шелестят остатками листвы яблони и вишни. Калуга рано ложится спать. В это время суток по улицам здесь шастают только «конторы» – так зовутся шайки парней, промысляющих уличным разбоем.

Но мне все уже по барабану. Контора так контора, плевать. Жизнь моя, некоторое время побалансировав на гребне, катится куда-то вниз, в темноту...

Когда я подхожу к автобусной остановке на улице Вишневского, в довершение всех бед начинается дождь. Не морозящий осенний дождик, а настоящий проливной дождь с сильным ветром! Крыша остановки не спасает, я мгновенно промокаю до нитки. Покачиваясь на ухабах, подъезжает огромный рейсовый ЛИАЗ, прозванный в народе «скотовозом». Автобус светится в ночи, напоминая передвижной аквариум. Захожу, протягиваю кассирше рубль – меньше у меня нет – и замечаю, что пальцы мои оставили на купюре черные следы.

Мне стыдно. Кажется, что все немногочисленные вечерние пассажиры смотрят на меня с осуждением. Я преступник, спекулянт, антисоветчик. Мною будет интересоваться КГБ...

Согревшись в автобусе, я выхожу на «Пионерской» и дождь с ветром набрасываются на меня с новой силой. Захожу во двор, в лицо летят мокрые листья. Меня бьет озноб. Внезапная слабость делает тело неподъемным, ноги подкашиваются, словно не в силах выдержать вес и я падаю на ближайшую скамейку, больно ударившись скулой об холодные железные перила. Еще секунда и меня уносит в далекий XII век...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Повестка

Отец и сын ехали по степи. Вечерело. В траве посвистывали суслики, коршун плыл над холмами, высматривая добычу. Стояла ранняя осень, днем солнце еще припекало, но ночами в низинах уже похрустывал ледок на лужах.

Всадники отпустили поводья, увлеченные беседой.

– Зачем мне жениться, отец? – спрашивал Темуджин, заглядывая в лицо Есугею. Высокий для своих восьми лет, с необычно светлой для монгола кожей, Темуджин сильно походил на отца, только глаза у него были другие – желтые, круглые, как у совы или камышовой кошки.

– В твоем возрасте надо, чтобы была невеста. А поженитесь вы, когда станете взрослыми. Пройдет еще семь-восемь лет – и ты приведешь в свою юрту молодую жену. Но договориться надо сейчас, – отвечал Есугей.

– А почему мы едем к олхонутам? Неужели нельзя найти невесту поближе?

– Твоя мать Оэлун из этого племени. Я хочу, чтобы моя невестка была такой же красивой и мудрой, как она.

Темуджин помолчал, и, указав на мерцающие между двух темных гор огни, спросил:

– Что это?

– В этих местах кочуют унгираты. Они не враждебны нам. У многих мужчин нашего рода жены были унгиратками. Это становище попало нам на пути кстати. Ночь будет холодной. Там мы и переночуем.

Есугей пустил коня рысью, криком увлекая за собой сына. Темуджин некоторое время медлил, задумчиво глядя на даль-

ние огни, потом вытянул лошадь плетью и помчался следом за отцом.

...Унгиратский нойон Дэй-сечен, старый, неуклюжий человек с высохшей рукой, низко поклонился Есугею и его сыну, широким жестом пригласил дорогих гостей в свою юрту. Пока гости с дороги пили чай и вели с хозяином неспешную беседу о погоде и здоровье родственников, в юрте шли приготовления к трапезе. Вскоре все семейство Дэй-сечена заняло подobaющие им по возрасту и положению места вокруг главного очага. По странной прихоти Вечного Синего неба у унгиратского вождя вовсе не рождались мальчики. Двенадцать девушек и девочек сидели на женской стороне юрты. Темуджин украдкой рассматривал их. Это были обычные степнячки, таких и в родном курени немало. Они хихикали. Вполголоса переговаривались, бросая на важных гостей любопытные взгляды. Лишь одна девочка, судя по всему, ровесница Темуджина, выглядела необычайно задумчиво. Перебирая руками узорчатый платок, она смотрела на огонь, и слегка раскачивалась из стороны в сторону.

«Ненормальная, – решил мальчик. – Зачем Дэй-сечен держит ее возле себя?»

Тем временем, воздав должное Тенгри и духам стихий, все приступили к еде. Вареная баранина, жареные на огне куропатки, вяленая конина и отварная рыба лежали на деревянных досках. Дэй-сечен на правах хозяина отрезал лучшие куски и преподнес их гостям.

– Твой мальчик вырос, – как бы, между прочим, сказал он, обращаясь к Есугею. – Не пора ли подумать о женитьбе?

– Ты попал в летящего гуся, не целясь, Дэй-сечен, – обгладывая баранью грудинку, ответил Есугей. – Мы как раз едем к олхонутам искать моему Темуджину достойную невесту.

Дэй-сечен замер, потом громогласно повелел принести мех со сладким цзиньским вином.

– Давай выпьем, о Есугей Борджигин! Выпьем и восславим Вечное Синее небо, ибо это оно привело тебя и твоего ясноглазого, белолицего сына в мою юрту!

Наполнив чаши, мужчины и Темуджин осушили их, предварительно обмакнув в вино пальцы и побрызгав в огонь. Дэй-сечен утер подбородок и вновь заговорил:

– Снился мне, о Есугей-багатур, этою ночью сон. Будто бы слетел ко мне на руку с небес белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. Старики говорят – такой сон к добру, к прибытку и счастью.

– Говорят еще, что сон этот – к скорой свадьбе, – засмеялся Есугей. Он понял, куда клонит унгиратский нойон.

– Мудрость стариков вызывает уважение, – степенно произнес Дэй-сечен. – И еще я скажу тебе, о Есугей рассудительный: красу дочерей нашего племени знают все. Ханы твоего рода всегда брали наших девушек. Едва только восходили на девять белых войлоков, как тут же и слали сватов. Ну, а мы всегда соглашались. Запрягали в самую большую кибитку самого быстрого темно-серого верблюда и отправляли красавицу на ханское ложе. Унгиратские жены славны щитом своим. А девушки – кротостью. Не прогадаешь ты, если решишься найти Темуджину невесту здесь.

– Я услышал тебя, о Дэй-сечен, – ответил Есугей. – Ты не зря носишь прозвище «мудрый». Свой ответ я дам завтра утром.

Темуджин полночи не спал. От цзиньского вина болела голова, но сильнее этого тревожили мальчика слова отца. Какое решение он примет? Что скажет утром? Неужели будет выбирать невесту из дочерей Дэй-сечена? А вдруг выберет ту, умалишенную? В юрте гости, а она поет про себя песни и качается! Вот дурочка...

Только перед рассветом Темуджин забылся тяжелым сном. Но спать ему пришлось недолго. Отец поднял мальчика и велел идти за собой.

– Ночью прискакал гонец. На Орчун-голе видели разъезды татар. Мне надо возвращаться, – на ходу сказал он сыну. – Мы

говорили с Дэй-сеченом. Твой невестой будет его дочь Борте. Сейчас вы познакомитесь. Ты на время останешься здесь.

Темуджин знал – когда отец говорит так, спорить бесполезно. Он вздохнул, вошел в ярко освещенную масляными светильниками юрту и застыл, как вкопанный. Рядом с Дэй-сеченом на детской скамеечке сидела одетая в расшитый золотом халат та самая дуручка.

– Ну, иди же, – Есугей подтолкнул его в спину. – Иди, Темуджин!

Пришлось повиноваться. Борте, едва только Темуджин встал перед ней, не поднимая глаз, спросила:

– Ты умеешь играть в бабки?

– Конечно, умею, – фыркнул мальчик, и в свою очередь, задал вопрос: – А ты почему вчера качалась, как пьяная?

– Я про себя молила Тенгри, чтобы вы не уехали, и ты стал моим мужем, – тихо ответила девочка и посмотрела на Темуджина своими черными, бездонными, как ночь, глазами. Посмотрела – и сын Есугея-багатура почувствовал, как земля колыхнулась у него под ногами...

Отец покинул курень Дэй-сечена, едва солнце поднялось над вершинами далеких гор. На прощание он сказал Темуджину:

– Поживешь в зятях у унгиратов. Сойдешься с новой родней. В степи сейчас тревожно. Я пришлю за тобой или приеду сам, как только мы прогоним татар. Прощай, Темуджин. Да хранит тебя Вечное Синее небо.

И вскочив на коня, он вдруг весело крикнул Дэй-сечену:

– Моего парня страсть как не любят собаки! Береги его от них!

Дочери унгиратского вождя, столпившиеся поодаль, приснули в кулачки. Темуджин насупился. Он и вправду с малолетства боялся собак и ненавидел их. Косматые пастушьи псы-хасары платили ему тем же, постоянно набрасываясь на мальчика.

Пока Темуджин злился от обиды, Есугей отъехал достаточно далеко. И только тогда, глядя вслед быстро удаляющемуся отцу, мальчик понял, зачем тот сказал про собак.

Есугей-багатур напомнил мудрому Дэй-сечену, что в жилах его сына течет кровь небесного волка...

Прошло три дня. За это время Темуджин успел подружиться с дочерьми унгиратского нойона, освоиться в курени новой родни и даже съездить с Дэй-сеченом на охоту.

Когда шаман Мунлик соскочил с коня на краю становища, никто не заметил его – все унгираты собрались у юрты Дэй-сечена, наблюдая за борьбой сына Есугея и мальчика по имени Сарган, доводившегося Борте троюродным братом.

Юные борцы, обхватив друг друга, тяжело дышали, стараясь повалить друг друга на землю. Толпа подбадривала их восторженными криками. Саган почти уже свалил Темуджина, но тот в самый последний момент сумел вывернуться. Он дал Сагану подножку, навалился сверху, не давая сопернику встать.

– Так не честно! – завопил Саган, тщетно пытаясь высвободиться. – Не по правилам!

Ба-амм! – гулко ударил шаманский бубен. Люди замолкли, начали испугано оглядываться на подошедшего Мунлика. Темуджин слез с Сагана, протиснулся вперед.

Шаман был мрачен. Он еще несколько раз потревожил бубен и заговорил, глядя в землю:

– Горькие, черные вести привез я тебе, Темуджин Борджигин, сын Есугея! Слушай же, и вы, унгираты, слушайте тоже: по дороге в родной улус встретил Есугей-багатур в степи шестерых пастухов-хонхотаев, искавших лошадиный табун. Как велит обычай, пастухи пригласили путника разделить с ними трапезу. Не знал Есугей, что сидят перед ним коварные татары, которые лишь прикидываются хонхотаями. В чашу гостю подлили они смертельного цзиньского яду. Не иначе как Вечное Синее небо сомкнуло свои ясные очи в тот

миг, когда Есугей пил тот кумыс! Слишком поздно понял он, что случилось. Но даже отравленный, нашел в себе багатур силы, чтобы достать меч и зарубить проклятых татар! Теперь вороны клюют их глаза, мыши выгрызают их печень. Я застал последнее дыхание Есугея. Он сказал мне, перед тем, как уйти к предкам, чтобы я отвез тебя, Темуджин, в родной улус. Теперь ты там – хозяин! Вот малгай Есугея-багатура. Он завещал его тебе.

Шаман умолк, перевел дух и вытряхнул из заплечного мешка под ноги мальчику окровавленную человеческую голову.

– Кто это? – хрипло спросил Дэй-сечен.

– Много лет назад этот человек, называвший себя Звездочетом, был пленен Есугеем. Он свидетельствовал рождение Темуджина и предсказал багатуру смерть от яда. Есугей на радостях пощадил дерзкого и отпустил его. И вот Звездочет вернулся в наши степи. Это он привез яд и дал его татарам. Это он нанял их за желтое золото Цзинь, чтобы расправиться с нашим владыкой. Татары боятся Есугея, без платы они отказались идти на черное дело.

– Да будут прокляты татары и цзиньский Алтан-хан! – простонал Дэй-сечен, горестно качая головой.

– Я убью их всех, – отпихнув носком сапога голову Звездочета, сказал Темуджин. Он нахлобучил меховую шапку отца и повторил: – Придет время – и я убью их всех...

На соревнованиях я стреляю на «отлично». Маратыч жмет мне руку, кривит разорванную шрамом губу в улыбке.

– В своей жизни я встречал человека, который стрелял, как дышал. Это был кубинец, команданте Вифредо Арче, бывший партизан, руководивший морским спецназом Революционного военного флота Кубы. Я своими глазами видел, как он из обычной AR-10 снял со скалы УНИТОВского пулеметчика на дистанции в километр. Вифредо всегда говорил, что настоящий стрелок не должен думать о том, попадет он в цель или нет. Он

вообще не должен думать о цели, о результате. Главное – выполнить задачу. Так вот, Новиков – ты сегодня стрелял как команданте Арче! Поздравляю! Задача выполнена, ты поедешь в феврале на первенство Союза.

Я сдержано улыбаюсь. Маратыч, а точнее, его кубинский знакомец, совершенно прав – я отстрелялся на «золото» потому, что не думал о стрельбе. Все это время перед моими глазами маячила отрубленная голова Звездочета. Я словно заглядывал в его мутные мертвые глаза, и телом моим управляла чья-то чужая, и, в то же время, моя, родная ярость.

Чувство, которое я испытываю после этой ночи, оказалось сильнее моих личных обид. Я помню, как очнулся на скамейке, дошел до подъезда, поднялся на второй этаж и даже сделал несколько шагов выше, но остановился и вернулся в дом. Разговаривать с Надей мне расхотелось. Что бы она ни сказала — не имело уже никакого смысла.

– И еще... – Маратыч понижает голос, наклоняется к самому моему уху. – Ко мне подходил старший тренер Олимпийской сборной Лапкин... Так вот – он взял тебя на заметку. Рад?

В раздевалке уже ждет Витек.

– Ты что там это? Мы ж договаривались на утро? Эй? А что с лицом?

Потираю скулу — она здорово ноет. С утра я даже не удосужился взглянуть в зеркало.

– Ударился.

– Об кого ты так ударился?

– Если я скажу об скамейку...

– Э! А чччто с глазами-то?

Витек ошарашенно пятится назад, как от нечистой силы.

– На погоду меняются слегка.

– Что значит... какой на фиг слегка?

Подхожу к зеркалу в раздевалке. Оно старое, амальгама изъедена и пестрит ржавыми дорожками. Заглядываю, приближая лицо, как можно ближе. Мои глаза теперь такие же, как у Есугея. Один как синее небо, а второй как зеленая трава.

– Это наркотик что ли какой-то?

– Ну что ты мелешь? – сердито оборачиваюсь к Витьку.

– А еще знаешь что?

– Ну?

– Ты сегодня с закрытыми глазами стрелял.

– Да ты рехнулся.

– Я сначала думал, показалось. Потом специально следил.

Этот разговор начинает меня утомлять. Потому что надо что-то отвечать, а никаких ответов я дать не могу. Потому что все, что Витек говорит — правда. А может рассказать ему про волка, про монголов, и про глаза?

– Странный ты стал какой-то, – обиженно тянет Витек, – будто и не ты. И будто мы не друзья.

Эти слова, вернее, тон, с которыми они произносятся, один в один напоминают мне недавний разговор с Надей. Да, я изменился. И близкие это чувствуют. С Надей я порвал. Нужен ли мне Витек?

– Айда отойдем, разговор есть, – я хватаю Витка и тащу его в курилку.

Стоим с Витьком на лестнице, курим. Я только что закончил рассказывать ему историю с сумкой и моим задержанием. Про Надю подробности опустил. К счастью, они с Витьком незнакомы, так что я отделался фразой «одна знакомая».

– Бики капец, – говорит Витек.

– Можно попробовать отловить. Он же на втором курсе?

– Вроде да... Погнали?

Мы спускаемся на третий этаж, в деканате узнаем номер группы, в которой учится Бики, но оказывается, что занятия у них закончились.

– Рвем на Баумана, перехватим! – азартно бьет кулаком в ладонь Витек и мы стремглав несемся по лестницам – лифт сегодня опять не работает.

Нам везет – на углу Астрономической и улицы Баумана глазастый Витек замечает приметную голубую куртку Бики. Все, теперь ему уже не уйти.

Догоняем свою жертву у перекрестка. Витек без церемоний хватает вальяжно шагающего по тротуару Бики и затаскивает в подворотню.

– Вы че, охренели? – Бики не сразу понимает, что происходит.
– А, это ты... Артем, привет!

– Оставь нас! – кричу Витьку, – это личное.

Витьку обидно, но он все понимает. Остается на шухере.

В подворотне сумрачно, клубы пара заволакивают ее, и кажется, что это не обычная проходная арка, а вход в какие-то адские подземелья. В воздухе стоит отвратительный запах нечистот – местные алкаши используют эту темную трубу как туалет. Ко всему прочему где-то прорвало канализацию – отсюда и пар, и синеватые лужи под ногами. Бики в своей дутой куртке, собачьей шапке, белых сапогах на толстой подошве, с красной кожаной сумочкой выглядит здесь как пришелец из другого мира.

– Кого ты подставить хотел, падла?

– Артем! – Бики вытягивает вперед руку, как будто сможет меня этим остановить.

– А фотографии? Не покажешь?

– Нет никаких фотографий!

– Да что ты?

– Подожди! Давай спокойно поговорим...– кричит Бики, вжимаясь в стену.

– А я спокоен.

– Она же дура.

– Кто? – делаю вид, что не понял.

– Ну, дура же. Ты же сам ее бросил. Она же тупая совсем.

– Про фотографии объясни.

Слушать не хочу, но выяснить надо. От вони и предстоящего разговора мутит.

– Нет ничего. Я же надул ее. Ну, вот клянусь — нет никаких фотографий. Она пьяная была в сопли, даже сидеть не могла. Я ее только домой отнес и разу ушел.

– Так быстро, что даже сумку забыл?

– Сумку передержать где-то надо было, меня пасли.

– Ах, вот оно что...

– Я же не думал, что она тебя попросит. А ее никто бы не остановил. А фотографии я специально придумал, чтобы она сама принесла. Нет никаких фотографий. Ты за кого меня держишь?

Я вижу его черные, полные страха глаза, трясущиеся щеки, странно подвижные, точно резиновые, пальцы, которыми Бики пытается расстегнуть молнию на куртке. Ненависть, злоба — все проходит.

– Не трогай меня! — визжит Бики. — Я заявление в милицию напишу! Об избиении!

– Ах ты, сука! — злость вспыхивает во мне с новой силой. Я кидаюсь к нему, но не успеваю приблизиться, как Бики падает в грязь, споткнувшись, при попытке увернуться.

– Ч-черт! Ты куртку мне испортил! — визжит он, пытаясь встать.

Я смотрю на измазанную вонючей жижей куртку Бики, на его грязное лицо, искаженное рвотной судорогой. Окажись я на его месте, то предпочел бы, чтобы мне набили морду, чем так.

Но я никогда не буду на его месте. Это абсолютно точно.

С Витьком мы прощаемся возле кафе «Сказка». У витрины толпится детвора, а за стеклом в клетке живая белка самозабвенно крутит свое колесо.

Мой друг с сожалением говорит:

– Зря ты ему не врезал.

Я вспоминаю возящегося в луже Бики и брезгливо дергаю ртом.
– Руки марать не хотелось. Ладно, пока. Мне тут в одно место надо зайти.

Одно место – это Дом Печати. В последние дни я много размышлял о том, что со мной приключилось, и неожиданно вспомнил, как еще до поездки в Москву заходил к «жучку» за Гиляровским. Вспомнил вот почему: в альманахе, предложенном Соломоном Рувимовичем, была схема с рисунками птиц и животных. Возможно в этой схеме скрыты все ответы на вопросы...

Соломон Рувимович, в надетой поверх синего халата черной кацавейке – на улице холодно – в очках, перевязанных изолентой, небритый, всклокоченный, здорово напоминает какого-то чеховского персонажа. У его прилавка никого нет. «Жучок», по обыкновению, читает газету, скорбно трясая головой. Я подхожу, здороваюсь.

– И вам нэ болеть! – серьезно отвечает «жучок» и тут же очень эмоционально произносит, потрясая газетой: – Таки они доэгрались! В Тегэране их захватили в заложники!

– Кого – их? Кто доигрался? – я ничего не понимаю.

– Амэриканцы, кто же еще? – Соломон Рувимович смотрит на меня поверх очков. – Вот, полюбуйтэсь: захвачены шестьдесят три дипломата и трое гражданских лиц. Ох, помяните мое слово – эти иранцы еще станут для США большой головной болью. А в соседнем Афганистане умэр Тараки...

Мне нет дела ни до Ирана, ни до Афганистана. Подумаешь, какие-то страны на юге от Союза. Меня волнует совсем другое, и я решительно перебиваю «жучка»:

– Соломон Рувимович! Помните, вы летом предлагали мне книгу эзотерический альманах...

– Ти-хо! – делает страшные глаза «жучок». – Что вы кричитэ? Идитэ сюда, вот где двэрь. Говорите тише, умоляю! Мнэ еще не надозла моя работа. Что вы хотитэ?

– Альманах, Соломон Рувимович.
– Увы, продан.
– Когда, кому?
– Один крайне стра-а-анный молодой человек дал мнэ – вы представляете? – очень хорошую цэну. Конечно, я нэ стал ломаться. Оно мнэ надо?
– Значит, книги нет? – на всякий случай уточняю я.
– Почему нет? Есть. Только другая. Но тожэ хорошее изданиэ, по эзотерической тематикэ. Блаватская. «Тайная доктрина». Жэлаете посмотрэть?
– Нет, не желаю.
Я прощаюсь. Блаватская мне не нужна. Альманах продан. Еще одна неудача. Похоже, в последнее время моя жизнь состоит из одних неудач...

Звонок в дверь. Открываю – мать пришла с работы.
– Привет, сынок. В гастрономе кур выкинули, бойлерных...
– Бройлерных, – машинально поправляю ее.
– Вот-вот. Фарида-апа нам взяла, сейчас надо деньги отдать. Говорят, эту курицу запекать хорошо. Всего час в духовке – и мягкая получается. Сделать на бутылке, по бабушкиному рецепту?
Я пожимаю плечами.
– Как хочешь...
– Ты чего такой? – мать вешает свою мутоновую шубу на крючок, подходит ко мне. – Что-то случилось? С Надей поссорился? В университете неприятности?
– Да нет, мам, все нормально. Устал просто...
– Ох! А с глазами что?
– Закапал.
– Чем? Болят?
– Маратыч капли дал, для меткости. Так надо, мам. Спортивные капли, одобрены Минздравом.

Я поскорее уйду от расспросов в свою комнату. Мать, если возьмется выпрашивать, обязательно доберется до сути. Такой у нее характер, скрупулезный и основательный. В институте ее за это ценят, а вот мне, особенно в подростковом возрасте, порой приходилось туго.

Мать в комнате включает телевизор. Показывают «Что? Где? Когда?». Мы с матерью обычно всегда смотрим эту передачу. Сегодня за команду знатоков играет молодой физик Александр Бялко, мужик умный и сообразительный. В другое время я бы бросил все дела и расположился перед телевизором, но сейчас нет никакого желания следить за вопросами телезрителей и ответами знатоков.

В прихожей снова звонок. Я бросаю взгляд на часы. Кого это принесло так поздно? Что-то в последнее время зачастили к нам поздние визитеры, и всякий раз это оказывается связано с какими-нибудь неприятностями.

Иду к двери, но она распаивается перед самым моим носом. Вижу круглые от ужаса глаза матери, полные слез. Она протягивает мне серый листок бумаги. В глаза сразу бросается текст в левом верхнем углу: «СССР. Управление Комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР по ТАССР. 12 октября 1979 года, город Казань».

– Что... что это? – шепчет мать.

Я беру листок, читаю вслух:

– «Повестка... Управление КГБ при СМ СССР по ТАССР предлагает гр. Новикову Артему Владимировичу явиться для допроса в качестве свидетеля в 10 часов 13 октября с.г. к сотруднику Пархоменко И.С. по адресу: г. Казань, уд. Дзержинского, 23, ком. 65. В соответствии со ст. 73 УПК РСФСР явка обязательна. Примечание: при себе необходимо иметь паспорт. Начальник отдела УКГБ при СМ СССР по ТАССР...»

Далее следует подпись.

– Тебя вызывают на Черное озеро? – трясущимися губами спрашивает мать. – Что ты натворил? Что случилось?!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Черное озеро

Черное озеро – место в Казани легендарное. Само название способствует возникновению мрачной ауры у любого учреждения, находящегося тут. А уже если речь идет о госбезопасности, то все ясно без слов. КГБ, преемник не менее грозного НКВД, для простого советского человека – жупел.

Про сроки и лагеря – это тоже, наверное, по большей части легенды. Темные, пугающие, рассказываемые шепотком по кухням, после «рюмки чаю». Словечки «ежовщина», «враги народа», «репрессии», «Гулаг», «культ личности» – они как раз из этих легенд. Обычно тема лагерей возникает спонтанно. Какая-нибудь небритая личность, хватанув стакан «три семерки», начинает шипеть:

– Полстраны сидело, полстраны охраняло.

«Вот и моя очередь пришла, – вжимая голову в воротник куртки, невесело усмехаюсь я. – Неужели посадят? Но за что? Валюты там вроде не было, наркотиков каких-нибудь или оружия – тоже. Шмотье одно да журнальчики. Мелочь! Хотя вот как раз журнальчики-то может быть и не мелочь...»

Я иду мимо Ленинского садика. Голые деревья машут черными ветками, словно прощаются со мной. Летом тут хорошо – тихо, зелено. Зимой тоже – каток, музыка, полно народу. А сейчас смотреть на садик без содрогания невозможно, на душе делается тоскливо – хоть вой.

Вот и здание КГБ. Что говорить следовательно, я продумал до мелочей. Все ночь на это убил, чего уж там. Про Надьку ничего говорить не буду – она, что называется, «не при делах». А вот

Бики «сдам», причем с потрохами. Никаких угрызений совести – этому гаду полезно будет повертеться на гэбэшной сковородке.

...В здании КГБ хорошо пахнет – новой мебелью и кофе. Предъявляю повестку на входе, и меня отправляют на второй этаж. Нахожу нужный кабинет, берусь за ручку и на секунду замираю. Меня охватывает страх. Сейчас будет допрос. Меня будут допрашивать. Как преступника. Черт, почему мои колени подгибаются? Почему на лбу выступил пот? Я ни в чем не виноват! Умом я понимаю это, но проклятые нервы не хотят считаться с моими умозаключениями. Они дрожат, как листья на ветру. Какое простое и короткое слово «страх»! А вот бороться с ним – сложно. Глубоко вдыхаю, как перед выстрелом, и стучусь.

– Да, войдите! – слышится из-за двери веселый голос.

Вот и все. Обратной дороги нет...

Следователь поднимает на меня глаза. Он круглолицый, очень светлый, даже брови и ресницы белые. Располагающее, открытое, добродушное лицо. Увидев меня, он поднимается из-за стола и спортивной походкой идет на встречу, крепко пожимает руку.

– Артем Владимирович! Здравствуй, здравствуй, дорогой! Проходи, располагайся. Хочешь – в кресле, хочешь – на стуле.

Сажусь на краешек стула, оглядываюсь. Просторный, светлый кабинет. Мебель под орех, в шкафу за стеклом – книги, журналы. В основном художественная литература, фантастика. Замечаю несколько томов Стругацких, Булычева, Варшавского, Шефнера, Гора, Парнова и Емцова. На стене – выложенный из кусочков полированного дерева портрет Дзержинского. Стол украшает лампа, красная настольная лампа, точно такая же, как у меня дома.

Страх уходит, улетучивается, ускользает. Вот только что он был, наполнял меня собой, как сигаретный дым комнату, но словно бы кто-то распахнул окно – и ветер выдул дым, сделал воздух свежим и чистым.

– Кури, – следовательно пододвигает красно-белую пачку «Столичных». – Или, может быть, чаю?

– Нет, спасибо.

– Зря, у нас хороший чай, из братской Индии, – он улыбается.

– Я завтракал...

– Ну, неволить не стану. Слово гостя – закон для хозяина.

Повисает пауза. Он барабанит пальцами по столу, смотрит в окно, наконец, как бы извиняясь, произносит:

– Даже не знаю, с чего начать. Бред какой-то... Нормальный парень, комсомолец, спортсмен, журналист – и вдруг, такое... Как же тебя угораздило-то?

Пожимаю плечами. Что значит – как? Все проще простого. Но он истолковывает мое молчание по-своему:

– Я понимаю – ерунда приключилась. Вот помню, был я маленьким и в деревне мы с пацанами по лугу бегали, в войнушку играли. Ну, знаешь, как это – «Я с пестиком, ты с кенжиком. Тахта! Падай, ты убит!». В общем, валялись в траве, ползали по-пластунски... И я, представляешь, вляпался в коровье дерьмо. Случайно, просто не заметил. И все, игра оказалась испорчена. Пришлось идти на реку, отмываться...

Следователь умолкает, закуривает, сквозь огонек спички смотрит на меня.

– Сдается мне, брат, что ты вот в такую же ситуацию попал, а?

– Наверное...

– Во-от! – его улыбка становится еще шире. – Но поскольку ты, Артем, человек советский, и прямо скажем, хороший человек, наша задача, наша общая задача – помочь тебе смыть с себя то дерьмо, что случайно – тут нет никаких сомнений – оказалось на твоей биографии.

– Смыть?

– Именно. Или ты что, думаешь, что КГБ – это стучание кулаком по столу, нахмуренные брови и лагерный срок без суда и следствия? Э-э-э, милый, отстал ты от жизни...

– Да ничего я не думаю.

– Ой, да не ври только! – машет он рукой. – Стереотипы крайне живучи. Нет, конечно, когда-то оно так и было. Но! В тот период по другому-то было нельзя. Кругом враги, и внешние, и внутренние. Поэтому он... – последовал жест в сторону портрета Дзержинского, – был беспощаден. Карающий меч революции, что ты хочешь. Но революция давно кончилась. Сейчас совсем другие времена. И мы, Комитет государственной безопасности, уже не только и столько караем, сколько помогаем. Да и кого карать-то? Собственных товарищей? Наших, советских людей? В жизни всякое бывает. Оступился человек, заигрался – а тут коровье дерьмо в траве. Вот и получается, что КГБ отчасти... прачечная. Не самая приятная работенка, скажу честно, но если не мы, то кто? Понял, осознал? Что молчишь, товарищ Новиков?

– Осознаю.

– Это хорошо! – веселится следователь. Затушив окурок в хрустальной пепельнице, он хлопает ладонь по серой картонной папке, лежащей перед ним. – Вот я тут изучал твою жизнь. Замечательная жизнь! Настоящая. Уже сейчас – настоящая. Но ты пока в самом начале пути, друг мой Новиков. И, к сожалению, иной раз случается, что прямая, торная жизненная дорога вдруг начинает вихлять, становится все уже и уже, превращается в кривую тропку и уводит человека в болотину. Понял, о чем я?

– Ну да...

– А раз «да», то давай, все по порядку: кто, что, как и почему. Иначе отмыть тебя, нам будет сложно. Нет, ты, конечно, можешь вообще ничего не говорить – твое право. Мы все равно постараемся тебе помочь, и не просто постараемся, а поможем, обязательно поможем. Но разве ты сам себе враг?

– Да нет.

– Шикарная штука – наш русский язык! Вот ты сейчас чего мне ответил? «Да нет». Это как же понимать прикажешь? «Да» или все-таки «нет?»

Усмехаюсь – с этим парнем интересно общаться. Киваю:

– Да.

– Ну и чудесно! Тогда я сейчас все-таки попрошу принести нам чай, а ты пока соберись с мыслями...

Упруго встав из-за стола – он вообще был весь такой вот упругий, быстрый, заводной, прямо рубаха-парень, а не кgbшник! – следовательно пробегается по кабинету, прицеливается пальцами, точно от избытка эмоций и скрывается за дверью.

Сижу, оглядываюсь, осматриваюсь – и вижу на соседнем столе «Литературную газету», открытую на тринадцатой странице, там, где рубрика «Международная жизнь». Большая, на всю полосу, статья, увесистый такой кирпич. Называется: «Призрачный мир, жестокая действительность», автор – Александр Чаковский. Начинаю читать. Глаза выхватывают фразу: «Девушки с головой или потерявшие ее желательны для случайных половых связей».

Что за хрень? Вчитываюсь в статью. Оказывается, она о хиппизме на Западе. Автор, точно опытный хирург, разделявает бедных хиппарей, раскладывая перед читателем все их внутренности – вот сердце, вот мозги, вот ливер, а это вот печень – смотрите, все такое сморщенное, убогое! Хиппи, по мнению неизвестного мне Чаковского, только маскируются под бунтарей. На самом деле общество потребления ведет их за собой, как телков на веревочке. Веревочка эта скручена из музыки, развлечений, моды и всяких штук, раскрепощающих сознания. Для хиппи создана целая индустрия – ночные клубы, фильмы, книги, газеты, в одной из которых и было напечатано привлекавшее мое внимание объявление, стильная одежда. В общем, пока одни трясутся под рев гитар в наркотическом угаре, другие зарабатывают на этом бешеные деньги. Забавная статья, надо сказать. По крайней мере, я читаю ее с интересом.

Следователь возвращается, ставит на стол чашки с чаем. Заметив, что я держу в руках газету, подмигивает:

– Прочел? Ну и как? С профессиональной точки зрения?

– Здорово. Бойко. С пониманием.

– Во-от! – помешивая ложечкой в стакане, говорит он. – То есть ты понял, осознал, да? А теперь смотри: что-то подобное затевается и у нас. И атака направлена на молодежь. Вещички разные западные, музыка, журнальчики. Вы... Ну, не кривись, я не тебя имею в виду, а некоторых, подчеркиваю, некоторых представителей молодежи – готовы выкладывать кровно заработанные деньги, чтобы приобретать все это, а ведь в конечном итоге в чей карман они попадают? Вдумайся, а? Получается, что тот, кто покупает у фарцовщиков джинсы, платит капиталисту-производителю. То есть работает на кого? На нашего идеологического врага! Вот так-то, друг ты мой хороший. Ты трудишься, зарабатываешь, мама твоя ночей не спит, а все ваши кровные преумножают богатство какого-нибудь Леви Страусса. Оно нам надо? Оно тебе, вот тебе лично, Артему Новикову, надо?

– Да я... – волнуясь, чуть ли не выкрикиваю. – Я не покупал ничего!

– Я тебе – верю! Вот честно – верю, и все тут. Потому что вижу – ты не из таких. Не из этих. Ты все понимаешь, взрослый же мужик! А многие... ну, не многие, а опять же некоторые – ни хрена не хотят понимать. Ведь стыдоба же – капиталистов, хазяйчиков обогащать ради тряпки, ради картинки в журнале, ради поганой кассетки! Так им, представляешь, не только не стыдно, а еще и на преступления идут...

Он прихлебывает из стакана, морщится – хорош чаек! – и говорит уже другим тоном, тихо и доверительно:

– А ведь шмотки-то – всего лишь начало. Знаешь, что потом?

– Что?

– Наркотики. Оружие. И услуги. Услуги, за которые платят.

– Какие услуги? – я задаю этот вопрос чисто механически. Ох, оплел меня рубаха-парень, вовлек в разговор. Тону, чувствую – тону, как в трясине, но поделаться ничего не могу. Этот улыбчи-

вый следователь еще больший профессионал, чем автор статьи Чаковский. И главное – я никак не пойму, к чему весь этот наш разговор?

– Услуги какие? – он сгоняет с лица улыбку, как комара. – Шпионские, вот какие. Ну, понял? Осознал? Цепочка-то простая: шмотки требует денег, их не хватает, и тут уже оттуда поступает предложение о зарботке. Ты нам информацию, мы тебе – доллары, и покупай на здоровье джинсики-дубленочки-машинки-девочек. И живи в Советском Союзе как в Америке. И все, парень, это уже не уголовная статья, а государственная измена. Расстрел! Понял, осознал?

И, точно после тоста, он залпом допивает свою чашку, со стуком ставит ее на стол и впивается в меня взглядом.

– Обидно, Артем, до смерти обидно видеть все это! И без вашей, твоей и твоих товарищей, помощи нам тут никак не обойтись.

– Чем же я могу вам помочь? – растеряно бормочу я, глядя на чаинки на дне чашки.

– Как это чем! – вскидывается следователь. Улыбка опять вспыхивает на его лице, раз – и будто лампочку включили. – У тебя отличное перо. Напишешь пару-тройку статей, настоящих, полновесных статей...

– Не напечатают... У нас в редакции с этим строго. Молодому специалисту...

– Гарантирую: напечатают! – он бьет себя кулаком в грудь. – Поверь, хорошие, нужные материалы у нас в стране печатают безо всяких проволочек. Это я тебе как сотрудник КГБ говорю. Ну, и профилактика, конечно. Любую, даже самую страшную болезнь легче предупредить, чем лечить. Понял, осознал, а?

– Ну, да...

– Не «ну да», а «так точно»! – смеется следователь. – Карл Маркс ведь как учил: не спрос диктует предложение, а предложение находит спрос при грамотной постановке задачи.

А у этих деятелей на Западе задачи поставлены – о-го-го. Нам важно выявить каналы, посредников, перекупщиков, всю эту фарцовскую поганую сеть накрыть. Не будет предложения – не станет и спроса, понимаешь? И вот если ты...

Он делает драматическую паузу, с сожалением смотрит в свою опустевшую чашку и тянется за сигаретами.

– Так вот: если ты будешь своевременно извещать нас, меня конкретно, о том, что кто-то из студентов или просто твоих знакомых покупает с рук импортные вещи... заметь: мы материалисты и знаем, что ничего просто так, само по себе, не бывает. Ньютон ошибался, действие рождает содействие, а не противодействие. В общем, мы становимся коллегами по борьбе с этой заразой, и, естественно, неприятный инцидент, случившийся с тобой, таким образом, оказывается искуплен. Знаешь, как во время войны штрафники искупали вину перед Родиной? Кровью! Ну, сейчас другие времена и крови твоей нам не надо. Более того – мы предлагаем тебе стать одним из нас! Понял, осознал, а?

Голос его звенит:

– Комитет Государственной безопасности предлагает тебе, Артем Владимирович Новиков, встать в один строй с товарищем Дзержинским, с товарищем Урицким, с товарищем Андроповым, в конце концов! Готов ли ты, друг мой хороший? Чего молчишь?

На самом деле я не молчу. Про себя я очень даже говорю. Но это разговор внутренний, для стороннего уха не предназначенный. Я ругаю себя самыми последними словами. Как я дошел до жизни такой? Мне только что предложили стать стукачом. И что самое обидно – выбора у меня нет. Нет выбора. Или соглашаться, или...

– Вы газетку-то специально приготовили? – спрашиваю у следователя, чтобы хоть как-то оттянуть время.

– Ну что ты, – он улыбается мне сквозь сигаретный дым. – Это я в библиотеке взял, по другому делу. Газета, кстати, если ты не заметил, 1967 года.

«Врет! – думаю я и тоже тянусь за сигаретами. – То, что в библиотеке взял – правда, а то, что по другому делу – врет, сволочь масляная».

Так и не закурив, я поднимаюсь и, предвкушая то наслаждение, с которым увижу истинное лицо этого человека, громко и четко говорю:

– Да пошел ты ...

...Бреду, спотыкаясь, по скверу. Я только что послал, как выражается дядя Гоша, «на три советские буквы» следователя КГБ.

Мой серебряный конь уводит меня в прошлое прямо в трамвае.

Высокий, очень худой мальчик крадется краем леса, тревожно оглядываясь. За спиной его охотничий лук, в руках две стрелы. Но сын Есугей-багатура подстерегает не зверя, а человека.

После смерти рыжебородого владыки монголов его двоюродные братья, таджиутские нойоны Таргитай-Кирилтух и Тодоен-Гиртай оставили Оэлун и вторую жену Есугея, Сочихэл, с детьми на произвол судьбы. Оэлун к тому времени родила Есугею троих сыновей – Хасара, Хачиуна, Темуге и дочь Темулун, да у Сочихэл подрастали двое мальчиков – Бектер и Бельгутей. У несчастных вдов и сирот отняли все – скот, слуг, лошадей и съестные припасы.

– Обычай велит нам откочевать от места погребения нашего господина, – важно заявил толстый Таргитай-Кирилтух. – Вы же оставайтесь и оплакивайте его.

Обреченная на смерть, семья Есугея постаралась выжить. Оэлун, забыв о том, кем она была, взялась за лук. Главной ее добычей были суслики и куропатки. За удачливость на охоте в семье ее стали называть Оэлун-мерген, что значит «меткая».

Сочихэл со старшими мальчиками выкапывала корни су-дуна и кичигина, собирала ягоды, ловила рыбу. Еды все время

не хватало. В дырявой юрте – единственном имуществе, оставшемся у них – не держалось тепло. В середине зимы волки подходили к ее войлочным стенам и пытались продрать их, чтобы ворваться внутрь. Оэлун отгоняла волков пылающими головнями и громкими криками.

Весной в урочище прискакали нукеры Таргитай-Кирилтуха. Они очень удивились, обнаружив, что все дети Есугея живы. Не сказав ни слова, всадники умчались прочь, и тогда Оэлун сказала:

– Ваш двоюродный дядя не хочет пятнать свои жирные руки кровью родственников. Он думал, что вас, и в первую очередь Темуджина, убьют голод и зимние холода.

– Почему в первую очередь Темуджина, хатун? – спросил Бектер. Он был всего на год младшего своего сводного брата, но отличался силой и дерзостью.

– Потому что именно Темуджин наследует Есугеев улус, – со вздохом объяснила Оэлун. – Нам придется покинуть эти места, иначе Таргитай-Кирилтух все же решиться на убийство.

Разобрав юрту, изгнанники на себе перенесли ее из верховьев Онона в поречье Керулена, к истокам реки Сангур, в гористые, поросшие лесом, безлюдные места. Здесь, в укромном урочище, называемом Гурельгу, они и поселились.

Вскоре у Есугеевой семьи появились соседи – люди из племени джардаран. Они участливо отнеслись к вдовам и сиротам, но, увы, сами жили очень бедно и ничем не могли им помочь.

Следующей зимой Темуджин сдружился с сыном джардаранского нойона, мальчиком Джамухой. Они играли в бабки на льду Сангура, учились охотиться на зайцев и ловить рыбу из подо льда.

Пришла весна, а с нею и новые тревоги. В юрте Оэлун возникла распря между Темуджином и Бектером. Женщины никак не могли погасить этот пожар, а прочие дети были слишком малы, чтобы вмешиваться.

Бектер, не стесняясь, говорил, что нужно выдать Темуджина Таргитай-Кирилтуху. Тогда всех остальных оставят в покое, и можно будет примкнуть к какому-нибудь племени и жить нормальной жизнью.

– Трус! – кричал ему Темуджин. – Ты готов стать нищим, бедняком, лишь бы спасти свою шкуру! Я – хозяин Есугеева улуса, и я верну его себе, всем нам.

– Да какой ты хозяин, – насмехался Бектер. – Посмотри на себя – у тебя рубаха из шкур сусликов. Чтобы стать Есугеем, мало только, носить его шапку. Наш отец мертв. Нам никто не поможет.

Сводные братья часто дрались, в кровь, разбивая друг другу лица, но более крепкий Бектер всегда побеждал. Ночами Темуджин тихо плакал, глотая злые слезы, а утром все начиналось сначала.

Сошел снег, на солнечной стороне холмов пошли в рост саранки, дикий лук и чеснок. Оэлун спозаранку выгоняла младших детей собирать их. Джардараны собрались откочевывать на юг, в степи. Джамуха прискакал к юрте изгнанников и вызвал Темуджина.

– Наши охотники видели на той стороне гор тайджиутов, – задыхаясь, сказал он мальчику. – Отец говорит, что они ищут вас. А вчера к нам приходил Бектер. Он хочет выдать тебя. Отец не будет ссориться с Таргитай-Кирилтухом и поможет Бектеру встретиться с его нукерами. Завтра утром мы покинем эти места. Перед отъездом твой сводный брат придет к нам. Беги, Темуджин! Беги, иначе тебя ждет смерть!

– Спасибо за слова, прозвучавшие вовремя, – ответил Темуджин. – Ты предупредил меня, Джамуха, и тем самым спас. Ты мне больше брат, чем кровные братья. Отныне ты мне анда! Я никогда не забуду, что ты сделал для меня.

– И ты мне анда, Темуджин, – взволновано проговорил Джамуха. – Бери моего коня и скачи прочь отсюда.

– Нет, я останусь. Сыну Есугей-багатура негоже бегать от опасности. Езжай домой и веди себя, как ни в чем не бывало. Мы еще встретимся, Джамуха! Прощай!

– Прощай, Темуджин! – и мальчик, хлестнув коня, ускакал прочь.

Все ночь Темуджин не спал, опасаясь упустить Бектера. Еще до рассвета он поднялся с лежанки, тихонько разбудил семилетнего брата Хасара, который, несмотря на свой возраст, хорошо стрелял из лука, и с ним покинул юрту. На улице братья натянули тетивы на свои луки и собрались уходить к реке. Они взяли с собой две имевшиеся стрелы со стальными наконечниками – на всех остальных стрелах наврешия были из кости или обожженного можжевельника.

Оэлун заподозрила неладное и догнала братьев на берегу Сангура.

– Что вы надумали? Зачем вам боевые стрелы? – напустилась она на сыновей.

– Иди домой, мать, – ответил Темуджин. – Мы сделаем то, что должно. Иначе тайджиуты убьют не только меня, но и остальных.

– Недаром ты родился с кусом запекшейся крови в руке! – крикнула Оэлун. – А твоего малолетнего брата нарекли Хасаром, как свирепого пса. Вы готовите братоубийство, как дикие звери, как кровожадные хищники! Вы...

– Иди в юрту, мать, – спокойно сказал Темуджин. – Пойдем, Хасар.

...Путь в становище джардаранов лежал по краю соснового бора. Посадив брата в засаду у большой, корявой сосны, Темуджин спустился в долину и вновь поднялся к лесу уже за спиной Бектера. Тот не оглядываясь, шел по опушке, помахивая тяжелой дубинкой. Сражаться с ним врукопашную, нечего было и думать. Темуджин, стараясь не шуметь, догнал сводного брата, и, наложив стрелу на тетиву, начал красться следом.

Когда Бектеру осталось несколько шагов до корявой сосны, Темуджин окликнул его. Хасар вышел из-за ствола, целясь в Бектера. Сын Сочихэл оказался меж двух огней и понял, что ему не спастись.

– Не трогайте Бельгутея, я ничего не говорил ему, – попросил он, сел на корточки и закрыл глаза.

– Стреляем вместе! – приказал Темуджин шмыгающему носом Хасару. – Ну... Ху-урра!

Братья спустили тетивы одновременно. Стрелы ударили в грудь и спину Бектера, пробив его тело насквозь. Мальчик завалился набок и попытался отползти в сторону, окрашивая лесную траву кровью, но вскоре силы оставили его. Несколько раз, со свистом вдохнув, Бектер вытянулся и умер. Темуджин обломал стрелы, сберегая драгоценные наконечники, поправил на голове отцовский малгай и братья отправились в обратный путь...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Еще вздрогнет небо от копоты!»

Еду в «Вечерку» с надеждой получить заказ на статью. В редакции меня поджидает Ящер. В его глазах явственно читается испуг. Вежливо, но крепко взяв меня за локоть, он тихо шипит мне в ухо:

– Вы уволены, Новиков. Думаю, объяснять ничего не надо? Бегунок оформлять не надо, трудовую получите в кадрах, расчет – в кассе. Прощайте.

Объяснять действительно ничего не надо. Н-да, быстро работают граждане начальники-чекисты!

Не сказать, что слова Ящера поразили меня, как гром среди ясного неба. Чего-то подобного я, в общем-то, и ожидал. Правы те, кто утверждает, что КГБ – всемогущая организация. Более того – на месте следователя я бы тоже обиделся и постарался максимально испортить жизнь такому, как я. Чтобы держал язык на привязи и думал головой, прежде чем лаяться по матери.

Расчет меня приятно удивляет – аж целых шестьдесят семь рублей! Сумасшедшие деньги. Придется тянуть на них до конца января. Матери я, понятно, ничего пока не скажу. Пусть думает, что я по-прежнему работаю.

Мать после того, как нам пришла повестка на Черное озеро, всю ночь не спала. В квартире пахло валерьянкой.

Тороплюсь домой, знаю – она сидит и ждет меня. С порога объявляю:

– Все нормально!

– Что, что тебе сказали?

– Да ерунда. Профилактическая беседа. Следовательно – мировой мужик. Обещал помочь с публикациями, – беззастенчиво вру я. – Мам, ну я же не преступник! Там уже во всем разобрались, не переживай.

– Ну, слава богу! – облегченно говорит мать. – Кушать будешь? Я голубцы сделала.

– Не, сыт, в столовке солянка была, – я снова вру, но есть мне и правда не хочется.

Захожу в свою комнату, достаю из кармана фигурку коня и кладу на подлокотник кресла. Неужели эта семейная реликвия может так влиять на судьбу ее обладателя? Неужели этот конь завез меня туда, где я сейчас нахожусь?

Перед сном я все же соглашаюсь съесть голубец, выпиваю стакан чаю и уже допив, замечаю, что забыл положить сахар.

– Что с тобой, сынок? – спрашивает мать.

Да все в порядке, устал просто.

Я и вправду устал. Надо выспаться. Надеюсь, что завтрашний день будет для меня удачнее прошедшего.

Утром, как обычно, еду в университет. Сегодня, видимо, у лифтеров какой-то праздник – работают оба лифта, и я без проблем поднимаюсь на наш этаж. Первое, что бросается мне в глаза – большое объявление возле деканата: «Сегодня в 15-00 в Ленинской аудитории Главного здания КГУ состоится открытое комсомольское собрание курса. Повестка дня: поведение и моральный облик студента 3-его курса отделения журналистики филологического факультета Новикова А.В. Явка всех комсомольцев строго обязательна!».

Не сразу соображаю – это ж мое поведение и облик будут обсуждать на собрании! Ничего себе! И тут же догадываюсь – это еще один результат моего разговора с улыбчивым следователем КГБ.

Самого собрания я почти не помню – все происходящее виделось мне как сквозь мутное стекло. Ленинская аудитория,

старинная, с расположенными амфитеатром скамьями, меньше всего подходит для проведения комсомольских собраний. Это, как было принято писать в классических романах, настоящий храм науки, обитель знаний и оплот академизма. Здесь должно защищать диссертации и проводить коллоквиумы, а не судить невиновных.

Но времена изменились. За длинным преподавательским столом внизу заседает бюро факультета, а место за кафедрой занял комсорг курса Мишка Беленин. Вначале он долго и нудно говорил что-то о международном положении, происках недружественных держав, а закончил свое выступление мягкой, говоря журналистским сленгом, «подводкой»:

– И вот когда героический народ братской Никарагуа, свергнув ненавистный гнет диктатора Самосы, прилагает максимум усилий, чтобы начать строительство социализма, когда в Эфиопии и Анголе идет настоящая война с силами мировой реакции, когда весь советский народ как один человек трудится на благо нашей Родины, чтобы стремительными темпами вывести ее на первое место в мире по производству продуктов народного потребления, среди нас находятся люди, которые льют воду на мельницу идеологического противника. Но я убежден, что здоровый комсомольский коллектив нашего курса сурово укажет таким людям на их ошибки и по-товарищески поправит оступившихся. В частности, это касается присутствующего здесь Артема Новикова...

– Новиков, встань! – звонким голосом командует Динка Рукавишникова. Она сидит в президиуме и выполняет обязанности секретаря, ведя протокол собрания.

Мое место – сбоку от кафедры, за лаборантским столиком. Несмотря поднимаюсь. Вижу в третьем ряду Витька, делающего мне какие-то ободряющие знаки. Остальные смотрят равнодушно, без интереса и сочувствия. Понятно – для большинства собравшихся здесь это мероприятие – унылая рутина, обязаловка. Все хотят одного – чтобы собрание побыстрее закончилось.

– Ну, Новиков, – Динка поправляет очки в тонкой оправе, смотрит на меня строго и укоризненно, как учительница на провинившегося ученика. – Расскажи своим товарищем о том, как торговал импортными вещами!

– Я не торговал, – зачем-то отвечаю я, но голос срывается на хрип.

– Что? Громче, громче! – голос Рукавишниковой звенит, как сигнальный рельс. – Не стесняйся! Брать деньги за синие брезентовые штаны из Америки ты же не стеснялся!

Вспышка! Алая пелена перед глазами. Стискиваю зубы и шагаю с небольшого возвышения, на котором находится лаборантский столик. Я иду прямо на Динку. Она испугано вскакивает, загораживается протоколом как щитом. В аудитории нарастает шум. Похоже, мне удалось взбаламутить это болото!

Мишка Беленин кладет мне руку на плечо.

– Артем, не надо!

– Дура ты, Рукавишникова, – говорю Динке. – Дура набитая. Так и просидишь всю жизнь за протокольчиками...

Отвернувшись от них, иду к дверям. В гробу я видел это собрание!

Витек догоняет меня возле оперного театра.

– Артамон, ты куда сорвался? Я ору, ору тебе, а ты прешь, как танк...

Я молчу. Громада театрального здания высится над нами, как айсберг. Мокрый снег летит в лицо, щеки мои мокры, на ресницах дрожат капельки воды, и я не уверен, что это растаившие снежинки.

– Че ты молчишь? – неожиданно начинает психовать Витек. – Ты почему ушел? Все бы по-другому повернулось!

– Ничего бы никуда не повернулось, – качаю я головой. – Наоборот, стало бы еще хуже.

– Да-а? – Витек стряхивает с шапки снег, смотрит, прищурившись, куда-то в небо. – Они тебя из комсомола исключили! Ты хоть понимаешь, что стал главным кандидатом на отчисление? Мне замдекана так и сказала: «Теперь Новиков будет в поле нашего зрения постоянно».

– Айда бухнем! – я хлопаю его по плечу так, что брызги вее-ром летят во все стороны. – Вон трамвай. Закатимся в «Акчарлак», я угощаю. Деньги карман жмут.

– Банк ограбил? – тоже шутит Витек.

– Хуже. Зарплату получил.

– А-а-а! Ну, тогда конечно, надо обмыть, – отвечает он, и мы бежим через проезжую часть к трамваю, уворачиваясь от проносящихся в облаках брызг машин.

Меня охватывает какая-то звенящая волна, в голове все искрится, как будто там зажглось множество бенгальских огней. Хочется веселья, яркого света, нарядных людей вокруг, шума голосов, музыки, шипения пузырьков шампанского в бокале, хочется ощутить под руками теплую гибкую талию прекрасной незнакомки...

Праздника хочется! Нового года какого-нибудь или дня рождения. Но сейчас середина ноября и поэтому праздник я буду организовывать себе сам. Имею право. Я больше не комсомолец, не нахожусь в авангарде, коммунизм построят без меня. Я не нужен.

Ну и хрен с ним! Много вам настроят такие, как улыбчивый следователь с Черного озера, Бики и Беленин. У них получится все, что угодно, только не светлое будущее. А я буду гулять и веселиться. Буду, черт возьми, веселиться!

«Акчарлак» стоит на перекрестке улиц Николая Ершова и Гвардейской. Когда-то здесь проходил знаменитый Сибирский тракт, по которому на каторгу шли толпы кандалников. В старину на месте нынешнего двухэтажного кирпичного здания ресторана находился постоялый двор купца Сазонова, в котором каждый проезжающий мог обогреться, поесть, выпить и переночевать.

Говорят, что здесь орудовала шайка картежников, обыгрывавших всякого, рискнувшего сесть с ними за карточный стол. Если несчастный замечал мухлеж в игре и поднимал крик, его душили вожжами, а тело закапывали на заднем дворе. Не знаю, насколько эта легенда правдива, но ее зловещая тень явно лежит на «Акчарлаке» – это место в Казани пользуется дурной репутацией. Однако сейчас это именно то, что мне нужно.

В переводе с татарского «Акчарлак» звучит поэтично: «Белая чайка». Зал ресторана оформлен под стать названию – на стене мозаичное панно, изображающее красоты приволжских пейзажей, главным атрибутом которых, конечно же, являются эти самые чайки.

Мы с Витьком сдаем в гардеробе одежду, входим в распахнутые двери. Неповторимый ресторанный аромат, сочетающий в себе запахи прокуренных штор, жареного мяса, хлорки и духов, бьет в нос. Народу в зале немного, что, в общем-то, понятно: будний день, начало четвертого, все нормальные люди в это время еще работают. Замечаю несколько командировочных, сосредоточенных, усталых мужчин в костюмах. Они уныло поглощают комплексные обеды – на суточные особо не разгуляешься. У дальней стены, за тремя сдвинутыми столиками, идет тихий банкет. Его виновница, пожилая женщина в синем бархатном платье, сидит во главе заставленного бутылками и тарелками стола. Гости человек десять, поднимают тосты, дарят подарки. Почему-то мне кажется, что это юбилей главного бухгалтера какой-нибудь Казанской швейной или обувной фабрики.

Еще в зале обнаруживаются двое обедающих летчиков гражданской авиации, троица офицеров из соседнего Артиллерийского училища и компания мужиков неопределенного возраста и положения. Эти сидят за крайним столиком, громко разговаривают, смеются. Одеты они, как бы сказал наш замдекана, вызывающе.

Выбираем покрытый серовой скатертью столик, рассаживаемся. Витек закуливает, предлагает мне. У него обыч-

ная дешевая «Астра». Я сигареты без фильтра не люблю, а еще больше не люблю курить перед едой, поэтому отказываюсь.

– Молодые люди, что будем заказывать? – звучит над нашим столиком. Ага, официантка. Стройная, густо покрашенная женщина средних лет в белом фартучке и кружевной наколке на голове. Мы хватаемся за меню.

– Значит, так, – говорю я, ногтем отчеркивая машинописную строчку: – Коньяк «Армения» за двенадцать-двадцать...

– Шашлык по-карски на шампурах, – перебивает меня Витек.

– Эскалоп, икра красная, салат «Зимний»... – тороплюсь я, пробегая глазами по позициям меню.

– И еще цыпленок табака и марочный «Херес» за четыре ноль пять вдогон! – хохочет Витек.

– А вы в состоянии будете все это оплатить? – холодно спрашивает нас официантка.

Я, молча, показываю две фиолетовые двадцатипятирублевки и поднимаю глаза. Не бойсь, тетя, если надо, мы и тебя купим! Она величественно улыбается, уходит.

Ну что ж, будем, черт возьми, веселиться!

Сидим, скушаем. Я верчу в руках рюмку с золотистым ободком, Витек постукивает по солонке вилке, отбивая какой-то мотивчик. Спрашиваю его:

– Ты зачем «Херес» заказал, клоун?

– Да всю жизнь хотел узнать, что это за херотень такая – «Херес»? – хохочет Витек.

В зале прибывает народу. Появляются и знакомые лица – компания девиц с Искры во главе с Римкой Феофановой по прозвищу Фифа. Эти ходят в «Акчарлак» «на съем».

Официантка приносит салат, хлеб, коньяк и блюдечко с лимоном. Витек быстро разливает янтарную жидкость по рюмкам, делает значительное лицо и сообщает мне:

– Умные люди считают, что бог создал человека лишь как промежуточное звено между собой и верхом совершенства – рюмкой коньяка и кружочком лимона.

Я, молча, наклоняю голову в знак согласия, потом все жеправляю моего друга:

– Вообще-то там так: «Человек – промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона». А твои умные люди – братья Стругацкие. Кстати, нигде в мире коньяк лимоном не закусывают, мне Маратыч говорил, что цитрусовый аромат искажает вкус напитка.

– Во, точно! – радуется Витек. – Давай же выпьем за венец, за братьев, за Маратыча, за тебя, умника! И за коньяк! Вкус-мус... Нам, татарам один хрен, лишь бы с ног валило.

Пьем, Витек жует лимон. Я закусываю салатом. Коньяк хорош. Мягкий, ароматный, он приятно греет меня изнутри. Возникает непривычно лирическое настроение, все неприятности словно бы заволакивает туманом.

Витек не дает мне расслабиться. Проворно наполнив наши рюмки, он театральным голосом вопрошает:

– Что сказал космонавт Владимир Ляхов своему другу космонавту Валерию Рюмину после отделения первой ступени ракеты-носителя «Союз»?

Улыбаясь, я пожимаю плечами. Сейчас последует какая-нибудь хохма. Витек – большой мастер по части застольного фольклора и вполне может работать массовиком-затейником.

– Космонавт Ляхов сказал: «Между первой и второй перерывчик не большой!» – торжествуя салютует рюмкой Витек.

Пьем, закусываем. Официантка приносит шашлык. Ай, хорошо! Хорошо сидим, хорошо едим, хорошо пьем. Из колонок, висящих по обе стороны от буфетного окна, начинает звучать музыка. На свободном пятачке немедленно образуется не-

сколько танцующих пар. Витек намазывает бутерброд икрой, журчит коньяком.

– Ну, давай третью, которая легкой пташечкой. Знаешь, почему у нас в деревнях икру не едят?

– Почему?

– Потому что думают, что это соленая клюква.

– Так себе хохма.

Витек хмыкает.

– Ладно, тогда вот: я все про кабачки знаю – как растить, как поливать. Но вот как их заставить икру метать?

– О, вот это годится! – я еда не расплескиваю коньяк от смеха.

– Давай – за икру!

– Чтобы никогда не переводилась она на наших столах! – провозглашает Витек.

Вечер катится дальше. На столе появляется цыпленок табака, эскалопы с картошкой фри. Рву зубами жесткое мясо, Витек сдирает с цыпленка кожу – он ее не любит. В рюмках сиротливо темнеют остатки коньяка.

– Как сказал поэт Уитмен: «Хватит жрать. Давайте выпьем!», – Витек опрокидывает в рот рюмку. – Н-да, все хорошее быстро кончается.

– У нас еще бутылка «Хереса», – отвечаю я. – Вон, кстати, несут. А поэт Уитмен говорил совсем другое:

– Ну, давай за Уитмена! – Витек разливает «Херес». Оказывается, это крепкое и довольно вкусное, но всего лишь вино.

– Придется еще водки вдогон заказать, – говорю я Витьку, рассматривая бутылку.

– Ты, правда, что ли банк ограбил? – удивляется он.

– Расчет в «Вечерке» получил, – и, видя округлившиеся глаза Витька, поспешно ставлю точку в этой теме: – Неохота рассказывать, потом.

– Потом – так потом.

– Водку несут. Они там что, мысли читать научились?

Официантка ставит нам на столик графин с водкой, и томно улыбаясь, грудным голосом мурлычет:

– Молодые люди, вам просили передать...

– Кто? Откуда? – мы с Витьком начинаем крутить головами в поисках дарителя.

Официантка загадочно улыбается и, покачивая бедрами, уходит.

К этому времени ресторан уже почти полон. Музыка, гул голосов, звон приборов, сигаретная мгла... Мы в пожарном порядке вливаем в себя «Херес», дожевываем цыпленка и переходим к водке и эскалопам. Жизненный опыт подсказывает мне, что мешать коньяк с вином – еще туда-сюда, а водка тут явно лишняя. Но кто и когда прислушивался к голосу своего жизненного опыта, особенно в девятнадцать лет?

– Слушай! – внезапно хватает меня за руку Витек, – и все-таки до чего же дико ты смотришься с этими глазами!

Я с трудом киваю и, опустив голову на грудь, уже не могу поднять ее обратно, потому что сознание покидает меня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Гости из прошлого

...Темуджин очнулся от забытья и понял, что телега остановилась.

– Эй, волчонок! – прозвучал над головой грубый голос возчика. – Вылезай!

Чтобы поторопить мальчика, он пнул его в бок. Темуджин прошипел ругательство, откинул циновку, сел и огляделся.

Был поздний вечер. Солнце уже давно закатилось за край мира, но его отблески на небе давали еще достаточно света, чтобы мальчик разглядел, что повозка стоит возле большого селения – несколько десятков юрт, крытые ветками хижины, загоны для овец, коров и лошадей.

В центре селения ярко пылали выложенные кругом костры. Оттуда долетал веселый гомон множества голосов, слышалась музыка, звон колокольчиков и визгливые крики женщин.

– У хана праздник! – один из воинов бесцеремонно сдернул Темуджина с телеги, толкнул в плечо. – Мы приготовили ему долгожданный подарок! Пошевеливайся!

Еле устояв на ногах, мальчик бросил злой взгляд на говорившего. Расседывающие лошадей мужчины заметили это и захохотали.

– Осторожно, укусит! И в самом деле, волчонок! Дикий!

Сопровождаемый вооруженными нукерами, Темуджин на заплетаящихся от усталости ногах шагал к кострам, исподлобья разглядывая юрты и их обитателей, глазающих на сына Есугея.

Мальчика душила обида, в горле стоял тугой комок. Он помнил многих из этих людей – пастухов, воинов, охотников. Все они служили его отцу. Служили, а когда отца не стало, бросили жен и детей своего господина на произвол судьбы, переметнулись к его двоюродному брату, Таргитай-Кирилтуху, и признали его ханом.

Правильно говорил отец, когда был жив: у овец родина там, где трава сочнее...

Вот и ярко пылающие костры. Они окружают большую ханскую юрту белого цвета. Перед входом восседает на стопке расшитых войлоков сам нынешний властитель отцовского улуса Таргитай-Кирилтух. По правую руку от него расположились сыновья, все как один коренастые, плечистые, с густыми бородами. По левую сидят женщины. На почетном месте каменным изваянием застыла вдова казненного в Китае отца, Амбагайхана, дальше – жены самого Таргитая.

Перед пирующими на кожах и деревянных блюдах высятся горы разнообразной снеди. И едва Темуджин увидел источающие дразнящий аромат куски вареной баранины, жареных гусей и куропаток, горки рассыпчатого сладкого творога, желтые круги масла, пирамиды лепешек из белой тонкой муки, кувшины с кумысом, чаши с горячей хмельной хорзой, как ноги его ослабли. Мальчик вспомнил, что до своего пленения не ел девять дней, а в пути его накормили всего один раз, да и то скудно, как раба.

Главным блюдом на ханском пиру была туша джейрена, зажаренная на углях. Покрытые аппетитной корочкой окорока лежали перед Таргитай-Кирилтухом. Он узким кривым ножом отсекал от них кусочки сочащегося жиром мяса и впихивал в рот младшему сыну Колоксаю. Но когда нукеры подвели Темуджина к подножию войлочного трона, хан оттолкнул сына, воткнул нож в край блюда, вытер жирные руки о черную бороду и внимательно оглядев мальчика, довольно расхохотался.

– А ты не похож на своего отца, Темуджин. Есугей никогда бы не стал такими голодными глазами смотреть на еду. Он просто подошел бы – и взял то, что хочет...

С трудом оторвав взгляд от запеченной в глине форели, Темуджин сглотнул горькую слюну и сжал кулаки. Он понимал, что Таргитай издевается над ним. Понимал, но ничего не мог сделать.

– Ну, что же ты стоишь? Бери, угощайся. Или ты вовсе не Есугеева семени? – вкрадчиво спросил хан. Братья и жены Таргитая засмеялись, даже старуха-вдова изобразила на сморщенном лице улыбку.

Темуджин молчал.

– Быть может, ты желаешь сесть с нами, как и подобает родичу? – в голосе хана прорезались угрожающие нотки. Его начало злить упрямое молчание мальчика. – Тогда проходи сюда. Ты – гость, сын возлюбленного брата моего, да будут предки к нему благосклонны. Садись по правую мою руку, прими чашу с кумысом, мясо и лепешку... Ну, Темуджин!

Темуджин молчал.

– Или ты хочешь сразу сесть вот здесь, на расшитом ханском войлоке? – Таргитай перестал улыбаться. Смолкли и пирующие. Теперь все смотрели только на Темуджина.

Темуджин молчал.

– Ты, одетый в рубаху из шкурок сусликов нищий оборванец – ты хочешь стать ханом?! – заревел Таргитай-Кирилтух. – Этому тебя научила твоя потаскуха-мать? Запомни, щенок: женщины не должны вмешиваться в дела мужчин! Их удел – ублажать нас, готовить пищу и растить детей. Я сам воспитаю тебя, Темуджин. Ты будешь жить вместе с моими холопами. А теперь бери лепешку – и убирайся!

Темуджин молчал.

Люди вокруг зашевелились. Кто-то негромко засмеялся, кто-то отчетливо произнес:

– Слаб этот Темуджин против своего отца. Тот бы не стерпел, когда оскорбляют его мать. Может он, и правда не Есугеева семени?

Мальчик поднял голову и сквозь спутанные волосы посмотрел в выпученные глаза Таргитай-Кирилитуха. Вновь воцарилось молчание, нарушаемое лишь треском еловых поленьев. Темуджин шагнул вперед и изо всех сил ударил ногой по серебряной тангутской чаше с кумысом. Белая жидкость залила кушанья, с шипением растеклась по земле.

– Ты не родич мне! – крикнул Темуджин. – Ты – трусливый пес, лающий только когда рядом нет волков! Обманом захватил ты все, что по праву принадлежит мне и семье моей! Мой прадед Хабул...

Хан не дал ему договорить. Зарывав, Таргитай-Кирилтух вскочил, выдернул нож из деревянного блюда и, наступив в миску с творогом, бросился к мальчику. Темуджин попытался сопротивляться, но где было десятилетнему мальчику справиться с взрослым мужчиной? Таргитай легко опрокинул его, свалил на землю, поставил ногу в тяжелом сапоге на грудь.

– Волчонок! Я вырежу тебе печень и скормлю ее собакам! Я выну твои легкие и брошу их стервятникам! Я вырву твое сердце, съем его – и больше не будет никакого Темуджина!

Он занес руку с ножом над головой мальчика – но замер, потому что ветер донес от крайних юрт тревожные крики. Следом послышался конский топот и в костровой круг влетел взмыленный серый жеребец. Со спины его на землю упал шаман Мунлик. С трудом подняв обветренное лицо, он закричал Таргитай-Кирилтуху:

– Остановись! Страшная опасность угрожает тебе, хан!

В следующий миг все тело шамана скрутила судорога. Перевернувшись на спину, он начал кружиться, вздымая ногами пыль и выкрикивая слова:

– Вечное Синее небо! Предки наши! Духи земли и воды! На священной горе Бурхан! Говорили мне!

– Пророчество, пророчество! – зашептались в толпе. Таргитай-Кирилтух опустил руку с ножом, однако не спешил снимать ногу с груди Темуджина. Мальчик, задыхаясь, пытался сдвинуть ее, но силы окончательно оставили его.

На покрытых запекшейся коркой губах шамана выступила пена. Не переставая вертеться на земле, он ударил раскрытыми ладонями в пыль – как в бубен.

– Они говорили! Кто прольет священную кровь потомка Хабул-хана! Будет навеки проклят! И род его пресечется! И смерть настигнет его в тот же миг! Так говорило Вечное Синие небо! Так говорили предки! Так говорили духи земли и воды!

Шаман захрипел, согнулся пополам, обнял колени руками и замер. Поднятая им пыль медленно оседала, толстым слоем покрывая его неподвижное тело. Вдова Амбагая поднялась с места и просеменила к старику. Упав перед ним на колени, она что-то горячо зашептала, сжимая обеими руками висящую на груди амулетницу. К ней присоединились несколько старух. Они подняли впавшего в забытие шамана и унесли в ханскую юрту.

Таргитай-Кирилтух выругался и с досадой отшвырнул нож. Он стоял над Темуджином, как медведь-шатун над олененком и злая усмешка кривила его рот.

– Что ж, я не стану проливать кровь этого волчонка. Вечное Синее небо будет довольно, – проговорил хан и дернул себя за бороду. – Принесите кангу!

В собравшейся у костров толпе кто-то вскрикнул, женщины заплакали. Все знали: колодка-канга – это хуже честной и быстрой смерти. Это позор, это мучения, и лишь потом – неизбежная гибель от голода и жажды.

Нукеры подняли Темуджина. Его руки и голову всунули в отверстия между двух потемневших от времени досок. Таргитай-Кирилтух самолично затянул мокрые кожаные ремни. Когда кожа высохнет, ремни сожмутся и снять кангу можно будет

только с помощью остро заточенного ножа. Наказанный таким образом человек не может самостоятельно есть, пить и спать.

– Отпустите его! – приказал хан.

Пошатываясь – тяжелая канга тянула к земле – Темуджин обвел безумным взглядом лица стоящих вокруг него людей и плюнул на толстый живот Таргитай-Кирилтуха, обтянутый китайским шелком. Тот захохотал, уперев руки в бока.

– Да ты не волк, ты верблюд! Ступай в степь, там твое место. Эй, монголы! Своею ханской волей под страхом смерти я запрещаю давать Темуджину, сыну Есугея, питье и пищу, а так же оказывать всяческую помощь!

Нетвердо ступая, мальчик прошел сквозь расступившихся людей, и вскоре селение осталось позади. Перед ним лежала ночная степь. Было холодно, ветер шумел бурьяном. Над головой мальчика высыпали крупные звезды, где-то лаяла лисица-корсак.

– Вечное Синее небо, не оставь мою мать и братьев!.. – прошептал Темуджин.

Не разбирая дороги, он двинулся в темноту...

– Э, Артамон? Ты спишь, что ли? – Витек трясет меня за лечо.

– Все... все нормально! – я наливаю себе рюмку водки, выпиваю без тоста. Все же страшно жить вот такой, двойной жизнью – здесь и там, в прошлом...

– Пугаешь ты меня, – качает головой Витек.

– Я сам себя пугаю – смеюсь я.

Юный Темуджин с колодкой на шее уходит куда-то в сторону, растворяется.

– Может тебе к врачу надо?

– Точно...

Встаю из-за стола.

– Ты куда? – пугается Витек.

– К врачу.

– Не, ну серьезно?
– Если серьезно, то умыться.
– Хочешь, я с тобой пойду? – проявляет ненужную заботу Витек.

– Я справлюсь. Честно! – улыбаюсь я, прижав руку к груди, в знак благодарности.

Проходя мимо компании тех самых непонятных мужиков, я случайно задеваю стул одного из них.

– Э, слепой, что ли? – не оборачиваясь, грубо рычит на меня человек в сером пиджаке.

– Зрячий, – огрызаюсь я.

– Поговори еще, – угрожающе ворчит он и поворачивается. Мы несколько секунд смотрим друг на друга.

Так не бывает. В смысле – не бывает таких совпадений. Лицо мужика украшает свежий багровый шрам, наискось пересекающий лоб. В глазах вспыхивает злоба и ненависть. Он тянет ко мне синие от татуировок скрюченные руки.

– Вот и встретились, фраерок! Казань – город маленький.

Его приятели – или как там, у блатных говорят? Кореша? – молча, встают и быстро окружают меня. На нас еще не обращают внимания, но я знаю – это ненадолго. Он тоже здорово пьян, сильнее, чем я, и ему хочется возмездия. Все ясно, это будет не просто драка. Наверняка у них и ножи есть...

– Угол, – басит один из обступивших меня блатных. – Айда на воздух! Тут кипишить скучно.

«На воздух» – это значит на улицу. А в зале Витек и неоплаченный счет. В голове появляется некий план, простой и вроде бы исполнимый.

– Давайте так, – я точно со стороны слышу собственный голос, дрожащий и срывающийся. – Через пять минут мы встречаемся внизу. Идет?

– Ни хрена! – рычит Угол. – Оленей нашел? Давай, давай, на выход!

Все, время разговоров закончилось, пора действовать. Послушно поворачиваюсь, делаю шаг и сдергиваю с соседнего стола, за которым сидят две солидные семейные пары, скатерть вместе с посудой и бутылками. Грохот, звон, крики! Толкаю Угла в грудь, он падает. Я перепрыгиваю через него и бегу к нашему столику, сигналив Витьку:

– Атас! Срывайся!

Мой друг всегда понимал меня с полуслова. Он вскакивает, петляя между столиками, бежит к выходу и скрывается за дверьми. Это хорошо. Витек теперь в безопасности. Осталось слинять самому. Я мчусь за Витьком, делая ставку на скорость и меньшее количество выпитого. Но коньяк и херес вяжут по рукам и ногам. Блатные настигают меня у буфета.

Маратыч запрещает нам драться. «Стрелок должен беречь руки, как музыкант», – говорит он. Нашего тренера можно понять. Лет пять назад у нас в тире был парень, Валерка Жуков. Он подавал большие надежды, прямо как я, и тоже готовился в сборную страны. Но на свадьбе у сестры помахался с кем-то из родни жениха, повредил пястьевые кости руки, заработал ущемление нерва и сильный тремор, то бишь трясучку. И все, оказался за бортом. Поэтому мы стараемся всячески беречь наши руки.

Но бывают в жизни моменты, когда драки не избежать, вот как сейчас. Передо мной один из блатнюков, взрослый, кряжистый мужик с тяжелой челюстью. Я бью первым. Удар получается слабым, неточным. Зато мне накидывают полную авоську – и слева, и справа, и сзади, и спереди.

В зале визжат женщины, музыка умолкла. Официантки и администратор бегают вокруг нас, орут что-то про милицию. Пропускаю прямой в челюсть и валюсь на пол. Прощай, мама, прощайте, Витек, Маратыч, дядя Гоша и жучок Соломон Рувимович. Сейчас меня начнут топтать и пинать ногами...

Милиция появляется в зале очень вовремя – я еще в сознании и мне даже не очень больно, наверное, из-за алкогольной анестезии.

Отпускают меня уже во втором часу ночи. По счастью, один из задержанных блатнюков оказывается в розыске. Менты довольны, я отделываюсь воспитательной беседой и штрафом в тридцать рублей. На него уходят все мои расчетные деньги.

Выхожу на крыльцо. Болят ребра, на голове приличная шишка, под глазом фингал. В остальном я довольно легко отделался, могли ведь и на перо посадить.

Сидим вдвоем с Маратычем в раздевалке. Я верчу в пальцах стреляную гильзу и молчу. Мой тренер тоже молчит. Только что я рассказал ему всю историю моего грехопадения. Всю, за исключением одного момента – про фигурку коня я умолчал. Зато упомянул о событии, которое произошло сегодня утром: меня отчислили из университета. Из милиции в деканат пришла «телега» о моих ресторанных подвигах, а поскольку я уже был «на контроле», решение приняли быстро. Оно и понятно: с глаз долой – из сердца вон.

Домой я не поехал. Желание снова напиться поборол. На тренировку явился вовремя и даже отстрелялся не хуже, чем на отборочных. Но Маратыч сразу просек мое настроение. Он – мужик опытный, был военным советником в Сирии, потом в Эфиопии и Анголе, как он сам говорит, «учил лучших представителей развивающихся стран держать в руках автомат Калашникова». Где-то в джунглях Анголы группа Маратыча нарвалась на УНИТовскую засаду. Трое советников погибли, а нашего тренера посекло гранатными осколками так, что он был подчистую списан из армии.

Мы – не анголезы, не эфиопы. Нас всех Маратыч видит насквозь. Он хочет сделать из нас чемпионов, профессионалов с большой буквы. В тире у нас висят собственноручно написанные Маратычем плакаты: «Когда стрелок промахивается, он не винит других, а ищет вину в самом себе. Конфуций», «Если ты не выстрелил – ты точно промахнулся. Ричард Саундерс»,

«Точность является результатом однообразия. Известный снайпер», «Пуля, просвистевшая на дюйм от цели, так же бесполезна, как и та, что не вылетела из ствола. Фенимор Купер» и несколько непонятное нам «Клевета – столь же опасное оружие, как и огнестрельное. Антон Рубинштейн».

Еще один афоризм Маратыч не рискнул запечатлеть на бумаге, но часто произносит его на тренировках:

– Чернокожие традиционно сильны в беге, а белые – в стрельбе.

И добавляет после эффектной паузы:

– Выбирайте, кто вы – беглецы или стрелки.

Мы молчим уже минут десять. Я – потому что мне нечего сказать, все уже сказано, а Маратыч... Он как будто уснул, опустив исхлестанную шрамами голову на грудь.

– Получается, что выхода у меня нет, – со вздохом говорю я, главным образом, чтобы напомнить Маратычу о себе. – На завод, подсобно-транспортным рабочим, пожалуй, возьмут, а куда-то в приличное место – вряд ли.

– Выход всегда есть, – не меняя позы, говорит Маратыч. – В твоём случае он для меня очевиден.

– И что же это?

– Армия. Срочная служба.

Я ковыряю носком кеда пол. Что тут скажешь? Мой тренер прав. Все гениальное просто. За два года многое забудется, многое поменяется.

– Но осенний призыв вроде закончился.

– Не волнуйся, армия – не трамвай, с остановки не уйдет. Подниму старые связи.

– А как же спорт?

– Все учтено могучим ураганом, – говорит Маратыч и развивает свою мысль: – С твоим уровнем подготовки ты попадешь в спортивную роту. Будешь так же ездить на соревнования, тренироваться. Только выступать тебе придется за ЦСКА. Вот и вся разница. А когда дембельнешься, сам уже решишь, что тебе ближе.

– Я вернусь сюда.

– «Посмотрим», – сказал слепой, увидев сына под трамваем, – усмехается Маратыч.

Связи у моего тренера оказываются что надо. Уже через неделю я получаю повестку из военкомата. Мать плачет, я целый вечер убеждаю ее, что так будет лучше для всех.

Проводы устраиваю скромные – несколько пацанов со двора, ребята из тира да Витек, куда ж без него. Пожалуй, он переживает больше всех – дружим мы недавно, но очень крепко. Пьем много. К полуночи гости расходятся, а Витек отрубается. Я укладываю его на свою кровать. Мать моет посуду. Завтра утром у меня начнется совсем другая жизнь. Неизвестность всегда страшит, но лично мне не страшно...

Просыпаюсь в шесть часов. В квартире тихо – мать еще не встала. Витек, естественно, тоже. В восемь я должен быть в военкомате. Времени – вагон, но у меня есть еще одно важное дело.

Конь.

Я должен оставить фигурку дома. Не потому, что в армии она может потеряться или кто-то отберет ее у меня.

Я собираюсь начать новую жизнь. Совсем новую. А семейная реликвия рода Чусаевых пусть ждет меня. Вернусь – будет видно, что да как.

Главное – решится. Побороть странную вялость, охватившую меня, едва только я начинаю думать о нем. Это как прыжок в ледяную воду. Не надо думать, не надо рассуждать и взвешивать про и contra. Шаг, толчок – и ты летишь в обжигающую бездну.

Я достаю коня из кармана, кладу на стол и выхожу из комнаты.

Все, вернусь сюда я только через два года.

ГЛАВА СЛЕДУЮЩАЯ

Колесико

Свет. Яркий, нестерпимо-белый, он бьет по глазам. Заместитель командира первого взвода старший сержант Машаков зычным голосом орет:

– Ро-ота, па-адьем!! Форма одежды – голый торс, построение у казармы через сорок пять секунд! Время пошло!

Сержанты идут между рядами кроватей, подгоняя продирающих глаза новобранцев:

– Живее! Воин, встал! Бегом, бегом!

В армии все делается бегом. А в десантных войсках – тем более. Я в числе других проходящих «курс молодого бойца» парней откидываю одеяло на спинку кровати – так положено! – натягиваю штаны, наматываю портянки, сую ноги в короткие сапоги, и, приладив на голову берет, тороплюсь к выходу из спального помещения.

– Ро-ота, за мной бего-ом... арш! – командует Машаков. Мы срываемся с места и следом за сержантом бежим к воротам КПП. От них до спортгородка – ровно два с половиной километра. Это называется утренний кросс. Настоящий десантник должен быть физически сильным и выносливым. Спорить с этим утверждением глупо, отлынивать от физухи – себе дороже. Симулянты рискуют огрести пару нарядов вне очереди и до одури намахаться лопатами на хоздворе.

В спортгородок прибегаем, красные от мороза. От всех валит пар. Пять минут на зарядку, потом турники, «змейка», «кочки», пробежка по буму – и еще два с половиной километра до части.

И так каждое утро.

Распорядок дня в «карантине» жесткий. Подъем, зарядка, водные процедуры, заправка постелей, построение, строем в столовую на завтрак, потом до обеда занятия. Обычно это изучение устава, оружия, строевая на плацу, физуха и политические занятия. После них – построение, обед и снова занятия. В восемнадцать ноль-ноль развод, обязательный час физподготовки, далее – ужин, уборка территории и жилого помещения, час личного времени, вечерняя поверка и отбой. Спит солдат с десяти вечера до шести утра полноценные восемь часов. Бессонницы у солдата не бывает. Почему? Чтобы получить ответ на этот вопрос, следует еще раз взглянуть на распорядок дня.

Все неприятности забылись. Громилы из БКД, беседа со следователем на Черном озере, увольнение, исключение из комсомола, драка в ресторане, Надя – все это как будто случилось не со мной, а с кем-то другим.

Мне в армии – нравится. Мне здесь – хорошо.

Конечно, это еще не совсем армия, это тридцатидневный «карантин», заканчивающийся завтра. Завтра присяга, а потом нас раскидают кого куда. Кто-то поедет сразу в действующую часть, кто-то попадет в «учебку», чтобы спустя несколько месяцев получить погоны младшего сержанта.

Текст присяги мы выучили наизусть. Советская армия устроена таким образом, что если солдат должен что-то выучить или запомнить, то можно не сомневаться – и выучит, и запомнит, причем так, что ночью его разбуди – отбарабанит без ошибок.

На присягу приедут наши родители и родственники. Замполит, капитан Сухов, высокий серьезный мужик с костистым лицом, еще неделю назад говорил, что всем отправлены телеграммы с приглашениями. Я не то чтобы соскучился по матери, но повидаться, конечно, хочется – мало ли куда меня закинут после «карантина»? Десантные части дислоцированы по всему Союзу – от Прибалтики до Монголии. Одно дело – доехать из

Казани до Пскова, где я сейчас нахожусь, и совсем другое – до какой-нибудь забайкальской Кяхты.

Вообще армейская жизнь напоминает мне колесо. Резвое такое колесико, которое останавливается только на ночь. Утром оно срывается с места и начинает вертеться, вертеться, и ты вместе с другими парнями в тельняшках и беретах вертишься вместе с ним.

За прошедший месяц у меня не было ни одного «провала». Я даже начал потихоньку забывать о древних монголах, об Есугее, Темуджине, Оэлун и запахе степной полыни. С одной стороны, это хорошо, но я где-то глубоко в душе тоскую по своим видениям. Однако эта тоска – ничто в сравнении с сосущим, изматывающим, постоянным желанием увидеть, прикоснуться к фигурке коня. Здесь, в армии, мне стало окончательно ясно – это называется «зависимость». Мать рассказывала, что у них в институте был один человек, начальник отдела, неплохой специалист, который, в конечном счете, сошел с ума и угодил в психиатрическую больницу на улице Волкова. Оказывается, он еще в молодости придумал, как из капель для лечения насморка, содержащих эфедрин, делать настоящие наркотики. Постепенно они разрушили его личность. Похоже, конь действует на меня точно так же. Теперь я понимаю, почему покойный дядя Коля предупреждал меня в письме – ни в коем случае не открывать шкатулку. То, что письмо опоздало, – настоящий несчастный случай. Конь едва не сломал мне жизнь. Я не мог его выбросить, не мог отдать или продать.

Но я – мужчина. И я нашел в себе силы в самый последний момент, ранним утром, перед военкоматом, оставить фигурку на своем письменном столе.

Теперь я свободен!

Я – свободен! Когда-нибудь потом, после дембеля, от которого меня отделяет еще семьсот дней в сапогах, я найду книги, учебники, энциклопедии и выясню, что стало с семьей от-

равленного Есугея-багатура, с его сыном. Но сейчас я должен забыть о них. Забыть, иначе желание вновь увидеть картины давно минувших дней победит и я брошу все, сбегу из части, вернусь домой, только для того, чтобы вновь сжать в ладони фигурку из серебристого металла.

У нас в роте подобралась неплохая компания: рыжий Пашка Черкасов из Воронежа, смуглый здоровяк Артур Жагаулов из Кокчетава, интеллигентный Коля Смирнов, он призывался из Пензы и разбитной курганец Серега Ухтомов. Мы держимся вместе, вместе сидим в редкие свободные минуты в курилке. Вообще курево в «карантине» запрещено приказом командира учебного батальона майора Грачева. Вместо него нам в столовой каждый день выдают по горсти изюма и кураги.

Разговоры в курилке вертятся в основном вокруг трех основных тем. Первая – кого куда пошлют, где лучше служить.

Важный момент: в частях нас ждут настоящие прыжки с парашютом. Пока мы только учились группироваться и по три раза прыгнули с вышки. Это ерунда, аттракцион, как в Парке культуры. Прыжок с самолета – другое дело. Всем страшно. Всем хочется побыстрее побороть свой страх и прыгнуть. За прыжок десантникам дают что-то вроде премии – три рубля. Даже стишок есть такой:

*Судьба карает нас жестоко,
Сурово судит нас земля.
Кому цветы у изголовья,
Кому – бумажка в три рубля.*

На первые «прыжковые» три рубля положено «проставляться» в чипке, солдатской чайной. После этого ты становишься настоящим десантником.

Говорят, что в боевой части прыжки будут раньше, чем в учебке. Пашка Черкасов хочет в боевую часть.

– Нафига мне учебка? Три месяца уставщины! А потом повесят сопли на погоны и летай до дембеля, как электровеник, – убежденно говорит он.

Артур мечтает попасть в какой-то загадочный «пограничный десант».

– У моего друга брат там служил, в Термезе, – бубнит он, жуя изюм. – Пограничный десант – самый лучший. Там карате учат.

Сергею Ухтому все равно, где служить, лишь бы «курки не давили».

– Пацаны, жить и в армейке можно, главное что? Быть подальше от начальства и поближе к кухне! – смеется он.

А Колька Смирнов не против попасть в учебку.

– В Америке вся армия на сержантах держится.

– Да задрочим мы твою Америку! – тут же кидается спорить Серега. – У них бабы служат. И вообще вояки они тухлые. У меня кореш в ГСВГ служил, видел американцев на пропускном пункте. Толстые все и кофе пьют на посту.

Вторая тема, волнующая моих сослуживцев – загадочные десантно-штурмовые бригады. Против них даже Артуровский «пограничный десант» не котируется. ДШБ, по слухам, были самыми секретными и самыми боевыми частями Советской армии. Попасть туда хотели все, но никто не знал, как.

– Мне повар из дедов, когда мы в наряд по столовой ходили, рассказывал, что ДШБ двадцать минут «живут», – делился с нами Ухтомов. – За это время одна бригада может уничтожить целую армию! Их там учат убивать всем, чем можно, даже голыми руками. Приемчик такой есть, «прямой удар» называется. Если под углом, вот так, в челюсть врезать, то мозг в голове с места сдвинется и все, ты уже труп.

Он показывает «приемчик» на Смирнове, конечно, не настоящему, а только имитируя удар.

– Дшбешники марш-броски делают, норматив – сто восемьдесят километров за десять часов, – тут же встречается Черкасов.

– С полной выкладкой. А еще у них специальное оружие есть, гранатомет такой, как труба, одноразовый. Берешь с собой пять штук и пуляешь по очереди, а там... – он делает жест рукой куда-то вперед, – ...все – в крошки. Даже бетон! Танки эта штука насквозь прожигает!

Однажды мы подступились к сержанту Машакову с вопросом о ДШБ. Тот снисходительно выслушал нас и сказал, глядя поверх голов:

– Слышь, духи, десант всегда десант, ясно? Любая дивизия может быть штурмовой, усекли? А «прямой удар» – херня это все. В бою у вас времени угол мерять не будет. Бьешь из автомата, гранатами, штыком, лопаткой, сапогом, камнем – главное, чтобы быстро и наглушняк. Вот такие дела. Все, свободны!

Объяснения Машакова нас, естественно, не устраивают.

– Он специально так говорит, потому что секретно все, – высказывает общее мнение Колька Смирнов, и мы переходим к третьей любимой теме – дедовщине.

В «карантине», понятное дело, никакой «дедовщины» нет. Тут все по уставу, тут отцы-командиры следят не то, что за каждым шагом – за каждым чихом новобранцев. В частях, говорят, все совсем не так. Деды, то бишь старослужащие, рулят там молодыми как хотят.

– А офицеры на это глаза закрывают, – поясняет наш главный спец по «дедовщине» Черкасов. – Им так выгоднее. Сказал дедам, те молодых запрягли и все чики-чпоки.

«Дедовщина» относится к «внеуставным отношениям. Они бывают разные: нормальная «дедовщина», «беспредел» и «землячества», которые, по рассказам старослужащих, самое страшное, что только может быть, «полный попадос».

– Когда в роте из ста человек семьдесят – узбеки или грузины, то будь ты хоть трижды «дедушка», если ты русский, летать будешь, как молодой, – просвещают нас сержанты и тут

же с благодушной улыбкой кто-нибудь добавляет: – У нас в десантуре «землячеств» нету. Чурбанов-десантников не бывает.

Мы все за нормальную «дедовщину». Это когда первые полгода ты дух и летаешь за всех, вторые полгода – черпак и командуешь духами, заставляя их летать, а потом становишься «дедом» и почиваешь на заслуженных в первый год лаврах.

– Свое отлетал – и балдей! – хохочет Ухтомов. – А че, все так живут, везде. Если без «беспредела», без ночных «застроек», то «дедовщина» даже лучше, чем по уставу жить.

«Беспредел» – это когда в части устанавливаются «зонские» законы. Тут все просто: кто сильнее, тот и прав. Все сами по себе, а верховодят «тузы», у которых есть «шестерки» и «быки». «Тузы» живут королями, с помощью «быков» обирая остальных солдат.

– Их даже офицеры боятся. «Беспредел» появился, когда в армию с судимостями стали брать, – просвещает нас большой специалист по этой теме рыжий Пашка Черкасов. Где-то что-то он слышал, кто-то ему о чем-то рассказывал...

– Фуфло гонишь, – авторитетно обрывает его Артур. – Если бы в армии было как зоне, давно уже такую армию бы разогнали. Кому она нужна?

– Ни фиги! – кидается спорить Черкасов. – Вот случай был в одной части, где «тузовство» – пацану свитер прислали из дому. «Туз» своим говорит – заберите. А тот пацан уперся – хрен, мать вязала, только с кожей снимите! Ну, и...

– Что? Кожу сняли? – смеется Артур.

– Нет, просто заточенным электродом сердце проткнули. Дырочка маленькая, а свитер красный был, крови на нем не видно. «Туз» его до дембеля носил.

– А тело куда дели? – вмешиваюсь я в разговор. – Солдат умер – это ж ЧП!

– А они лопатами на части разрубили и в кочегарки сожгли, – уверенно, как очевидец, говорит Пашка и резюмирует: – Вот что такое «беспредел».

Я ему не верю. Да и кто поверить в такое? Чтобы в Советском Союзе солдат из-за свитеров убивали? Ерунда! В общем, ни «беспредел», ни «землячества» мне не угрожают. С «дедовщиной» тоже как-нибудь разберемся, можно подумать, на гражданке ее нет. Гораздо сильнее меня гнетет другое: никто ни в какую спортроту меня не переводит. Я уже месяц не стрелял; чувствую, что теряю форму. Впрочем, скорее всего у штабных офицеров просто не дошли руки до моего личного дела. На нем ведь и пометка имеется, и справка от нашего спортобщества вложена.

Сам я твердо решил – если ничего не произойдет и меня отправят в обычную часть, пойду к майору Грачеву, скажу: так и так, товарищ майор, я принесу гораздо больше пользы, если меня будут использовать по прямому назначению.

Впрочем, все это будет потом, а пока нужно готовиться к присяге и приезду мамы. Что-то подсказывает мне – без сюрпризов не обойдется...

День присяги выдался морозным. С утра всех охватило какое-то радостное предчувствие – сегодня произойдет что-то важное, значимое. Обязательные утренние процедуры прошли смазано, даже на завтрак мы были рассеянными и ели без аппетита. Да и какой аппетит, когда через пару часов нас ожидают встречи с родственниками, мамины пирожки и прочие вкусности?

В десять все три роты «карантина» выстроились на плацу. Над стройными рядами вился пар, на трибуне застыли офицеры, а еще выше над ними алел на фоне голубого неба кумачовый плакат: «Учиться военному делу настоящим образом. В.И. Ленин».

В стороне, возле столовой, топчется пестрая толпа родных и близких. Я уже отвык от гражданской одежды и все эти люди в шубах, дубленках, меховых шапках кажутся мне скопищем каких-то дикарей, полярных кочевников, почему-то оказавшихся в воинской части.

Нас выкликают по очереди. В тишине, нарушаемой лишь карканьем ворон на березах у хоздвора, звучат слова присяги. Подходит и моя очередь. Капитан Сухов командует:

– Рядовой Новиков!

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Вбивая сапоги в бетонные плиты плаца, выхожу из строя. На груди АКМС, сердце бьется часто, щеки горят – то ли от мороза, то ли от волнения. Замполит передает мне бордовую папку с текстом. Произносить присягу нужно на память, текст в руках – просто дань традиции, ну и на всякий случай, вдруг кто-то смешается, забудет слова.

Поворачиваюсь лицом к строю и громко говорю:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...

Дыхание перехватывает. Бросаю взгляд в сторону столовой. Где-то там среди прочих стоит моя мама. Наверное, у нее на глазах сейчас слезы. От этой мысли и у меня начинается щипать под веками, голос дрожит:

– ...быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Беру себя в руки, собираюсь. Инструктор по рукопашному бою старший прапорщик Хохряков не раз говорил нам на занятиях: «Нервы десантника остались на гражданке». Я – десантник. Настоящий. Поэтому голос мой твердеет, слова присяги звучат ровно и четко:

– Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине

и Советскому Правительству. Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Вижу, что стоящий поодаль капитан Сухов чуть заметно улыбается. Он все понял и ему нравится, что совладал с волнением. Через мгновение, когда я закончу, мы с ним станем людьми одной крови. В десантных войсках у офицеров и срочников гораздо больше общего, чем у каких-нибудь артиллеристов, танкистов или ракетчиков. Мазута – она и есть мазута. А в десанте все лезут в самолеты, все прыгают, рискуя жизнью, всех крестит в одну веру небо. Всех, даже командиров, даже генералов.

Последние слова присяги я буквально выкрикиваю:

– Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа!

Отдаю папку, возвращаюсь в строй. Парни из моей роты, те, кто уже принял присягу, тоже едва заметно улыбаются. Все, мы больше не «карантинщики». Мы – десантура. В газетах нас часто называют «крылатой пехотой». Это ерунда. Пехота крылатой быть не может. Рожденный ползать летать не умеет. Мы – элита вооруженных сил Союза, его лучшие солдаты. Один десантник может многое, два десантника могут все!

Для встречи с родственниками командование выделило столовую. Тут все празднично украшено, даже уже примелькавшийся плакат «Десантник – образцовый воин Советской армии!» выглядит по-новому.

Мать в расстегнутой шубе бросается ко мне, обнимает меня, плачет, сокрушенно качает головой:

– Похудел! И как будто вырос!

– Это форма стройнит, – пытаюсь шутить и спрашиваю: – Как ты? Как дела?

– Да у меня-то все хорошо, – отмахивается она. – Я вот тут тебе плюшек напекла, пирожков с черничным вареньем, как ты любишь... Ой, Темка, я ж главного не сказала...

Непроизвольно стискиваю зубы. Оказывается, я был прав, когда ждал какого-то сюрприза. И вот он, пожалуйста: мать оборачивается и машет кому-то рукой. К нашему столику пробирается девушка в приталенной дубленке.

Надя.

Да уж, сюрприз...

– Привет!

Привет, – Надя смущенно улыбается.

Молчу, не знаю, что еще сказать.

– У тебя все нормально? – пытается заглянуть в глаза Надя.

– Да, в порядке. А у тебя? – я наоборот глаза отвожу и смотрю куда угодно, лишь бы не на нее.

– Ничего... Живу, учусь. Сессию сдала без троек.

– Молодец, – говорю я рассеяно.

– Хотела тебя поблагодарить.

– Я заметил.

– Я, правда, хотела. Просто не знала, как сказать.

– Ну, вот сказала и ладно.

Мать чувствует — разговор напряженный. Отходит в сторону, будто высматривает что-то в окне.

– Ты меня еще любишь хоть немножечко?

Вопрос Нади застаёт врасплох и вызывает неожиданную агрессию. Хочу наругать, но поднимаю глаза и теряю дар речи. Надя еще более похорошела. Детская припухлость сошла, черты лица стали острее, волосы аккуратно уложены, глаза огромные, ясные, ресницы длинные — красавица, чего уж тут. Язык не повернется нахамить. На какое-то мгновение мне даже кажется, что я снова люблю ее, или просто поддался чарам.

– Зачем спрашиваешь?

– Я бы тебя ждала.

– Не надо.

– Значит, не любишь?

– Значит, что ждать не надо, – выкручиваюсь я и отхожу к матери, давая понять, что разговор окончен.

Мне здорово не по себе. И виной тому не появление Нади. Что-то происходит. Что-то нехорошее. У меня вдруг начинает ломить все тело, в голове возникает странный звон. Такое со мной уже бывало перед провалами в прошлое. Но тогда у меня был конь, а сейчас что?

В столовой появляются офицеры в парадной форме. Майор Грачев произносит короткую речь, благодарит отцов и матерей за сыновей, которых они вырастили, обещает, что все будет хорошо. Дневальные в белых халатах разносят праздничный обед – родители должны попробовать, чем питаются в армии их чада.

Мать с недоверием опускает ложку в тарелку с борщом, ест и весело округляет глаза.

– У-у, Темка, вкусно! Как в ресторане! Вы каждый день так едите?

Я вяло киваю, хлебаю борщ и не чувствую его вкуса. Надя сидит рядом, крошит хлеб и смотрит перед собой остекленевшими от слез глазами.

Приносят второе – котлеты, жаренную картошку, и сразу компот. Я по настоянию матери беру пирожок, жую, глотаю. Черт, что со мной такое?

Что?!

Над соседним столиком маячит рыжая голова Черкасова. К нему приехали отец, мать и брат. Мужчины такие же рыжие, как и Пашка. Они заговорщицки перемигиваются, что-то делают руками под столешницей. Потом Пашка стремительно наклоняется, на секунду замирает в такой позе, а когда выпрямляется, утирая рукою губы, я догадываюсь – он выпил.

Время идет. Скоро праздничный обед закончится. Я, впервые за все время, проведенное в армии, остро чувствую одиночество и какую-то бесприютность. Хочется, чтобы все побыстрее закончилось. Что «все» – я и сам не знаю.

Майор Грачев от дверей громко сообщает:

– Товарищи родственники! Время! За КПП вас ждут автобусы!

Прощаемся. Надя прижимается ко мне так крепко, будто и правда любит. Я машинально обнимаю ее. Она плачет, шепчет какие-то слова. С трудом понимаю их смысл:

– Я буду ждать тебя! Всегда-всегда! Любимый, Темочка... Скажи что-нибудь! Ну, скажи!

Я, молча, убираю ее руки со своей шеи. Надя отходит в сторону, комкая в руках варежки. У нее мокрое лицо. Мать с укоризной глядит на меня.

– Нехорошо, сынок. Мы за столько километров ехали к тебе...

– Не надо, мама...

Мы обнимаемся. Я обещаю сразу же написать, как попаду в новую часть. В самый последний момент мать спохватывается.

– Ох, совсем забыла! Ты же талисман свой оставил! Вот, я тебе привезла.

И она вкладывает мне в руку фигурку из серебристого металла. Ледяная молния пронзает все тело, пальцы против воли крепко сжимаются.

Что же ты наделала, мама?..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«И вновь продолжается бой!»

Народная мудрость гласит: утро вечера мудренее. Народ ошибаться не может, он свой опыт накапливал веками. Да что там веками – тысячелетиями!

Но в моем случае утро следующего после присяги дня оказывается не мудрым и даже не умным, а каким-то... в общем, наперекосячным. Ночью я спал плохо. Это был не столько сон, сколько полудрема, тяжелая, полная мыслей и образов. С одной стороны мне очень хотелось избавиться от волка, привезенного матерью, с другой я ясно понял – теперь моя жизнь окончательно повязана с серебряной фигуркой. Я повесил ее на шею, привязав тройным узлом на прочную капроновую нить.

Ну, а главное – нужно было как-то устраивать свое армейское будущее. На утреннем построении нам зачитали очередность отправки в части и обозначили направления. Я вместе со Смирновым и Ухтомовым поеду на запад. Скорее всего, в Прибалтику, там, как говорят сержанты, есть десантная дивизия. Прибалтика – это конечно, хорошо, точнее, лучше, чем Кяхта, но у меня-то совсем другие планы. И после построения я решаю все же поговорить с командиром нашего учебного батальона майором Грачевым.

Это только звучит просто и понятно: «поговорить». Гражданский человек вообще не поймет, в чем тут заковыка. А по уставу общение с вышестоящим начальством строго регламентировано. Рядовой обязан подать рапорт по команде, своему непосредственному командиру, то бишь сержанту, тот после одобрения передает рапорт дальше, командиру подразделения, тот – еще

дальше, и так до самой последней инстанции. Эта армейская бюрократическая цепочка может оказаться весьма длинной и продолжительной. У меня же времени нет совсем – в течение ближайших дней нас начнут отправлять к новым местам службы.

Вообще в армии солдат в одиночку по территории части ходить не должен. Только группой, только строем. Или, если, скажем, бойцу нужно в санчасть или еще куда, то его сопровождает сержант, а то и прапорщик. Конечно, бывают и крайние случаи: один офицер отправил своего подчиненного с поручением к другому офицеру. При таком раскладе солдат обязан двигаться бегом, чтобы выполнить приказ как можно быстрее и вернуться к своим служебным обязанностям.

Вот именно таким порученцем я и прикидываюсь. В роте меня хватиться не должны – карантин закончился, занятий у нас нет, мои сослуживцы слоняются по казарме, собирают вещи, ожидая сопровождающих для, говоря армейским языком, «убытия» в новые части. Мое исчезновение остается незамеченным. Я бегу в штаб. В настоящий момент я – нарушитель устава. Но мне сейчас на это обстоятельство глубоко плевать. После месяца умиротворенной жизни кровь во мне вновь бурлит, нервы дрожат, как струны, а мускулы напряжены как натянутая тетива.

То, что фигурка вернулась ко мне – конечно же, не случайно. Это – знак, воля провидения, как писали в старинных романах. Перст судьбы. От судьбы не уйти – теперь для меня это так же очевидно, как то, что солнце встает на востоке, а садится на западе.

Над частью гремит музыка. Уложенный на газонах в ровные прямоугольники снег блестит на ярком зимнем солнце. Иосиф Кобзон в сопровождении оркестра жизнеутверждающе ревет:

*Неба утреннего стяг...
В жизни важен первый шаг.
Слышишь: реют над страной
Ветры яростных атак!*

Я врываюсь в штаб, небрежно козыряю дежурному, коротко бросаю:

– К командиру части!

Сонный сержант из взвода обеспечения кричит мне вслед:

– Нет его! В дивизию поехал!

Я уже на лестнице. Приходится останавливаться. Вот это номер! Весь мой план летит к чертям. Хотя... В сущности, какая разница, с кем мне говорить – с Грачевым или его заместителем?

Спрашиваю у дежурного:

– А начальник штаба?

Сержант поправляет красную повязку с белыми буквами и неторопливо кивает:

– Капитан Пепеляев у себя. А тебе чего надо-то?

Машу рукой – мол, некогда – и бегу вверх по лестнице. В конце концов, так даже лучше. Наверняка распределением солдат занимается именно начальник штаба учебного батальона.

Лишь одно обстоятельство несколько портит мне настроение. Капитана Пепеляева у нас не любят. Точнее, не то чтобы не любят, он не девка, а прямо-таки ненавидят. И прозвище у него соответствующее – Хорек. Въедливый, придирчивый, вечно всем недовольный капитан – настоящая гроза батальона. Наряды вне очереди он раздает направо и налево, щедрой, что называется, рукой. У Пепеляева есть несколько любимых фраз, которые мы все знаем наизусть: «Солдат без работы – это преступление», «Строевая подготовка закаляет характер», «В Уставе все написано» и «Отставить «как лучше». Делайте, как положено».

На секунду я замираю перед дверью с табличкой «Начальник штаба учебного батальона», собираясь с духом. Впрочем, чего там собираться. Стучусь. Слышу недовольный голос Пепеляева:

– Войдите!

Теперь главное – действовать согласно Уставу. Четко печатая шаг, вхожу в кабинет, вскидываю руку к берету.

– Товарищ капитан, рядовой Новиков!

– Что вам, рядовой? – Пепеляев настороженно смотрит на меня из-под кустистых черных бровей. В общем-то он мужик представительный, крупный; бабам такие нравятся. Но есть у капитана одна червоточинка: подбородок подгулял. Ему бы челюсть пошире да помощнее. Но природа наградила Пепеляева крохотным подбородочком, похожим на фигу и от этого лицо начальника штаба выглядит каким-то недоделанным. Он и в самом деле похож на хорька, здорового такого, перекаченного, карикатурного хорька.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться!

– Обращайтесь, – милостиво разрешает Пепеляев, задумчиво перекладывая какие-то бумаги на своем рабочем столе. За окном надрывается Кобзон:

– Прошу вас рассмотреть мое личное дело на предмет перевода в подходящее мне по статусу подразделения! – выпаливаю я единым духом и запоздало думаю – хреново сформулировал! Не так надо было...

– Что-о-о?! – вскидывает голову Пепеляев. – Я не ослышался?

Ну, все, теперь отступать некуда – позади... Ничего там нет, позади. Все у меня впереди! Расклад простой: пан или пропал.

– Никак нет, товарищ капитан, не ослышались. Дело в том...

– Фамилия! – Пепеляев вскакивает, бьет кулачищем по столу.

– Как фамилия, солдат?

Стараюсь говорить как можно спокойнее.

– Рядовой Новиков, я уже докладывал. Первая учебная рота. Понимаете, я...

– Отставить! Почему явились, минуя положенный регламент? Солдат, в Уставе все написано!

– У меня крайние обстоятельства! – это я выдаю уже почти в отчаянии.

– Какие могут быть обстоятельства, превалирующие над Уставом? – совершенно искренне спрашивает Пепеляев.

– Я – мастер спорта по стрельбе. В личном деле есть справка. Мне положено служить в спортивной роте...

– А-а, вот в чем дело! – недобро усмехается капитан. – Легкой службы захотел? Ну-ка, ну-ка...

Он встает, идет к шкафу, открывает дверцу и, бормоча себе под нос что-то про маменькиных сынков и уклонистов, начинает искать мое личное дело. Отыскав серую папку, возвращается за стол. Я жду.

– Что тут у нас? – листовая папку, продолжает бормотать Пепеляев. – Характеристика... Та-а-ак! Чудесно, просто чудесно, рядовой Новиков! Да ты, оказывается, исключен из комсомола! Отчислен из Казанского университета! Из университета, где Ленин учился! Драки, дебоши, фарцовка... Как же это я проглядел-то, а?

– Но товарищ капитан, армии же будет лучше, если меня использовать по назначению!

– Отставить «будет лучше». Нужно – как положено, – чуть перефразировав свое любимое выражение, цедит Пепеляев. – Наглец! Совсем оборзели! По тебе, Новиков, не спорттрота, а тюрьма плачет! А ну-ка...

– Товарищ капитан! Ну, вы документы-то посмотрите! – я срываюсь на крик. – Там же не только характеристика!

– Да, – с угрозой в голосе соглашается со мной Пепеляев. – Тут не только характеристика. Тут еще кое-что...

Повисает пауза. Он шелестит бумагами, я молчу.

– А это хорошо, что ты сам пришел, – заявляет наконец капитан. – Исправил, так сказать, мою недоработку. Теперь будем разбираться с тобой. Надо же, какой фрукт. Ну что ж... Раз родители не смогли тебя воспитать, тренеры твои, если, конечно, справка о твоём спортивном разряде не поддельная... Раз уж, мать твою, вырос ты вот таким дураком, то армия это поправит! В Уставе все написано...

Не надо, ох не надо было ему все это говорить! Родителей поминать, тренеров, мать... У меня, что называется, «срывает башню». Я подлетаю к столу капитана, упираюсь в край руками и, нагнувшись, ору ему прямо в лицо:

– Да что ты знаешь-то про меня?! Сидишь тут, индюк гребаный! Армия поправит! Что поправлять-то? Ты бы хоть попробовал разобраться, в чем дело!

Глаза Пепеляева наливаются кровью. Он вскакивает, отшвырнув стул. Ему очень хочется ударить меня – я это вижу. Но капитан сдерживается.

– Вон! – коротко бросает он и указывает на дверь. – Пошел вон! Сопляк! Учить меня будешь? Ну, я тебе устрою! В спортроту захотел? Бу-удет тебе спортрота! В Кушку упеку! На Дальний Восток! В болотах сгниешь, тля! Мастер спорта, твою мать! Вот тебе мастер спорта! Вот!

И он, выхватив из папки справку с подписью Маратыча, с яростью рвет ее на мелкие кусочки.

Все. Это крах. В голове моей образовывается звенящая пустота.

– Дурак ты, капитан, – тихо говорю я. – Дурак и неудачник. Это не я, это ты сгниешь здесь. Хорек вонючий...

Повернувшись, я покидаю кабинет и слышу, как за моей спиной Пепеляев кричит в телефонную трубку:

– Первая рота? Сержанта Машакова! Сержант? Это начальник штаба. Да, я! Бегом ко мне! Бегом, я сказал!!

После обеда в курилке я пересказываю пацанам наш с Пепеляевым разговор.

– Ну, ты дал! – с плохо скрытым восхищением говорит Пашка Черкасов. Его перебивает Смирнов:

– Зря. С такими гадами, как Хорек, дел иметь нельзя. Все боксом выйдет.

– Да ладно на очко садиться, – машет рукой Серега Ухтомов. – Че он Артюхе сделает? Ну, отправит в Кушку или еще куда. Так везде же Советский Союз! Прорвемся! Точняк?

– Ну... да, – уныло соглашаюсь я. Меня не особо пугают угрозы капитана, я сильно расстроился от того, что он порвал справку. Не видать мне теперь тренировок. Смогу ли

я восстановиться после службы, набрать форму? Это вопрос вопросов...

Артур Жагаулов, единственный из всей компании, понимает меня.

– К папе Грачеву надо идти, – говорит он. – Про справку рассказать. Про то, как этот Хорек маму ругал. Пусть запрос посылают, новую справку делают.

На это наш разговор обрывается – перекур закончился и нас зовут на построение.

Развязка всей этой истории наступает вечером. Через час после отбоя дежурный по роте сержант Тобидзе поднимает меня и тихо говорит:

– Давай в умывальник.

– Нафига?

– Э, слушай, давай, бегом! Тебя там ждут...

Подтягивая на ходу трусы, плетусь по коридору, спросонья плохо соображая, что происходит. В туалете, свежевыдраенном дневальными, пахнет хлоркой и хозяйственным мылом. У окна стоят трое. Один курит в форточку. Щурясь от яркого света, вглядываюсь – наши сержанты во главе с Машаковым. Сердце екает. Сейчас что-то будет.

– А, Новиков! – одними губами улыбается Машаков. Глаза его при этом остаются пустыми и серыми, как оцинкованное ведро. – Ко мне, солдат!

Подхожу, отвечаю согласно Устава:

– Товарищ сержант, рядовой Новиков...

– А ты гнида, оказывается, – перебивает меня Машаков. – Фарца. Американские тряпки любишь. Щас мы тебя будем учить Родину любить и политику партии понимать.

Он резко бьет меня в грудь, но я успеваю повернуться, и путовый кулак сержанта врезает в плечо. Отлетаю в сторону, к раковинам. Ноги в армейских резиновых тапочках скользят на сверкающем кафельном полу.

Сержант Машаков надвигается на меня неотвратно и грозно, как тепловоз на застрявшую посреди железнодорожного переезда легковушку. Младший сержант Головки за его спиной деловито засучивает рукава хэбэшки. Третий сержант, фамилию которого я так и не запомнил, маячит в стороне, готовый, если понадобится, прийти на помощь своим корешам.

Положение мое аховое. Теперь понятно, зачем Пепеляев вызывал к себе Машакова. Вот тварь-то! Чужими руками...

Краем уха слышу доносящийся из коридора голос дневального на тумбочке:

– Дежурный по роте, на выход!

Сержант Тобидзе невнятно отдает рапорт. Значит, пришел кто-то из офицеров. Это мне на руку. Машаков тоже понимает, что бить солдата в присутствии офицера нельзя и останавливается.

В дверях появляется мощная фигура в шинели и зимней шапке. Золотом высверкивают звездочки на погонах. Капитан Пепеляев. Пришел лично полюбоваться, значит. Хорек.

– Ну, – на раскрасневшемся с мороза лице капитана играет широкая улыбка. – Как тут у нас дела?

– Работаем, товарищ капитан, – сообщает ему Машаков и делает резкий выпад, целя кулаком мне в живот. По лицу в армии не бьют, синяк на лице солдата – это ЧП.

Стой я на полшага ближе к сержанту – валяться мне на полу в скрюченном положении и хватать ртом воздух. Но Машаков чуть не рассчитал и я удерживаюсь на ногах. И тут в голове у меня будто взрывается бомба. Сонная одурь окончательно проходит. Движения становятся быстрыми и точными.

Поднырнув под очередной удар сержанта, я в два прыжка подлетаю к застывшему в дверях Пепеляеву и бью его по все еще улыбающейся роже. Бью не кулаком, а – ладошкой. У нас в Казани на улице Заря это считается «западлю», пацан пацана так не бьет, так бьют только чмошников, таких вот, как этот капитан.

Оплеуха у меня выходит звонкая, эхо гуляет по умывальнику. Сержанты застывают в ошоломении. Пепеляева на глазах бледнеет. Я тоже.

Только что я совершил едва ли не самое страшное армейское преступление – ударил офицера. Первым. В присутствии многочисленных, как пишут в протоколах, свидетелей.

Первым приходит в себя Пепеляев. Он не глядя, ставит на пол свой портфель и сжимает кулаки. Все ясно – сейчас меня будут не просто бить, а, возможно, убивать. Капитан выше меня, шире в плечах, и как ни крути, он – офицер-десантник.

Голос дневального звучит волшебной музыкой. И вновь, помимо обычного «Дежурный по роте на выход!» следует скороговорка рапорта Тобидзе. Значит, снова офицер. Но кого принесло в двенадцатом часу ночи в нашу роту?

– Что здесь происходит? – гремит за спиной Пепеляева голос майора Грачева. – Слава, ты чего не дома?

– Здравствуй, Паша, – капитан жмет руку Грачеву, бросает на меня быстрый взгляд и вдруг выпаливает на одном дыхании: – ЧП у нас, понимаешь. Вот солдат совсем с ума сошел. Ударил меня. Не нравится ему, вишь ты, распределение. Недоволен.

– Ударил?! – выкатывает глаза Грачев и с нескрываемым удивлением смотрит на меня. – Э-э-э... Рядовой...

– Новиков! – подсказывает подошедший замполит капитан Сухов. Китель его перетягивают ремни портупеи, на рукаве – повязка. Сухов сегодня дежурит по части. Они вместе с Грачевым делали обязательным ночной обход и вот натолкнулись на такой сюрприз.

– Рядовой Новиков! – рывкает Грачев. – До выяснение обстоятельств – в камеру временного содержания! Сержанты – сопроводить! Сухов – проконтролировать. Пепеляев – за мной. Все.

Под конвоем шипящих угрозы Машакова и младшего сержанта Головки иду к своей кровати одеваться. Пашка Черкасов

просыпается, отрывает от подушки серую в полумраке дежурного освещения голову.

– Артюха, ты чего? Ты куда?

– В тюрьму, Паша, – солидно отвечаю я ему. Несмотря ни на что у меня прекрасное настроение. Врезал, врезал я этой гадине Пепеляеву, этому вонючему хорьку! А было бы под рукой оружие – вообще бы убил, потому что таких людей на свете быть не должно. Не должно – и точка.

– Да че случилось-то? – Пашка вскакивает, откинув одеяло.

– Ваш товарищ совершил тяжелый проступок, – веско говорит незаметно подошедший Грачев. – Завтра вы все узнаете. А сейчас – отбой!

Пашка послушно ложится. Меня ведут к выходу из казармы.

В армии для провинившихся солдат тюрем нет. Зато есть гауптвахта. Это что-то среднее между КПЗ и СИЗО. На гауптвахту, в просторечии «губу», сажают защитников Отечества, задержанных патрулями вне части без увольнительных, нарушителей формы одежды, казарменных драчунов, а так же пойманных на воровстве. Ну, или вот таких, как я.

Губа – это своеобразное чистилище. Кто-то, отсидев пять, десять, пятнадцать суток, возвращается оттуда в часть, а кто-то отправляется дальше – на настоящую зону или в дисбат.

Мне светит именно дисбат. Дисциплинарный батальон. Порядки там, по слухам, куда как хуже, чем на зоне. В дисбате, или, как его еще называют, «дизеле», все ходят только строем, спят по шесть часов и много работают – «от забора и до обеда». Дисбатовские носилки – это двухсотлитровая железная бочка с приваренными вместо ручек ломami. Дисбатовская лопата вдвое больше обычной. У дисбатовцев нет выходных и праздников. На их форме нет знаков различия, а ремни – из толстого брезента.

И самое главное – отсидев в дисбате год или два, солдат потом обязан дослужить положенный срок. Мне дадут по максимуму

– два года. И еще год и десять месяцев я буду дослуживать. Всего получается почти четыре года. Больше, чем в морфлоте.

Но прежде меня ждет губа, трибунал или выездная коллегия военного суда и прочие прелести. Пока же я сижу в камере временного содержания, находящейся в штабе. Губа – это в Пскове, рядом с комендатурой. Туда меня, судя по всему, повезут завтра.

Погруженный в невеселые думы, я брожу из угла в угол, сунув руки в карманы. В армии руки в карманах держать не положено, но сейчас я вне закона и наслаждаюсь этими крохами свободы, очень относительной свободы – как человек может быть свободным под замком?

КВС маленькая, два на два метра. Окна нет, стены выкрашены экономичной зеленой краской, под высоким потолком – тусклая лампочка. Вместо кровати здесь имеется деревянный щит, напоминающий поддон для кирпича. В туалет меня должен выводить караульный, он мается за дверью, в коридоре. Еду – завтрак – принесут только утром. Делать нечего, спать не хочется. Кроме всего прочего, в камере довольно прохладно.

Чтобы как-то отвлечься и скоротать время, я начинаю вспоминать события последнего времени. Жизнь моя, похожая до той злосчастной поездки в Москву на широкую, полноводную реку типа нашей Волги, а то и озеро с неспешно движущейся водой, резко переменилась и стала больше напоминать бурный горный поток, извилистый, пенный, клокочущий на перекатах, дробящийся в брызги о мрачные скалы, пытающиеся преградить путь свободно несущейся воде.

Конь. Он – корень всех бед и поступков.

Нет, неправда. Нужно быть честным с самим собой. Не конь, а я сам виноват. Это я открыл шкатулку, это мое любопытство заставило взломать замочек и сунуть нос туда, куда поколения предков – людей, надо думать, далеко не глупых! – не залезали даже в помыслах.

Так что винить некого. Я напоролся на то, за что боролся. Конь поработил меня. Или – освободил? Как ни странно, новая жизнь мне все же больше по сердцу, чем прежняя, размеренная и неспешная. И когда я оставил фигурку, подсознательно я тосковал по ней. Даже не по ней, а именно по ощущениям, даруемым ею. Я тосковал по бурной горной реке. Она веселее, интереснее, ярче, мощнее, чем медленно катящая свои воды Волга.

Хорошо, что мама привезла фигурку. Плохо, что я отправлюсь в дисбат. Или прав был тот мудрец, что сказал: «Все, что ни случается – к лучшему?».

Черт, у меня сейчас голова треснет от всех этих раздумий! Надо перестать мучить себя. Чему быть – того не миновать. Надо попробовать поспать, кто его знает, когда удастся сделать это в следующий раз?

Ложусь на деревянный щит, укрываюсь шинелью. Холодно. Не то чтобы совсем мороз, но в камере не больше десяти градусов тепла. Интересно, а как во время войны люди спали в шинелях на снегу? Или все же воевали они зимой в телогрейках? Надо будет спросить у дяди Гоши.

И тут я понимаю – а ведь вполне может случиться, что я его вообще больше не увижу. Он, конечно, не очень старый, но в возрасте, к тому же раненый, контуженный. За четыре года всякое может произойти.

А мать, мама? Что случится с нею? Как она вообще переживет известие о том, что ее сын – преступник?

У меня начинает болеть голова. Наверное, защитная реакция организма, который измотан бесплодными терзаниями. Спать в таком состоянии не получится, это ясно. Ходить надоело. Курева нет. Ничего нет, у меня отобрали даже брючный ремень, наверное, чтобы я не повесился, хотя, даже если мне очень бы захотелось, в камере его не к чему привязать.

И тут, словно по заказу, серебряный конь уносит меня в прошлое...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В путь!

Старый унгиратский нойон Дэй-сечен, блаженно жмуря глаза, лежал на устланном оленьими шкурами возвышении в своей юрте. Две старухи-жены умело натирали его покалеченную руку пахучей мазью, изготовленной из трав и конского помета. Мазь снимала боль, возвращала руке чувствительность и на какое-то время Дэй-сечен забывал о своем недуге.

Руку он повредил еще в молодости, участвуя в набеге на баргутов. Пущенная кем-то из врагов стрела раздробила сустав и с тех пор Дэй-сечен мог в лучшем случае удерживать этой рукой чашку с кумысом.

Воспоминания о молодых годах испортили Дэй-сечену настроение. Он уже стар, а дочери его юны. Но нет у них мужей, нет семей и не дарят они своему отцу долгожданных внуков. В степи тлеет война, Алтан-хан посылает из-за стен своих северных крепостей отряд за отрядом, татары его именем, именем императора Цзинь, разоряют монгольские курени, угоняют скот, убивают мужчин. В такое время мало кто думает о свадьбах.

Дэй-сечен крепко надеялся на сына Есугей-багатура. Темуджин понравился ему и с Борте они сошлись как нельзя лучше. Но Есугей погиб, семья его пропала, а когда до ушей Дэй-сечена вновь дошли вести о Темуджине, были те вести чернее ночи. С тех пор, как Таргитай-Кирилтух надел на своего двоюродного племянника колодку-кангу и под страхом смерти запретил всякому человеку оказывать Темуджину помощь, никто его не видел.

Конечно же, сын Есугея отправился к своему отцу. Он мертв, и Борте нужно искать другого жениха. Но она и слышать не хочет об этом. Не далее как вчера девушка заявила отцу:

– У меня есть жених. Он приедет за мной.

Вечерами Борте ходит в степь, и стоя на высоком кургане, смотрит на закат. У Дэй-сечена сердце сжимается всякий раз, когда он видит страдания дочери. Но как объяснить ей, что человеку с кангой на шее не выжить одному? Как втолковать, что Темуджин умер и кости его растащили дикие звери?

Дэй-сечен не знал, что сын Есугея оказался не по зубам демону смерти. Три дня блуждал Темуджин, тщетно пытаясь освободиться от своей колодки. На четвертый день, полумертвый от усталости и жажды, он вышел к берегу реки Улдза. Кинувшись в воду, мальчик вдоволь напился, а потом отдался воле течения, ибо не имел сил выбраться на берег.

Река вынесла его к одинокой хижине, в которой жил старик по имени Сорган-Шире. Он помог Темуджину, снял с него колодку и долгих два месяца выхаживал Есугеева сына.

Встав на ноги, тот первым делом отправился в приононскую степь, туда, где его пленили нукеры Таргитай-Кирилтуха. Где-то там, во время бешеной скачки, Темуджин потерял отцовский малгай. Он не мог объяснить, почему, но чувствовал, что обязательно должен найти шапку Есугея-багатура.

Потратив много дней на поиски, во время которых он питался лишь травой да однажды сумел подстрелить тарбагана, Темуджин нашел останки разодранной лисицами и степными грызунами шапки. Нашел он и фигурку, которую зашил под подкладку его отец.

И когда Темуджин сжал в ладони серебристого волка, когда ощутил бодрящий холод, исходящий от фигурки, он понял – отныне вся жизнь его пойдет иначе. Накрепко примотав кожаным ремнем волка к телу напротив сердца, он отправился в верховья Керулена.

Проведя еще месяц в скитаниях, юноша разыскал свою семью, по-прежнему влачащую жалкое существование в урочище Гурельгу. Мать и братья с радостью встретили его. Они считали Темуджина давно погибшим. Прошла зима, а весной возмужавший сын Есугея с братьями Бельгутеем и Хасаром, тоже выросшими в крепких юношей, завладел целым табунком из восьми соловых коней и горбатого саврасого мерина. Борджигины попросту увели их у зазевавшихся пастухов-найманов.

Теперь Темуджин задумался о женитьбе. Мать и братья не перечили ему.

– Борте ждет меня в юрте Дэй-сечена, – сказал Темуджин. – Осенью поеду за невестой.

Но летом случилась беда – шайка разбойников-меркитов угнала восьмерку соловых, лишь горбатый саврасый мерин остался привязанным у юрты Оэлун.

Догнать грабителей и отбить табун вызвался Бельгутей. Хасар сказал, что он сильнее и взялся за повод, собираясь вскочить в седло. Но Темуджин остановил брата.

– Вы оба не сможете. В погоню отправлюсь я.

Проведя два дня в пути, Темуджин утром третьего дня увидел парня, доившего кобылиц на берегу степного озера. Его звали Боорчу, он был сыном Наху-баяна из племени арлаутов.

– Не видел ли ты табун из восьми соловых коней? Его угнали у нас разбойники, – спросил у Боорчу Темуджин.

– Видел, как не видеть, – весело ответил тот. – Они проскакали мимо меня вчера. Подожди, друг, я отгоню кобыл в наш курень и помогу тебе. Один ты не справишься.

Когда он вернулся, Темуджин поинтересовался:

– Почему ты помогаешь мне?

– Ты – сын Есугея храброго, – сказал Боорчу. – Десять дней назад у нас побывал шаман Мунлик. Он изгонял злых духов из больного тела моей матери. Еще шаман пророчествовал: «Первый нукер Темуджина Борджигина станет великим полковод-

цев и три на десять племен покорятся ему». Я не хочу всю жизнь доить кобылиц. Я буду твоим первым нукером.

Юноши пустились в погоню и вскоре нагнали похитителей. Те остановились на отдых в низине. Лошади Темуджина паслись рядом с повозками, среди других коней.

– Ты оставайся здесь, а я отоблю своих скакунов, – сказал Боорчу сын Есугея.

– Ну, уж нет, – рассмеялся в ответ молодой арлаут, – Зачем же я столько времени ехал с тобой? Пойдем вместе.

Незаметно пробравшись в стан разбойников, друзья отвели от него табун и погнали прочь. Грабители спохватились и бросились в погоню. Их было четверо, четверо взрослых мужчин, и они рассчитывали без труда справиться с двумя юношами.

Но Темуджин, натянув поводья, остановил своего коня на холме и достал лук. Прицелившись, он стал спокойно ждать, когда разбойники доскачут до него. Боорчу, увидел это, подъехал к другу, достал свой лук и тоже растянул его, приготовившись стрелять. Грабители остановились. Фигуры всадников с луками внушили им такой страх, что они развернули скакунов и поехали прочь. Это была первая боевая победа Темуджина.

Ничего этого Дэй-сечен не знал, как не знал он и того, что почитаемый им за мертвеца сын Есугея в то самое время, когда унгиратский нойон врачевал свою руку, подъезжал к его куреню, громко распевая песни в предвкушении встречи с невестой.

Когда Темуджин подъехал к куреню Дэй-сечена, поднялся страшный переполох. Старый нойон первым подбежал к спрыгнувшему с коня юноше и неловко обнял его одной рукой.

– Дэй-сечен, я приехал за своей невестой! – кланяясь тестю, сказал Темуджин.

– Пойдем ко мне в юрту, сынок, – улыбаясь, ответил счастливый отец и крикнул столпившимся унгиратам: – Позовите Борте. И готовьте свадебное угощение!

Но девушка, словно почувствовав, сама явилась к жилищу нойона. Когда она и Темуджин увидели друг друга, оба растерялись. Не отрывая глаз, они вошли в юрту и сели рядом. Дэй-сечен налил гостю кумыса, жены выложили на блюда угощения. Однако сын Есугея ничего этого не заметил. Он разглядывал свою невесту, а она смотрела на него.

Темуджин сильно изменился. Дэй-сечен заметил, как он стал походить на отца. Та же стать, те же волосы, властная складка в уголках губ. И глаза. В детстве у Темуджина они были желтые, кошачьи. Теперь в них словно жило Вечное Синее небо, голубое, полуденное, в левом, и бирюзовое, рассветное – в правом. Точно такими же глазами смотрел на мир Есугей-багатур.

Жених и невеста не расставались до самого вечера. Свадьба шла своим чередом, песни сменялись плясками, пенился в чашах кумыс, мясо молодого бычка, заколотого по такому поводу, исходило в котлах ароматным паром. Довольные гости с трудом отваливались на лежанки и весело улыбались жирными губами – праздник удался на славу.

Дэй-сечен пожаловал зятю длиннополую соболью шубу – ханский подарок, который, однако, не вверг нойона в убыток. Прошлой зимой унгиратским охотникам повезло добыть много пушного зверя в отрогах Баргузина. Шкурок в курени хватило бы не на одну сотню шуб.

Только молодые почти ничего не ели и не пили. Они по-прежнему не могли оторвать друг от друга глаз. Дэй-сечен даже обиделся на Темуджина и велел принести для него бычий рог с архой – что это за свадьба, где жених не напьется допьяна?

Во славу Вечного Синего неба Темуджин осушил рог – и рухнул на ковер без чувств.

– Вот это и называется уважать старших! – довольно засмеялся Дэй-сечен. Он велел унести жениха в отдельную юрту и уложить спать.

Когда на небе высыпали звезды, курень затих, лишь собаки по укромным углам с рычанием грызли кости да всхрапывали стреноженные лошади. Никто не видел, как Борте серой тенью проскользнула к юрте, где спал Темуджин. Девушка отвела полог, нашарила ногу жениха и крепко сжала его большой палец.

– А? Кто тревожит меня? – громким спросонья голосом спросил Темуджин.

– Тихо, – одними губами ответила Борте. – Иди за мной.

Они вышли из куреня и поднялись на поросший ковылем курган. Легкий ночной ветерок пробежал по шелковой травяной гриве, бездонное звездное небо висело над головами Темуджина и Борте. Девушка легла на спину и сказала чуть слышно:

– Ты муж мой. Люби меня, как должно мужу любить жену свою.

...Взошедшая Луна высеребрила степь. Ночные птицы перекликались в кустах у реки. Темуджин посмотрел на звезды и расслабленно улыбаясь, сказал Борте:

– Смотри, вон та яркая звездочка – Цолмон. Когда у нас родится сын, я дам ему это имя. Мы будем жить в новой юрте спокойной, мирной жизнью, у нас будет вдосталь овец, коней и верблюдов. Приплод мы станем продавать и я куплю у торговцев для тебя шелковый халат и жемчужное ожерелье...

– Что?! – пораженно воскликнула Борте, вскакивая на ноги. Она так разгневалась, что даже не запахла одежду. – О каких торговцах ты говоришь? Ты, сын Есугея-багатура?! Если у нас родится сын, имя его будет Джучи, что значит «Нежданный», потому что только неожиданно рождаются дети в тяжелую годину. Я отдалась тебе, нарушив обычай, до приезда в юрту твоей матери. Я думала, что ты храбрый воин, готовый вступить в схватку с врагами нашего народа. А ты мечтаешь об овцах и верблюдах. Встань, Темуджин, посмотри вокруг!

Борте легко взбежала на самую вершину кургана. Темуджин нехотя поплелся за нею.

– На юге татары и Алтан-хан, на севере баргуты, с запада нам угрожают меркиты и найманы, – девушка широко обвела рукой ночную темень. – Восток населен кровожадными джурджениями. Монголы в кольце врагов. Лишь кераиты не желают нашей гибели, но они сами ведут войну с найманами и не помогут нам. И в такое время ты помышляешь о спокойной, мирной жизни?! Неужели я ошиблась в тебе, Темуджин?

Потрясенный той страстью, с которой говорила Борте, ее жених молчал.

– Ковер судьбы уже соткан, Темуджин, – смягчившись, произнесла девушка, указывая на серебристую лунную дорожку, легшую на ковыли у самых ее ног. – Нужно только отважиться, ступить на него. Вот моя рука – давай же. Я знаю, если ты не будешь оглядываться назад, то сумеешь стать тем, кем должен – великим ханом всех монголов, спасителем и охранителем нашего народа. А я займу при тебе достойное меня место старшей жены. Темуджин, надо всего лишь сделать шаг! Смотри, ковер судьбы уже у меня под ногами!

Пока она говорила, разные мысли возникали и гасли в голове Темуджина, точно искры. Но последние слова Борте заставили его отринуть сомнения. Крепко стиснув в руке Волка, он ступил в полосу лунного света, взял Борте за руку и облегченно сказал:

– Теперь мои глаза видят ясно. Теперь сердце мое бьется ровно. Завтра я отвезу тебя к моей матери, а потом отправлюсь к побратиму отца, кераитскому Ван-хану Тоорилу. Начинать надо с малого. Я подарю ему соболью шубу, и анда Есугея не откажет в просьбе о помощи его сыну. Он даст мне нукеров, я убью Таргитай-Кирилтуха и верну наш улус!

За дверью слышится шаги, в замке скрежещет ключ. Ну, слава богу, хоть какое-то разнообразие! Сейчас посмотрим, кого там принесло по мою душу...

Дверь распаивается. На пороге стоит замполит Сухов с табуреткой в руках.

– Ну что, арестантская твоя физиономия, сидишь за решеткой в темнице сырой? – весело задает он риторический, в общем-то, вопрос.

Отвечаю, стараясь подладиться под его тон:

– Нету здесь решеток, товарищ капитан.

– Конечно. Потому что это не тюрьма, Артем, – посерьезнев, соглашается он, заходит, прикрывает дверь, ставит табуретку посреди камеры, садится, расстегивает китель.

– Все спят. Караулы проверены. Дежурный по штабу слушает «Голос Америки» и думает, что никто этого не знает, – усмехаясь, говорит Сухов. – А мне вот не спится. Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что мой солдат ударил своего командира, вышестоящее начальство. Что это значит?

– Что?

– Это значит, что я плохо работаю. Это моя вина и мое упущение. Упустил я тебя, Артем Новиков.

Я хмыкаю. Пьяный он, что ли? На фига мне эти откровения? На фига мне лекции о моем моральном облике и поведении? Сделанного, все одно, не исправить. А «посыпание головы пеплумом», как любил выражаться Витек Галимов, не поможет ни мне, ни замполиту.

Или он перед собой оправдывается?

– Я ни перед кем не собираюсь оправдываться, – словно подслушав мои мысли, говорит Сухов. – Просто обидно. Чисто человечески обидно. Я же вижу, знаю – ты нормальный парень! Я, в отличие от Пепеляева, твое личное дело читал внимательно. И именно я постарался сделать так, чтобы больше никто им не заинтересовался. Ты знаешь, что у тебя там стоит пометка о неблагонадежности?

– Догадываюсь...

– А ты знаешь, что с такой пометкой в десантные войска – элиту наших вооруженных сил – ты попасть не мог? Стройбат по тебе плакал, Новиков! Я понимаю, догадываюсь – тут не обошлось без твоих спортивных наставников, ведь так?

– Так, – я отвечаю односложно и все пытаюсь понять – к чему весь этот разговор?

– А теперь представь, что кто-то из особого отдела – да даже просто из наших дуболомов – захочет отличиться, раскрыть, так сказать, заговор о внедрении агента в ряды доблестных советских десантников. Смекаешь, какой клубок может размотаться?

– Ну...

– Рельсы гну! Что ты мычишь, как недоенная корова! Тебе, дураку, молчать надо было в тряпочку, сопеть в две дырки и ждать, когда в часть поедешь. А уж там, поверь, твоя справочка сработала бы, и спортивные достижения оценили бы на все сто. Поторопился ты, понимаешь? Это раз. К Пепеляеву пошел зря. Это два. Ну, а уж то, что ты выкинул в казарме – вообще ни в какие ворота. Это три. Три, Новиков! Три фатальные ошибки. Так нельзя. Ну, ты же умный парень, в университете учился...

Мне надоело, и я довольно бесцеремонно перебиваю замполита:

– Да ладно, исправить-то ничего все равно нельзя.

– Нельзя, говоришь? – хитровански выгибает бровь Сухов и чуть понизив голос, доверительно спрашивает:

– Ты что-нибудь про Афганистан знаешь?

Я пожимаю плечами.

– Знаю... То же, что и все. Южная страна. Горы там. Пустыни, наверное. Недавно туда введен ограниченный контингент наших войск...

– Это твой шанс, Новиков, – непонятно говорит замполит и выжидающе смотрит на меня.

– Какой шанс?

– Грачев имел долгий разговор с Пепеляевым. Открою тебе страшную тайну: отец капитана – старый, заслуженный генерал с большущими звездами. Как ты догадываешься, особой любви к Пепеляеву никто не питает, тем паче что дуб он редкостный. Грачев убедил его, что огласка этого ЧП может сильно расстроить папу и Пепеляев согласился замять дело. Плохо, конечно, что имеются свидетели, но с ними уже работают...

– Кто?

– Не перебивай! Какая тебе разница? Идем дальше: сейчас ты вместе со мной шагаешь в канцелярию, берешь лист бумаги и пишешь большое покаянное... нет, не письмо, а заявление. Рапорт! Покаянный рапорт на имя майора Грачева. Текст такой: «я, такой-то такой-то, совершил в жизни несколько ошибок, оступился, тары-бары, и вот сейчас, когда наша героическая Советская армия с честью выполняет свой интернациональный долг в далеком Афганистане, я понимаю, что не могу оставаться в стороне и прошу, тыры-пыры, отправить меня на передовые позиции борьбы с международным империализмом. Клянусь искупить свои прошлые проступки и стать достойным гражданином Союза Советских Социалистических Республик». О случае с Пепеляевым – ни полслова. Ты все понял?

– Так точно, понял, товарищ капитан.

Я действительно ВСЕ понял. Дело замнут. Неудобного солдата, то есть меня, уберут с глаз долой, аж за границу. Губы и дисбата не будет. Будет другая страна, загадочный Афганистан, где народ недавно сверг капиталистов и пытается построить нормальную, человеческую жизнь. Американцы этому всячески противятся, засылают наемников, готовят в лагерях на территории соседнего Пакистана банды террористов.

Конь снова уводит меня все дальше от дома. Афганистан! Настоящее дело! И я повторяю, глядя Сухову прямо в глаза:

– Я все очень хорошо понял, товарищ капитан...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

За речкой

Термез, город на самой афганской границе, я вижу только из иллюминатора самолета. Город как город, небольшой, компактный, охваченный с трех сторон серой петлей реки Амударьи. Через нее строится мост, со временем здесь будут главные южные ворота Союза. Про это мне рассказывает старший лейтенант, отвечающий за груз в самолете и заодно выполняющий обязанности моего сопровождающего.

Он неплохой, но очень нудный. После вылета из Пскова наш Ил-76 четыре раза садился в разных городах, чтобы принять на борт какие-то ящики, контейнеры, катушки кабеля и боксы с приборами. За сохранность всего этого добра, назначение которого строго секретное, отвечает старлей. Груз ответственности давит на него, как могильная плита. Он боится уснуть, поэтому пьет крепчайших кофе из термоса и все время говорит, а поскольку кроме меня в огромном самолете никого нет, говорит со мной.

Честно говоря, он меня утомил. Я выдаю это прямым текстом, но старлей настолько одурел от бессонницы, что пропускает мои неуставные слова мимо ушей. Ладно, я потерплю. Через полчаса мы сядем в аэропорту Термеза, и дорожки наши разойдутся. Старшего лейтенанта ожидает сдача груза и сутки сна, а меня – пересыльный пункт. И неизвестно, сколько времени я там проторчу.

Ил-76 благополучно садится, экипаж покидает самолет первым, так положено. Мы со старлеем идем за ними. Теплый воздух пахнет керосином. Вечереет, в небе, как огни иллюми-

нации, зажигаются звезды. «ГАЗ-66» везет меня за город, на «пересылку». На контрольно-пропускном пункте тамошний начальник, уса́тый и бровастый капитан, краем глаза заглянув в мое дело, усмехается:

– А, еще один заречник. Ну, добре. Завтра борт в Кабул пойдет. Улетишь на нем.

Пересыльный пункт огромен. Двухэтажное здание офицерского корпуса, административный корпус – и бараки, множество барачков, обнесенных забором с колючей проволокой. Между ними мелькают фигуры солдат и офицеров. На вышках маются часовые.

– Переночуешь в офицерской. Сейчас народу полно, мотострелковая дивизия на переброске, – прощая меня, говорит капитан. – Шукать тебя в бараках дурных нема. Найдешь двухгодичника в третьем номере. Умный мужик, переводчик. Побалакайте с ним, а то нервничает он сильно. В девять-ноль-ноль будь готов як пионер, понял?

– Так точно.

Дежурный сержант на первом этаже скептически оглядывает мою зимнюю форму одежды.

– Откуда прибыл, воин?

– Псков.

– И как там?

– Зима.

– Снег... – мечтательно произносит он. – Я полтора года снега не видел.

Иду по коридору, отдаю честь встречным офицерам. Никому нет до меня дела. Дверь комнаты с номером три открыта. Заглядываю туда. На кровати сидит человек в форменных брюках, натальной рубашке и что-то пишет в общую тетрадь. У него наголо бритая голова и белое лицо, усыпанное веснушками. Услышав шаги, он поднимает на меня глаза.

– А-а, и здесь достали...

– Здравия желаю, товарищ... Рядовой Новиков...

Я замолкаю, потому что узнаю его. Это профессор Нефедов. Без бороды, без волос на голове он выглядит совсем молодым.

– Хочешь сказать, что это случайность? – усмехается Нефедов, откладывая тетрадь. – Все-таки плохо вы работаете. Могли бы кого-нибудь другого послать. КГБ, мать вашу...

Спрашиваю:

– А почему вы думаете, что КГБ вас преследует?

Профессор молчит. Прохожу в комнату, кидаю на пол веще-шок, сажусь на стул и начинаю расстегивать шинель. Нефедов пьян. Об уставных церемониях можно забыть.

– Вино будешь? – спрашивает он, и, не дожидаясь ответа, достает из-под кровати захватанный стакан и порожнюю бутылку. На этикетке написано «Узбекистон виноси. Чашма. Портвейн белый».

Портвейн оказывается достаточно неплохим. Я залпом выпиваю стакан, закурываю. Нефедов разглядывает меня, потом печально говорит:

– То есть ты все-таки не комитетчик?

– Риторический вопрос, товарищ профессор, – я выпускаю в потолок струю дыма.

– Допустим. Но как ты тут оказался?

– А вы?

– Меня, представь, мобилизовали или как там у них это называется. Я же восточник, востоковед. Знаю, стало быть, языки. Пушту, дари, хинди, английский... В общем, лечу в Кабул переводчиком.

– А я – пулеметчиком. Или автоматчиком.

Мы смеемся.

– Зачем вы побрились?

– Удобно, практично. Вши не заведутся. Николай Степанович Гумилев, когда отправлялся в свои абиссинские вояжи, всегда брился наголо.

– Вы говорили...

– Слушай, хватит выкать! – перебивает он. – Мы теперь с тобой в одном солдатском дерьме... ярме... Тьфу ты, совсем я того... Короче, давай на ты!

– Ну, ты-то, положим, не солдат, – я киваю на висящий на спинке стула офицерский китель с капитанскими погонами.

– А, пустое. Фикция, формализм. Запомни, как тебя звать-то?

– Степан, – памятью первую встречу, говорю я.

– Ага... Артем, – подмигивает мне Нефедов, – Так вот, запомни, Артем: нашу страну погубит формализм. Он везде, решительно – и в бытовой жизни, и в политике, и на производстве, и в науке. Мне по хрену, кагэбэшник ты или просто дурак. Я пьяный сейчас и буду говорить то, что думаю. А думаю я так: все прогнило. Нет, со стороны, конечно, Союз выглядит нерушимо, как кремлевские башни. Он в зените своего могущества. В рабочем полдне. Но вечер, я тебя уверяю, наступит очень скоро. Первый звоночек – вот он. Афганистан. Вторжение в эту страну – гигантская, фатальная ошибка.

– Почему? – удивляюсь я. – И разве мы вторгаемся? Оказываем помощь, выполняем интернациональный долг...

Нефедов хохочет, повизгивая и ударяя себя ладонью по колену. Отсмеявшись, он достает из-под кровати еще одну бутылку «Чашмы», зубами ловко скусывает пластмассовую крышку, наливает в стакан и протягивает мне:

– Ну, давай за интернационализм!

Я вливаю в себя портвейн, он пригубливает из горлышка, утирает рот и говорит:

– Забудь! Забудь весь бред, что слышал до этого и слушай: всякая империя – а Советский Союз именно империя – живет и процветает до тех пор, пока она способна на экспансию. Расширение жизненного пространства – главное условие выживания империй. Первые тревожные звоночки начались десять лет назад. Все эти разговоры о разрядке, о сокращении коли-

чества наступательных вооружений – это признаки слабости, охватившей наше руководство. Ты спрашивал, почему я попал на карандаш к комитетчикам? Вот именно потому, что дотумкал до этой простой мысли. Не может самая милитаристская в мире держава иметь пацифистскую идеологию. Это логический нонсенс. Кстати, мировая история не раз подтверждала: оружие должно стрелять, армия обязана воевать. Иначе – все, стагнация и мумификация.

– Но, мы же воюем, – вспомнив о Маратыче и его послужном списке, возражаю я профессору.

– Да, еле-еле, с массой ограничений, но наша экспансия продолжается. «И вновь продолжается бой», как поется в песне. Однако война войне – рознь. То, что срабатывало в Эфиопии и Лаосе, не сработает в Афганистане. Эх, кубинцев бы сюда... Помяни мое слово – через десять лет, когда мы загнемся, Куба плюнет на могилу Союза, который предаст ее, и продолжит жить. Потому что там свято чтут завет Хосе Марти: «Родина – это алтарь, а не пьедестал!». Ты наш разговор про пассионариев помнишь?

– Ну да...

– Кубинцы пассионарнее нас, вот в чем дело. Они готовы положить жизни за дело, которому служат. Лет тридцать назад у нас было так же.

– Теперь – нет?

– Нет. Мы превратились в народ, мечтающий о колбасе. Молодежь глядит через забор в окна дома соседа, то бишь на Запад, и свято убеждена – вот там настоящая жизнь, вот там достаток и вообще земной рай! Запомни, Артем: так хорошо, как сейчас, в России не жили никогда. Я имею в виду основную массу населения. У нас нет голодных, нет нищих, нет беспризорных детей. Такого в истории Отечества еще не было. А о социальных достижениях, которыми мы сейчас пользуемся, даже не замечая их, спустя десятилетия, когда Союза не станет, начнут слагать легенды.

– А причем тут Афганистан?

– Только государство, в котором высок градус пассионарности, сумеет ввязаться в военную авантюру против этой страны и достойно выйти из нее.

– Почему авантюру?

– Потому что победить афганцев можно, лишь полностью истребив их. В Афганистане живет множество этносов – пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, аймаки, туркмены, белуджи и так далее. У этих народностей сложные и не всегда мирные взаимоотношения между собой, но в случае внешнего вторжения они вынужденно объединяются против захватчиков. Не зря во всех энциклопедиях и справочниках можно встретить фразу: «территория Афганистана вошла в состав государства...» А дальше следует перечень: Селевкидов, эфталитов, Сасанидов, Саманидов, газневидов, Гуридов, Тимуридов... Где все династии, империи, царства? А Афганистан существует и поныне! Со времен Персидской империи никто не сумел покорить эту страну. Ахемениды постоянно совершали военные походы в Афганистан, но окончательно подчинить его своей воле не смогли. Не сумел сделать это и Александр Македонский. Чингисхан прошел по стране, громя города и крепости, но Афганистан так и остался вечно бунтующим краем, где постоянно возникали антимонгольские восстания. Англичане, собаку съевшие на ведении колониальных войн, вторглись в Афганистан – и что? В итоге они де факто проиграли «Большую игру», все эти «турниры теней», и в 1919 году признали независимость афганского государства. Думаю, тебе интересно, почему все так сложилось?

– Да как тебе сказать... – я качаю пустым стаканом, на дне которого перекачивается капля вина. – Я бы с большим удовольствием узнал, где тут туалет.

– Потерпишь, – бесцеремонно заявляет Нефедов. – Сиди и слушай, а то больше не налью. Это связано с ментальностью народов, населяющих эту страну, и с их кормящим ландшаф-

том. Понимаешь, жителям какой-нибудь Италии в сущности все равно, кто ими правит. Их кормящий ландшафт способен обеспечить огромное количество людей, предоставить им возможности для демографического роста и прочие блага. Сходная ситуация, в общем-то, во всем Европейском Средиземноморье. Именно поэтому и Испания, и южные регионы Франции бесчисленное количество раз переходили из рук в руки, меняли правителей и государственное устройства. В Афганистане же все жестче. Страна изобилует труднодоступными районами. Даже название ее происходит от редуцированного тюркского «ауган», что переводится как «беглец», «скрывающийся». В афганские горы уходили целыми племенами. Люди жили на скудной земле, которая не могла прокормить захватчиков, и за эту свою землю они всегда сражались насмерть.

– То есть, чтобы победить афганцев, их всех надо убить?

– Я тебе уже это говорил. Да! – торжество выкрикнул Нефедов. – Тысячу раз да! Пусть это не гуманно, пусть это реакционная точка зрения, но вторгаясь в Афганистан, любая армия должна быть готова к самым варварским методам ведения боевых действий. Вплоть до геноцида. Афганцы должны бояться захватчиков.

– Ну, мы же не фашисты... – неуверенно начинаю я.

– Вот поэтому я и называю наше вторжение авантюрой... – Нефедов решительно допивает портвейн, падает лицом вниз на кровать и через несколько секунд я слышу его храп.

Выключаю в комнате свет, сажусь к столу. За окном – южная ночь, прожектора на КПП расчерчивают темноту на узкие треугольники. Снимаю с шеи фигурку, кладу ее на стол и долго, бездумно смотрю на нее...

Утром мы с похмельным Нефедовым покидаем пересыльный пункт. Профессор непривычно молчалив. За все время полета до Кабула он едва ли произнес с десяток слов. На

взлетно-посадочной полосе афганского аэропорта он протягивает мне руку:

– Прощай, Артем! Желаю тебе выжить. Бог даст – еще свидимся.

Я жму вялую ладонь профессора и мы расстаемся. Меня ждет дорога на Бамиан, пыльный кузов тентованного грузовика – и полная неизвестность впереди.

По пути я наблюдаю огромное количество армейской техники. Трасса просто запружена ею. БТРы, БМП, бензовозы, танки на трейлерах, «технички», краны, инженерные машины, командирские «Уазики» – все это движется в клубах пыли, ревет двигателями, подавляя своей мощью. На обочинах дороги стоят молчаливые афганцы – бедно одетые смуглые люди, словно бы попавшие в наше время из средневековья. Возле городка Чарикар десяток полуголых мальчишек начинают кидаться во впередиидущую машину камнями. Колонна останавливается, сопровождающий офицер вылезает на подножку и стреляет из пистолета в воздух. Мальчишки со смехом бегут прочь от дороги.

Из всего увиденного делаю простой вывод: нас здесь не боятся. Нефедов, наверное, все же прав, хотя его правота выглядит пугающей. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения. Я просто буду делать то, что прикажут. Я – винтик, крохотный винтик в огромной советской военной машине. Мнение винтиков никто никогда не спрашивает.

Вскоре по сторонам от дороги встают горы. Настоящие, исполинские громады со снеговыми вершинами. Это Гиндукуш, один из великих азиатских хребтов. Бамиан, в который мы едем, с древних времен контролировал единственную торную дорогу через горы. Еще я знаю, что где-то рядом с этим городом есть огромные статуи Будд, вырубленные в скалах.

В Бамиане, пыльном, коричневом каком-то городишке, больше похожем на большую деревню, полно наших войск. Там же я

впервые вижу афганские подразделения, которым мы должны помогать бороться с бандитами и наемниками. Афганская форма немного светлее нашей, вооружение такое же. Их солдаты – сплошь взрослые, усаые мужики, напоминающие торговцев с рынка. Они много смеются, жестикулируют и передвигаются не строем, а просто толпой, как футбольные болельщики. Я не знаю, какие они вояки, но судя по первому впечатлению – никакие.

В комендатуре Бамиана меня первым делом отправляют на склад и переодевают в форму Южной группы войск. Больше всего меня поражает панама – матерчатая шляпа защитного цвета. Наверное, в здешних условиях это актуально, но выгляжу я в ней по-дурачки. Переодевшись, возвращаюсь в кабинет коменданта. Там ждет майор-десантник. Он чуть ли не за шкирку выволакивает меня во дворик и толкает в кабину обычного «ЗиЛа» с будкой.

– Гаврилюк! На точке сдашь Киверову лично в руки! Это теперь его головная боль...

Гаврилюк – это прапорщик, старший машины. Он спокойно кивает майору.

– Сделаем.

Машина выезжает из ворот и вскоре Бамиан остается позади. Водитель на ходу снимает хебешку – жарко – закуривает. Прапор на такие вопиющие нарушения не обращает никакого внимания.

– Товарищ прапорщик, а что за точка?

– Увидишь, – он закрывает глаза и мгновенно отключается, засыпает.

Точка находится в двух десятках километров от города. Здесь всюду горы. Дорога, по которой мы ехали, уходит куда-то прямо в них, в мешанину скал, гребней и каменных осыпей. На плече небольшой горушки, окруженной холмами, вижу палатки. Дорога огибает горушку по кругу. На дороге устроен шлагбаум,

по сторонам сложены из камней огневые точки. Вижу солдат в касках – караул. Все, приехали.

«Зил», надсадно ревя движком, забирается по склону к лагерью и устало шипит пневматикой тормозов. Прапор ведет меня между ящиками, останавливается у крайней палатки, просовывает голову внутрь, потом машет мне рукой – иди, мол, сюда. Я подхватываю вещмешок. Очень жарко. Хочется пить.

– Майор там, – прапор показывает куда-то за скопище камней. – Его фамилия Киверов, зовут Владимиром Игнатьевичем. Иди, представляйся. Скажешь: документы твои я положил ему на стол.

Обходя каменные глыбы, я выбираюсь на открытое пространство и вижу крепкого мужика в выцветшей полевой форме. Стоя ко мне спиной, он что-то разглядывает в бинокль. Подхожу, кидаю руку к панаме.

– Товарищ майор! Рядовой Новиков прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Майор медленно поворачивается. У него обвисшее, бабье лицо, все в складках. Глаза прячутся под тяжелыми веками. Над загорелым лбом – ежик седых волос.

– Это хорошо, что прибыл, – тихо говорит он, опуская бинокль. – Как дорога?

– Все нормально.

– Сколько служишь?

– Призыв «осень – семьдесят девять».

– Ага, – говорит майор, и его веки чуть приподнимаются. – Они там что, охренели? Ну, кой ляд ты мне такой... юный нужен?

Я выразительно пожимаю плечами. Что тут скажешь?

– Залетчик? – все так же тихо спрашивает он.

– Так точно, – я стараюсь сохранить спокойствие, хотя понимаю – начинается самое главное в этой армейской процедуре, именуемой «представление». Сейчас майор начнет пытаться меня на предмет фактов биографии. От того, что он услышит,

зависит его будущее отношение ко мне. Можно попробовать схитрить – мол, я не я и лошадь не моя. Закосить под дурачка. Но майор не похож на человека, с которым пройдет такой номер. И я выбираю другой путь.

– Где служил? – продолжает спрашивать майор.

– В отдельном учебном полку... – я называю номер нашей части.

– У папы Грача? Но «макарона» тебе не дали, – уже не спрашивает, а констатирует он. – Что за залет?

Я набираю полную грудь пыльного афганского воздуха и, глядя поверх седого ежика, ровным голосом произношу:

– Я ударил офицера.

– Оба-на! – если до этого глаза майора были будто припорошены пеплом, то после этих моих слов они вспыхивают, как угли в костре. – Ну-ка, ну-ка, солдат, пойдем со мной...

Он приводит меня в штабную палатку. Дежурный у входа поправляет автомат, отдает честь. Внутри царит полумрак. Молодой лейтенант сидит возле рации, крутит настройку. Увидев майора, он поднимается, но мой провожатый жестом усаживает его обратно.

– Чего там, Коля?

– Тихо пока.

– Добро.

Майор ведет меня в закуток, отгороженный брезентовым полотнищем. Видимо, это его кабинет. Здесь стоит раскладной столик и ящики из-под консервов вместо стульев. Я замечаю сейф и шкаф, обычный деревянный шкаф, какие можно увидеть в библиотеке или домоуправлении. «На вертолеты его сюда везли, что ли?», – удивляюсь я. Эта мысль на мгновение отвлекает меня от тяжелых раздумий о моем ближайшем будущем. Надо же, оказывается, я еще могу чему-то удивляться!

– Присаживайся, – майор толкает меня на консервный ящик.

– В ногах правды нет. В руках тоже.

Он берет папку с моим личным делом, задумчиво разглядывает обложку. Я чувствую, как по моей спине бежит струйка пота. Солнце за день раскалило брезент и в палатке очень жарко.

– Ну, рассказывай, – говорит майор.

– Чего?

– Ты же так хорошо начал – четко, ясно, – он двигает кожей на лице, изображая досаду. – Вот и продолжай без переспросов, в том же духе. Кого ударил?

– Капитана Пепеляева.

– Кого?! – вскидывается майор и глаза его снова вспыхивают.
– За что?

– Там же все написано, – я показываю рукой на папку.

Майор открывает ее, но вместо того, чтобы читать, отрицательно качает головой и кладет на стол. Припечатав мое личное дело ладонью, он произносит:

– А ты своими словами. Так за что ты его ударил? За дело?

Я опускаю голову, разглядываю носки своих запыленных сапог и киваю:

– Да.

– Потому что он подлец?

С удивлением смотрю на майора. «Подлец» – книжное, правильно, но совершенно не вяжущееся с ним и вообще со всем, что меня окружает, слово.

Майор улыбается. Улыбка у моего будущего командира странная, похожая на оскал. Щеки сдвигаются куда-то к ушам, но верхняя часть лица остается неподвижной.

– Товарищ майор, я виноват в нарушении устава, но капитан Пепеляев...

– Тоже нарушил его, – заканчивает за меня майор. – Ладно, все ясно. Твое счастье, парень, что я хорошо знаю Славку Пепеляева – служили вместе. Он регулярно получает по роже. Карма у него такая. Знаешь, что такое карма?

– Так точно.

Поморщившись, майор отодвигает папку и опирается подбородком на кулаки.

– Давай без армейщины. Успеем еще. Кем был на гражданке?

– Учился в университете.

– На кого?

– На журналиста.

– Почему не доучился?

– Ну, это...

– Решил насладиться армейскими ароматами? Жизни понюхать?

Про себя я отмечаю, что майор по ходу нашей беседы изменился. Он уже не цедит слова, да и их запас стал более разнообразным.

– Нет... Меня... меня отчислили.

– Оба-на! – второй раз восклицает майор. – Да ты, я гляжу, и на гражданке залетчик?

Я мрачно киваю.

– Ладно, это мы поглядим... – непонятно бормочет он. – Последний вопрос: чего делать умеешь? Стрелял когда-нибудь?

– Стрелял.

– В тире возле цирка?

– Я мастер спорта по пулевой стрельбе, кандидат в Олимпийскую сборную Советского Союза! – мой голос звенит в неподвижном воздухе.

Майор молчит и смотрит на меня уже с нескрываемым интересом. Повисает тяжелая пауза. Наконец он роняет:

– Хочешь сказать, что вот сюда, вот в эту нашу задницу, прислали одного из лучших спортивных стрелков в стране? Ты, рядовой Новиков, или звездишь, как Троцкий, или ты не просто залетчик, а преступник, скрывающийся от правосудия.

Я вздрагиваю. «Правосудие» – тоже правильное слово. Жара, жажда, усталость – у меня в голове вдруг вспыхивает малень-

кое солнце, такое же злое и горячее, как то, что висит в небе над раскаленным брезентом.

– Да! – ору я, схватившись руками за край стола. – Я преступник! Меня из комсомола исключили! За фарцовку! А из универа выгнали за драку в ресторане! Что вы вертите меня тут, как... как куклу?! Сказал же – в деле все написано!

– А мне, может, хочется услышать все из первых, так сказать, уст, – майор спокоен, как танк. – Нам ведь не просто вместе служить, нам под пулями тут ходить придется. Ты понимаешь это, солдат?

И сразу же, без перехода, задает еще один вопрос:

– Ты плетку в руках держал?

– Что? Какую еще плетку?

– Снайперскую винтовку Драгунова, – он просовывает руку за шкаф и достает продолговатый предмет в зеленом матерчатом чехле. – На. Вещмешок оставь. Пошли со мной.

Мы покидаем «кабинет». Лейтенант у ради и дежурный с автоматом провожают меня удивленными взглядами. «Они – слышали, – понимаю я. – Ну и плевать! Все равно все все узнают».

На улице я зажмуриваюсь от нестерпимо яркого света, льющегося с белесого неба. Тяжелая «плетка» оттягивает плечо. Майор ведет меня к скалам. У огромной красноватой глыбы он останавливается.

– Расчехляй.

Я отстегиваю клапан и вытаскиваю винтовку. Длинный вороненый ствол с пламегасителем, чудной приклад, короткий магазин. Оптический прицел снабжен резиновой гармошкой наглазника. Держа оружие стволом вверх, рассматриваю его.

– Итак: снайперская винтовка Драгунова или СВД, – почти не шевеля губами, говорит майор. – Калибр – семь шестьдесят два. Конструктор – Драгунов, бывший спортсмен-стрелок. Винтовка была принята на вооружение после конкурсных испыта-

ний в шестьдесят третьем году. Наиболее эффективен огонь на расстоянии 800 метров. Прицельная дальность с оптическим прицелом 1300 метров, с открытым прицелом — 1200 метров. Емкость магазина — десять патронов, вес — четыре с лишним килограмма. Смотри сюда...

Майор тычет пальцем в затвор.

— Вот это предохранитель флажкового типа, как у Калашникова. Все очень просто: вставляешь магазин, опускаешь предохранитель, дергаешь затвор — винтовка готова к стрельбе. Для производства очередного выстрела необходимо отпустить спусковой крючок и нажать на него снова. Прицельные приспособления открытого типа. Состоят из мушки в намушнике и секторного прицела. Ну, и оптический прицел ПСО-1. Видел такой?

— Так точно.

— Как стрелять на дальние дистанции, знаешь?

Я мысленно благодарю Маратыча, который в свободное время рассказывал нам об основах снайперской стрельбы, и киваю.

— Хорошо. Теперь смотри туда... — майор вытягивает руку по направлению к вершине горы. — Вон там, справа, торчит утес, похожий на пирамиду... На нем, ближе к вершинке, нарисован белой краской круг. Его диаметр — тридцать сантиметров. Давай!

Я смотрю на утес, прикидываю расстояние. Больше пятисот метров! Отсоединив магазин, передергиваю затвор винтовки и несколько раз нажимаю на спусковой крючок. Туговат. Краем глаза замечаю, что майор наблюдает за мной. Ну и хрен с ним, пусть наблюдает. Тридцать сантиметров — это вам не десять и четыре десятых миллиметра.

Выстрел! Пуля выбивает каменную крошку точно в центре круга.

Второй! На этот раз попадание — на несколько сантиметров ниже.

Третий! Еще чуть ниже.

Четвертый! Пятый!

Я, закончив с вертикалью, перехожу к горизонтальной линии. Обойма заканчивается. На белом кружке отчетливо темнее пунктирный крест, нарисованный мною с помощью пуль.

– Добро, – майор опускает бинокль, улыбается. – Подойдешь к Гаврилюку, ну, это прапор, с которым ты приехал – он покажет тебе, как обслуживать винтовку.

– Есть!

На прощание майор сообщает мне:

– Завтра приедет особист, капитан Маклаков. Имей в виду – с ним у тебя будут проблемы.

И заметив мое помрачневшее лицо, ободряюще хлопает по плечу:

– Не бойсь, солдат, прорвемся!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Золотой дух»

Лейтенант, обладатель литературной фамилии Чехов, командир взвода, в котором мне предстоит служить, представляет меня остальным солдатам и уходит. Меня окружают, начинается обычный армейский ритуал – как обнюхивание у собак.

– Откуда, земля?

– Из Казани.

По разочарованным лицам понимаю – моих земляков тут нет.

– Сколько служишь?

Это обязательный вопрос. От него зависит, какое место в иерархии взвода я займу. Со вздохом повторяю то, что говорил майору:

– Призыв – «осень – семьдесят девять».

– Ты-ы, душара! – удивленно восклицают сразу несколько голосов. – Молодой!

Разбитной парняга в расстегнутой до пупа хэбэшке подходит ближе, таращит круглые глаза и весело улыбается.

– Слышь, молодой, возьми ведро и сбегай к бээмдэ, компресии набери. Время пошло!

Я отвечаю ему понимающей полуулыбкой – мол, плавали, знаем эти приколы. На самом деле мне не до смеха. Мне хорошо знаком вот такой тип людей. Туповатый, ограниченный, он может стать верным товарищем, но для этого нужно как минимум хорошенько набить ему морду. К сожалению, такие парни бывают и настоящими садистами, способными ради смеха вешать кошек или издеваться над слабыми. Плохо, если на точке

этот пацан в авторитете. Судя по манере себя вести, он явно из старослужащих.

– Не, ты че, не врубился?! – улыбка мгновенно гаснет на лице парняги. Он уже понял – шутка не получилось, но отступать такие люди не умеют. Короткопалые руки с черными полосками под ногтями тянуться ко мне, круглые глаза сужаются.

«Ногой – по яйцам, а когда загнетса, снизу правой в зубы», – обмирая, думаю я.

– Бляха, отвали от него! – резкий окрик заставляет весельчака остановиться. – Ты! Сюда иди...

Из полумрака палатки выдвигается человек-глыба. Можно было бы сказать – человек-гора, но это именно глыба. Двухметровая глыба мускулов. Скуластое русское лицо, наголо бритая голова. И очень яркие, цвета весеннего неба, голубые глаза. Говорит он сквозь зубы, словно уже приготовился к драке. Собственно, такой типаж мне тоже знаком. В десантуре таких вот глыб полно. Достаточно вспомнить того же сержанта Машакова. Как правило, они очень скоро становятся сержантами, старшинами, заместителями командиров взводов. Это идеальные солдаты. Человеческого в них мало. Но в армии так даже лучше. По крайней мере, всегда знаешь, с кем имеешь дело.

Человек-глыба в упор смотрит на меня. Резкий в движениях, скорый на расправу, бескомпромиссный и суровый, не умный, но справедливый, он сейчас силится понять – что за фрукт перед ним?

– Слушай сюда, – наконец цедит он. – Я – сержант Пономарев. Я родился в Рязани, мой дом стоит рядом с Рязанским Воздушно-десантным училищем. Понял?

– Так точно, – на всякий случай говорю я. Вокруг стоит благоговейная тишина.

– Ты прибыл в мой взвод. Без моего разрешения здесь даже посрать не ходят, понял?

- Так точно.
- Уставщины у нас нет, понял? Молодежь уважает стариков, понял? Уяснил?
- Да.
- Молодчик... – сержант быстро и сильно бьет меня кулаком в грудь. Удара я не ожидаю и поэтому задыхаюсь, кривясь от боли.
- Слабак, – разочарованно констатирует Пономарев. – Твоя койка вон та, у входа. Свободен!

Служба на точке – не сахар и не мед. Здесь все двигаются, очень экономно расходуя силы. Каждое лишнее движение чревато тем, что тело исторгнет через поры ту воду, что ты выпил накануне. Вода – главная драгоценность на точке. Ее привозят из гарнизона. Еще в цене курево и бумага для писем.

Наша точка контролирует дорогу, соединяющую несколько горных кишлаков с Бамианской долиной. По ней изредка проходят караваны. Еще, говорят, ходят контрабандисты. Главная задача майора Киверова – не допустить провоза оружия и передвижения бандитов, которых здесь называют душманами или по простому – духами. Изначально на точке высадился целый десантный батальон, но когда выяснилось, что стратегического значения это медвежий угол не имеет, командование оставило здесь один взвод.

Вечерами в палатке старослужащими ведутся бесконечные разговоры о ротации, скором дембеле и вообще об Афганистане. Ефрейтор Бляхин пугает молодых рассказами о зверствах духов и страшных винтовках «Бур», бьющих на семь километров и прошивающих насквозь любой бронежилет, каску и даже броню БТРов.

– Они с детства стрелять учатся. С трех лет. Поэтому никогда не промахиваются. В Пенджабе моему земле в голову попали, когда он курил ночью на толчке. Через окошко, на огонек быч-

ка. И все, пацан двухсотым стал. А стреляли, говорят, с горы, которая как раз за семь километров от части.

Мне эти байки слушать смешно. Маратыч, большой знаток оружия, много чего подержавший в руках и много из чего стрелявший, часто собирал нас после тренировок и рассказывал о различных типах стрелкового вооружения, показывал книги, справочники. Был там и этот пресловутый английский «Бур» или винтовка Ли-Энфильда образца аж 1895 года. Что-то типа нашей трехлинейки, только десятизарядная. Англичане использовали такие винтовки во время англо-бурской войны в Африке и там они уступали «маузерам» буров. Собственно, именно после этой войны и появилась модификация Ли-Энфильда, названная «Буром». Калибр 7,71 миллиметра, вес остроконечной пули – 11 граммов. Прицельно стреляет эта винтовка на вполне реальные две тысячи восемьсот ярдов, то бишь 2250 метров. Откуда взялись легенды о семи километрах и дикой пробивной способности – не понятно. Зато мне было понятно другое: вот такие «страшные сказки» подъему боевого духа явно не способствуют.

Вообще за боевой дух отвечает лейтенант Чехов. Он у нас исполняет обязанности замполита. Но его ежедневные короткие политбеседы сводятся к одному простому тезису: «если здесь не было бы нас, были бы американцы». Это четко вбивается в наши стриженные головы. Может быть, Чехов и прав. Но – всего лишь может быть...

Разговор с особистом, как и предупреждал майор, выходит неприятным. Внимательно изучив мое личное дело, этот сухощавый, остроглазый капитан откровенно говорит мне:

– Я не хочу знать, каким образом ты попал сюда. Мое дело – предотвратить возможные эксцессы. Поэтому я постараюсь в самое ближайшее время убрать тебя отсюда.

- Почему, товарищ капитан?
- Потому что тут имеются все условия для совершения тягчайшего воинского преступления, – спокойно отвечает Маклаков.
- Какого?
- Ты дурак или прикидываешься? Измена Родине, солдат! Да с такими подвигами на гражданке и в учебке тебя даже в тюрьму возьмут только по протекции.
- Во мне все вскипает от обиды, но усилием воли я давлю в себе злость и тихо говорю:
- Дайте мне шанс, товарищ капитан. Я докажу...
- Макалков внимательно смотрит мне в глаза.
- Ты оказался на передовом крае борьбы с мировым империализмом! Эту честь надо заслужить, солдат. В общем, не дай бог хоть один залет... Тут же, слышишь, тут же вернешься в Союз и отправишься в дисбат. Я приложу все усилия.
- Разрешите идти?
- Валяй. И помню – я за тобой слежу.

Третий день службы на точке круто меняет мою армейскую судьбу. На утреннем построении майор Киверов озвучивает план на день:

– Все свободные от нарядов под руководством прапорщика Гаврилюка занимаются устройством защитных каменных стенок-брустверов со стороны дороги и холмов. Высота стенок – не менее метра, толщина – такая же.

По солдатскому строю прокатывается приглушенный унылый стон. Целый день таскать камни под жарким афганским солнцем – то еще развлечение.

– На работу пойдут все, кроме... – Киверов делает паузу и строй в надежде замирает. – Рядовой Новиков!

Вздрагиваю, но отзываюсь, как положено по уставу:

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Покидаю строй, делаю несколько шагов по направлению к майору, скидываю руку к панаме:

– Товарищ майор...

– После, – морщится он и командует остальным: – На-а ле-е-е-во! Прапорщик, приступайте!

Гаврилюк козыряет и ведет понурых бойцов на склон. Сегодня у них время собирать камни. А у меня, как выясняется, расстреливать мишени.

– Тут три коробки патронов к «веслу» образовалось, неучтенка, – говорит мне Киверов. – Пошли на гору, покажешь класс.

Делать нечего – иду, но безо всякого удовольствия. Это на гражданке каждый стремится устроиться там, где надо поменьше работать. В армии – совсем другое дело. Тут люто ненавидят всех тех, кто тем или иным способом уклоняется от общей для всего подразделения участи. Сказали камни таскать – значит все таскают. Сказали шпалы разгружать – все разгружают. А писари, музыканты, всевозможные штабные и прочие свободные художники потом, вечером, в казарме, почти гарантировано отгребут люлей. Потому что не надо было высываться, когда спрашивали: «Кто умеет писать плакатным пером?». Будь как все – и жить будешь нормально. Будь хуже всех в смысле дисциплины – станешь авторитетом. А если ты выбрал стезю активиста, не обижайся на дружный армейский коллектив, он тебя не примет. Ибо сказано: «кто не с нами — то против нас...». Такая вот диалектика. Поэтому я, нога, за ногу бредя за Киверовым, уныло прошу его:

– Товарищ майор, может, я лучше как все? А вечером постреляем...

– А-атставить! – улыбается он в ответ. – Сбор камней не требует специальных навыков. А тебе практика нужна. Давай на рубеж!

Рубеж – это канавка, продолбленная в каменистой земле. Стрелять предстоит по закрепленным между валунами в нескольких сотнях метров дощатым крышкам от снарядных ящиков. Я не очень-то люблю АКМ – он тяжелый, с приличной отдачей, звук выстрела сильно бьет по ушам, а при стрельбе очередями автомат здорово уводит влево. Но выбора у меня нет. Вставляю рожок и начинаю стрелять одиночными. Киверов в бинокль наблюдает. Я, особо не мудрствуя, вгоняю пули точно в центры нарисованных на зеленом фоне белых кружков.

– Вот ты... умелец! Я думал, вас только из винтовок учат... – отняв бинокль от глаз, крутит головой майор. – А ну, давай короткими!

Перевожу флажок регулятора на автоматическую стрельбу и очередями по три патрона размочаливаю деревянные крышки мишеней в щепки.

– Та-ак, – задумчиво произносит Киверов. – Пожалуй, бруствер подождет. Грех не использовать такой случай. Рядовой Новиков!

– Я!

– Будешь ежедневно проводить практически инструктаж по стрельбе с личным составом. Начнем прямо сейчас. Вопросы?

– Есть инструктаж! – радостно ору я. – Вопросов нет, товарищ майор!

До обеда пацаны под моим чутким руководством осваивают азы нелегкой стрелковой науки. Они, конечно, все прошли через ДОСААФовские и армейские стрельбища, но это так, ширпотреб. Я учу их правильно дышать, правильно держать оружие, правильно брать прицел. Меня самого обучали этому десять с лишним лет, пришло время отдавать долги.

Лейтенант Чехов, послушав меня, притащил планшет и усадил Гришку Зайцев конспектировать – пригодится на будущее. Он прав – в военном училище такое не проходят.

Вечером в палатке сержант Пономарев объявляет всем:
– Новик – «золотой дух». Кто тронет – челюсть сломаю. Бляха, тебя особенно касается.

И поворачивает стриженую голову в мою сторону:
– А ты не борзей особо, понял? Я спецов уважаю. А козлов нет. Усек?

– Усек.

«Золотой дух» – это, конечно, здорово. Я, честно говоря, был уверен, что это такой армейский миф. Якобы, бывают в некоторых частях духи, которым старослужащие запрещают работать и вообще всячески опекают и поддерживают.

То, что меня короновали «золотым духом», в общем-то, понятно. Во-первых, я избавил весь взвод от тяжелой работы, во-вторых, моя наука на самом деле помогает выжить. Она нужна в бою. Все это понимают, даже ефрейтор Бляхин.

Проходит еще пара дней. Они похожи друг на друга и на все предыдущие. Небо, горы, камни, одни и те же рожи вокруг. Дважды приезжала водовозка. Водила рассказал: в Бамиане была стрельба. Гарнизон подняли по тревоге, а оказалась – у местных свадьба.

– Новиков! Завтра пойдешь на боевое, – говорит мне после обеда лейтенант Чехов. – Разведка донесла – большой караван идет.

Боевое дежурство совпадает с неприятным для всех событием – у нас на двое суток забирают первое отделение и один из двух БМД. В Бамианской долине проводится масштабная операция по выявлению душманов. Людей в гарнизоне не хватает и со всех точек и постов в округе понемногу берут бойцов для прочесывания близлежащих кишлаков.

Перед выходом меня инструктирует лично Киверов.

– У тебя второй номер должен быть, – говорит майор. – С рацией. Для связи и контроля ситуации. Но сам видишь – людей нет. Поэтому вот...

И он достает из ящика пистолет. Обычный офицерский Макаров.

– На, возьми.

– Зачем?

– Если со спины подкрадываться начнут, ты со своей бандурой развернуться не успеешь.

Против воли передергиваю плечами. Хреновая вырисовывается перспективка...

Инструктаж продолжается.

– Караван обычно состоит из десятка повозок, ишаков с мешками и людей. Человек тридцать, не меньше. По большей части эти люди идут на базар в Бамиан. Но иногда среди них могут быть басмачи.

– Кто? Почему басмачи? – удивляюсь я.

– А кто они, по-твоему? – в свою очередь спрашивает майор.

– Басмачи после Гражданской войны за кордон целыми кишлаками уходили. Здесь вот они и осели. Тех, кто с красными воевали, конечно, мало уже осталось, но дети у них такие же. Русских они ненавидят.

– Ясно.

– Ни хрена тебе не ясно! Они через точку напрямую идти не рискуют, стараются обойти и вновь присоединяются к каравану уже в долине. Обойти нас можно только слева. Ты сидишь во-он на том холме с «плеткой» и бдишь. Видишь движение – делаешь предупредительный выстрел!

– Почему предупредительный? Они же духи, басмачи, вы сами говорили! На поражение надо стрелять!

Киверов тяжело смотрит на меня.

– Отставить разговоры! Ишь ты, какой боец выискался! А если это мирные афганцы, которые просто боятся идти через шлагбаум? Нас боятся?

– Если мы будем цацкаться тут со всеми... – возмущенно начинаю я, но майор перебивает. Он хватает меня за грудки, трясет.

– Думать забудь! После убийства местных тут все окрестные кишлаки поднимутся, понял?

– Ну, так и вдарить по этим кишлакам авиацией там, артиллерией, – упорствовал я, вспоминая слова Нефедова. – У нас же сила!

Майор тяжело дыша, отпускает меня и смотрит в сторону.

– Может, ты и прав. Но ты – солдат, и будешь выполнять приказы. Стратег, твою мать! Мы – не американцы во Вьетнаме. Предупредительный выстрел – и точка. Иди, готовься.

Лежу между камней, обзираю окрестности. Внизу пацаны досматривают караван. Мычат быки, запряженные в телеги с большими колесами, афганцы кричат, размахивают руками. Наши действуют вежливо и корректно. Наконец шлагбаум поднимается, и пестрая змея каравана начинает движение. Тут я и замечаю за соседним холмом людей, человек пять, с навьюченными ослами в поводу. Прижимаясь к скалам, они торопятся обойти наш лагерь. Подтягиваю «плетку», припадаю глазом к прицелу. Точно, пятеро. Халаты, лица замотаны темными платками. Над плечами торчат стволы. Ловлю «на елочку» первого, высокого, худощавого мужчину в зеленой чалме. Я знаю – зеленая чалма говорит о том, что ее обладатель совершил паломничество в Мекку. Стало быть, это не простой афганец, а важная персона.

Палец елозит по спусковому крючку. Мне очень хочется выстрелить. Никаких угрызений совести я не испытываю. Говорят, убить человек трудно. Наверное, накоротке, глядя ему в глаза – да, трудно. Но сейчас этот афганец в зеленой чалме для меня не человек, а цель. Мишень, которую надо поразить. Враг, наконец. Возможно, он – главарь банды, шейх или вообще американский наемник. Надо стрелять. Победителей не судят.

Выравниваю дыхание и нажимаю на спуск...

Сапог Киверова бьет по стволу винтовки за долю секунды до выстрела. Пуля уходит в скалы, эхо от выстрела отражается от горы и скачет по долине.

– Не попал, – спокойно говорит майор. Он подошел ко мне совершенно бесшумно. Если бы на его месте оказался душман, меня бы уже не было в живых.

– Я и не хотел, – повернувшись на бок, говорю ему.

– Это ты бабушке своей расскажешь, – Киверов сплевывает, подносит к глазам бинокль.

Я и без оптики вижу – пятерка кравшихся вдоль скал афганцев развернулась и, торопя ослов, уходит за холмы. Так или иначе, задачу свою я выполнил.

– В Советской армии победителям, бывает, дают больше, чем побежденным. Запомни это. В семнадцать ноль-ноль тебя сменил Егерденов, – говорит майор и уходит к шлагбауму.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Бремя белого человека

На следующий день наше отделение во главе с прапорщиком Гаврилюком и сержантом Пономаревым отправляется в горный кишлак неподалеку от Бамиана на очередное патрулирование.

Это мое первое близкое знакомство с Афганистаном. Кишлак поражает убожеством строений и быта его обитателей. Глинобитные лачуги, сложенные из камней и той же глины ограды, одетые в лохмотья люди. Действительно – средневековые.

В пыли возятся дети, на разостланных у стен жилищ циновках сидят старики, возле небольшой мечети на некоем подобии площади идет вялая торговля. Нашу боевую машину десанта встречают настороженные взгляды. Кое-кто спешит убраться с глаз долой под защиту бугристых стен.

Пыльная буря налетает неожиданно. Мы не успеваем ничего понять – вдруг начинают дико реветь ослы, собаки с лаем мчатся по улицам, сбивая с ног детей. А потом над плоскими крышами кишлака поднимается оранжево-бурый непроглядный вал. Миг – и он поглощает кишлак. Люди, дома – все тонет в ревущей мгле. На зубах хрустит, глаза режет, точно бритвой. Афганцы кричат, их неясные силуэты мечутся вокруг нас. Кто-то хватается мой автомат за ствол и тянет к себе. Чьи-то цепкие пальцы рвут с груди «лифчик» с магазинами. Я упираюсь ногой в гусеницу БМД, рывком освобождаю оружие и не глядя, бью прикладом того, кто пытается украсть мои патроны. Удар выходит жесткий, под ноги мешком падает тело – то ли женское, то ли мужское, из-за пыли не разобрать.

Грохочет очередь. С трудом различаю прапорщика Гаврилюка на башне БМД. Он стреляет в воздух и жестами показывает – все сюда!

Собираемся на броне. Разговаривать невозможно, ураганный ветер уносит все звуки. Гаврилюк едва ли не на ощупь проверяет личный состав и стучит каблуком по люку механика-водителя, давая сигнал к началу движения. «Коробочка» дергает и едет по улице, давя гусеницами глиняные горшки, опрокинутые прилавки и всякий мусор.

Буря стихает так же внезапно, как и началась. Воздух очищается. Теперь он снова кристально прозрачен. Кишлак остается позади. Я оглядываюсь, вижу под запыленными касками красные, точно после бани, лица. Наверное, у меня такое же. Очень хочется пить. Еще больше хочется промыть глаза.

– А где Пономарев?! – кричит Гаврилюк, разглядывая нас. – Мать твою! Забыли! Эй!

Он снова стучит ногой по люку. БМД останавливается. После короткого совещания прапорщик решает возвращаться – десант своих не бросает.

– Разбиться на пары! – командует Гаврилюк. Он злой, как черт. Струйки пота промывают на его щеках светлые дорожки, и лицо прапорщика кажется полосатым, как у клоуна. – Прочесать окрестные дворы. Если что – патронов не жалеть! Эти суки... А, ладно. Пошли, пошли, бегом!

Мы вламываемся в кишлак, как лоси в подлесок. Прикладами сбиваем замки, плечами вышибаем хлипкие калитки. Перепуганные афганцы жмутся по углам, женщины визжат, дети плачут.

Я оказываюсь в паре с Колькой Анисимовым. Худой, жилистый, он, страшно оскалась, пронзительно орет, перекрывая гвалт обитателей кишлака:

– Сержант! Пономарев! Пономарь!!

Грязные комнаты, какие-то клетушки, сарайчики без окон – мы быстро ворошим тряпье, откидываем крышки ларей, ты-

чем стволами в охапки гниловатой соломы. В одном из дворов на нас набрасывается большая черная собака. Колька без сожаления расстреливает ее в упор. Бьющееся в конвульсиях тело тут же облепляют плачущие дети. Хозяин дома, бородатый, смуглый мужик в халате, заправленном в шаровары, смотрит на нас с ненавистью. Я его понимаю – кому понравится, если к тебе вламываются парни с оружием, убивают пса и тычут под ребра ствол, требуя что-то или кого-то на непонятном языке?

Через час мы собираемся у мечети. Большая часть домов проверена. Сержанта нет. Афганцы попрятались, кишлак обезлюдел. Гаврилюк в бешенстве, отчаянно матерится и грозит-ся скрыть кишлак до основания. И его я тоже хорошо понимаю. Потерять бойца – это трибунал.

По приказу нашего командира мы снова рассыпаемся по улицам. Гаврилюк, я и Анисимов идем в мечеть. Это старое, а может и древнее здание, совсем небольшое – каменный куб, из которого торчит башенка минарета. В мечети – ни души.

– Анисимов – во двор, Новиков – проверь минарет! – командует Гаврилюк и устало садится на какое-то возвышение у круглого окна.

Винтовая каменная лестница очень узкая. Стертые от времени ступени ведут к крохотному балкончику, с которого видно весь кишлак. Голос я слышу, когда спускаюсь вниз. Он идет точно из-под земли, глухой, жуткий, ритмичный. Прислушиваюсь и едва не подпрыгиваю от радости – Пономарев! Но где он и что выкрикивает?

Лаз в подземелье обнаруживается под лестницей. Он закрыт циновкой, поверх которой навалены камни. Раскидав их, я, наконец, разбираю слова Пономарева. Из темного лаза доносится:

*Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –*

«Ни хрена себе! – поражаюсь я. – Это же Киплинг! «Бремя белого человека»! Откуда сержант знает это стихотворение?»

– Эй! – кричу в лаз. – Пономарев! Эй!

В ответ слышу:

*На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.*

– Пономарев! Сержант!! – мне на мгновение кажется, что он сошел с ума, и я, сняв каску, начинаю стучать по ней камнем. На крики и звон металла приходит Гаврилюк.

– Что тут?

– Слушайте, товарищ прапорщик, – я киваю на темную дыру лаза. Пономарев продолжает декламировать:

*Неси это гордое Бремя
Не как надменный король –
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневолю;*

– Поэт, мать его, – крикает вдруг прапорщик. Я вижу – он узнал голос сержанта и повеселел.

– Пономарев! – сунув голову в лаз, опять кричу я. Из подземелья тянет холодом, воздух пропитан зловонием.

– А? – глухо, как из могилы, отзывается сержант.

– Живой, – говорю Гаврилюку.

– Раз стихи читал – ясно, что живой, – соглашается со мной прапорщик. – Чеши к «коробочке», возьми трос. Вытягивать будем.

Спустя минут пятнадцать мы покидаем кишлак. На прощание перемазанный нечистотами Пономарев кидает в лаз гранату.

– Крысы там, – поясняет он, подождав, пока тугая взрывная волна не вышибет из дыры фонтан грязи. – Ненавижу крыс.

Оказывается, что с началом песчаной бури сержанта ударили чем-то тяжелым по голове, и он потерял сознание.

– Очухался, падла, весь в дерьме, – под гогот старослужащих мрачно рассказывает Пономарев. – Они в этот погреб требуху всякую кидают, кишки там, ноги бараньи. Автомата, главное, нету, падла! У-у, найду, кто – глаз на жопу натяну, с-сука!

Раздевшись догола, он выкидывает хэбэшку на обочину дороги и устраивается на корме БМД. «Коробочка» трогается и, вздымая пыль, мчит нас обратно на точку, в лагерь.

Улучив момент, я подсаживаюсь рядом с сержантом и спрашиваю:

– Слышь, Пономарь, а ты откуда стихи эти знаешь?

– Кому Пономарь, а кому и товарищ сержа... – начинает он, оборачиваясь, но видит меня и смягчается. – А, это ты. Стихи я с детства помню. Сосед у нас в коммуналке был, старик, бывший военный врач. Как напьется, всегда их рассказывал. Четкие стихи. Курить есть?

– Точняк, четкие, – соглашаюсь я. – А курить нету. Ни у кого.

– Тьфу ты! – Пономарев сплевывает и, откинувшись на свернутый брезент, закрывает глаза.

Так, в нарядах, караулах, занятиях по стрельбе, проходит две недели. В воскресенье я получаю от матери письмо. Написал я ей в самый первый день, как оказался на точке. Естественно, ни про какой Афган не сообщил. Письмо было обычным – «жив-здоров, все нормально, снег скрипит под сапогами, кормят хорошо, настроение бодрое, бабушке привет». Но она словно сердцем почувствовала, что я вру. В своем письме мать пишет, что каждый день молится богу, чтобы он защитил меня, спрашивает, что прислать из вкусенького, просит помнить,

что кроме меня у нее никого нет на этом свете. В общем, не письмо, а сплошное расстройство.

Около половины одиннадцатого со стороны горного хребта Куги-Баба приходит колонна. Два десятка бензовозов, четыре БТРа охранения и головная БМП. Начальник колонны, усталый полковник в запыленной фуражке, не здороваясь, передает майору Киверову приказ из штаба армии – на время движения по долине усилить охранение колонны боевой машиной десанта и двумя отделениями личного состава. То есть нами.

– С кем же я останусь? – не по уставу отвечает майор. Полковник плюет на обочину дороги.

– А мне похер!

Плевков у него, что называется, не получается – тягучая слюна повисает на грязном подбородке. Бляха громко фыркает.

– Даю минуту! – кричит полковник, утираясь рукавом. – Чтобы через нее... В общем, шестьдесят секунд – и БМД встает замыкающим, а твои люди, майор, сидят на броне БТРов. Вопросы есть?

– Есть, – спокойно кивает Киверов. – БМД на профилактике. Масло слили. Песок, пыль...

Полковник матерится, лезет на БМП и оттуда сообщает:

– Я подам рапорт! Воины, приказ слышали? Минута! Время пошло!

– Вот козел, – вполголоса бормочет майор и толкает прапорщика Гаврилюка: – Тарас, поедешь старшим. Давай!

Мы разбираем оружие, подсумки, эрдэшки, строимся поотделенно у шлагбаума. В самый последний момент Киверов выдергивает меня из строя.

– Рядовой Новиков!

– Я!

– Останься. Ты мне нужен. Остальным: к машине!

Пацаны бегут к «коробочкам». БТР взрывают движками, плюются густо-синим выхлопом. Водители «Уралов»-бензовозов смотрят на нас, словно на придорожные камни. Ко-

лонна идет со стороны Кундуза, люди устали. Эмоций просто не осталось. У некоторых машин на дверцах висят бронежилеты. Я усмехаюсь – если пуля или осколок попадут в пятитонную емкость с бензином, человека в кабине ничто не спасет. Но этим парням из автобата, видимо, хочется думать, что они могут хоть как-то обезопасить себя.

Колонна трогается. Из-за палатки с опаской выглядывает механик-водитель нашей БМД, «ас афганских дорог» Викулов, наголо бритый сверхсрочник, человек ленивый и скучный, как жэковский слесарь. На самом деле никакой профилактики он не делал. Накануне, возвращаясь из очередного патрулирования на окраине Бамиана, Викулов решил сократить путь и рванул через усеянную скальными обломками проплешину, лежащую между нашей горой и придорожными холмами. Где-то там, на камнях, БМД забуксовала и в коробке посыпались шестерни. Кое-как, скрежеща и дергаясь, машина доковыляла до поста. Киверов набил «асу афганских дорог» морду и дал день на то, чтобы перебрать коробку и вернуть БМД в строй. Викулов сказал, что «зуб даю – все будет в ажуре» и с шести утра, с головы до ног измазанный маслом, возился в чреве машины.

После ухода колонны нас остается семеро – трое на посту у дороги, лейтенант Чехов в штабной палатке, механик-водитель, Киверов и я.

...Стрельба начинается одновременно со всех сторон – со склона горы, с вершин холмов, из-за скальных глыб и дорожной насыпи. Духи бьют короткими прицельными очередями. Пули их АКМов дырявят брезент палаток, звонко рикошетят от траков БМД, цокают о камни. Пацаны внизу бросают шлагбаум и бегут к нам, под защиту сложенных из камней брустверов. Они не понимают, что лагерь простреливается насквозь, что нас окружили и духи висят над нами, как ангелы. Мы мечемся между палаток и ящиков, запинаясь о разложенные на промасленном брезенте частях раздаточной коробки БМД и только

один Киверов из-за полевой кухни ведет ответный огонь, в промежутках между выстрелами матом загоняя нас в укрытия.

Я кое-как втискиваюсь в узкую щель между каменной стеной и горой патронных цинков и вижу лейтенанта. Он выскакивает из штабной палатки с автоматом в одной руке и плоской коробкой рации в другой. Суставчатая антенна качается над ним, как удочка. В рацию попадает пуля, вырывает кусок металла, во все стороны летят разноцветные электронные внутренности. Лейтенант некоторое время смотрит на нее, потом бросает на землю.

– Падай! Падай, дурак! – орет Киверов и начинает поливать гору длинными очередями, чтобы дать лейтенанту хоть гипотетический шанс уцелеть.

Наверное, шанс этот был не таким уж и мизерным – духи на склоне затихают, уж больно плотный огонь организовал майор. Но Чехов, вместо того, чтобы бежать в укрытие, останавливается и чуть ли не с бедра стреляет. Он еще что-то кричит, что-то злое и яростное, но за грохотом боя я не разбираю слов.

Зато я хорошо слышу характерный звук винтовочного выстрела. Видимо, вот так и звучит знаменитый «Бур». Стреляют издали, с холмов. Пуля пробивает лейтенанта насквозь и он падает, продолжая нажимать на спусковой крючок своего АКМС. Последняя очередь лейтенанта косо перечеркивает склон; пули выбивают пыльные фонтанчики.

– Новиков! – перекрикивая грохот пальбы, кричит майор. – Новиков! Ко мне!

Легко сказать! От полевой кухни, за которой засел Киверов, меня отделяет всего-то шесть-семь метров, но это открытое пространство, простреливаемое духами. Что делать?

Я чуть приподнимаюсь и вижу, что наряд, дежуривший у шлагбаума – Колька Анисимов, Гриценко и ефрейтор Егерде-нов по прозвищу Егерь – укрывшись за камнями, наугад лупят куда-то вверх, в гору. Кричу им:

– Прикройте!

Егерь за каким-то хреном привстает на одно колено и тут же падает, громко ругаясь по-бурятски. Духовская пуля пробила ему бедро, штанина ниже раны сразу стала черной от пропитавшей материи крови, из дыры фонтанчиком бьет кровь. Отложив автомат, Егерденов ремнем пытается перетянуть ногу. Его смуглое лицо сильно побледнело, это заметно даже под коркой смешанной с потом пыли.

Колька и Гриценко тупо смотрят на него. Они не стреляют. Зато духи стараются вовсю. Хлопки выстрелов, свист пуль, треск разлетающихся камней – убийственная симфония боя.

– Прикройте, суки! – ору я пацанам. Безрезультатно. Похоже, они впали в ступор от вида крови.

У меня нет оружия – автомат я отнес в палатку, снайперская винтовка хранится в оружейном ящике у Киверова. Вспомнив о майоре, снова слышу его крик:

– Новиков! Мать твою, урою! Ко мне!!

Я запускаю руку в карман и стискиваю ледяного волка в ладони. Холод обжигает пальцы. «Эх, была – не была! Прощай, мама! Прощай, Надя! Все прощайте!», – эта мысль не успевает пронестись в голове, а я уже бегу мимо палатки к надрывающемуся майору.

Духи замечают движение. Теперь все они стреляют в бегущего по лагерю неверных человека.

В меня.

Каюсь, я не смог ничего с собой поделаться. Едва пули начинают вонзаться в землю у меня на пути, как я помимо воли валюсь мордой в пыль. Единственное мое укрытие – труп лейтенанта Чехова. Я подползаю к нему и буквально вжимаюсь в еще не успевшее окоченеть тело. Автомат убитого лежит совсем рядом, но у меня не хватает смелости добраться до него. Что-то сильно бьет меня по ноге. Скашиваю глаза – каблук на правом сапоге начисто срезан пулей.

Автомат майора умолкает. То ли у него закончились патроны, то ли Киверов решил не тратить их попусту. Духи умело используют скалы в качестве укрытий, а головы их, замотанные в серые и коричневые платки, практически не заметны на фоне утесов.

– Парни! Кто выживет – идите на северо-запад! Дорога на Ба-миан перерезана! – вдруг кричит нам Киверов. Я понимаю – надежд на спасение практически нет. Все, это конец.

Понимают это и духи. До нас доносятся их радостные крики – неверные больше не стреляют, аллах покарал их! Вижу размазанные фигуры, скользящие между глыбами – все ниже и ниже.

И даже застрелиться не из чего!

И тут совершенно неожиданно для всех, громко гавкает пушка в башне БМД. Это вам не «Калашников» и даже не ДШК. Полуавтоматическая пушка «Гром» калибром в семьдесят три миллиметра – это уже артиллерия, черт возьми! Не зря наши боевые машины десанта называют танками. Алюминиевыми, правда – за облегченную броню – но все же танками!

«Гром» может делать до восьми выстрелов в минуту. Пока автоматика перезаряжает пушку, наводчик ведет огонь из спаренного с пушкой пулемета ПКТ. БТрам, БМП и пехоте на поле боя «Грому» противопоставить нечего.

Первый же выстрел разносит в щебень здоровенную скалу в двухстах метрах от лагеря. Второй – обрушивает скальный козырек на склоне горы и стрельба духов сразу ослабевает.

Оказывается, Викулов, в начале боя спрятавшийся под днищем БМД, под шумок умудрился открутить болты нижнего люка, заползти в «коробочку», изготовить «Гром» к стрельбе и теперь духам уже никак не взять нас.

Выпустив еще три снаряда по горе, Викулов разворачивает башню и накрывает ближайший холм, разворотив всю его вершину.

– Жить стало лучше, жить стало веселей! – ревет Киверов и машет мне – давай сюда!

Я на четвереньках добираюсь до него.

– Т-рищ майор, Егерь ранен! Нога!

– После! – машет он и вытаскивает откуда-то из-под себя знакомый чехол защитного цвета. Ага, СВД. Майор успел захватить ее в штабной палатке. Ну, это совсем другое дело.

Перевернувшись на спину, я быстро расчехляю винтовку, снаряжаю обойму и, опираясь на локти, ползу к колесу полевой кухни.

– Вначале – верхних! – говорит мне в спину майор. Как будто я сам не соображаю!

В прицел обозреваю склон. Облако пыли от разбитых снарядами «Грома» скал медленно уплывает в сторону. Замечаю шевеление между камнями, прикидываю расстояние и стреляю. Из-за рыжего валуна мешком вываливается чье-то тело.

Раз!

Второго духа я снимаю на бегу. Он – точно мишень в парковском тире, возникает из ниоткуда и быстро движется, чтобы пропасть в никуда. Вот только его аллах в этот момент отвлекся. Се ля ви.

Третий мой клиент попадает на «уголок» прицела, когда вылезает из расщелины с биноклем в руках. Я даже успеваю разглядеть его лицо – бородатое, угрюмое.

Все, больше духи не шевелятся. Викулов из ПКТ поливает дорогу, отгоняя от лагеря тех, кто пытался ударить по нам с тыла. С холмов больше не стреляют. Это хорошо. Громко стонет и ругается на Кольку Анисимова, путая русские и бурятские слова, ефрейтор Егерденов, и это тоже хорошо. Раз ругается – значит, живой. Раз на Кольку – значит, тот тоже живой и вышел из ступора.

– Повнимательнее, сынок, – просит меня Киверов. Не просто просит, а буквально умоляет: – Сними еще парочку, а? Они

только силу понимают. Завалим двоих-троих – и все, баста. Уйдут. Ну, давай!

– Не вижу никого, товарищ майор! Попрятались!

– Ага, – говорит Киверов и вдруг орет так, что у меня уши закладывает: – Викулов!! Викулов, мать твою так! Вдарь по скло-ну!

Я понимаю – нужно пошевелить затаившихся духов. После выстрела «Грома» они начнут искать укрытия понадежнее – и тут уж мне главное не зевать.

Удивительно, но Викулов слышит майора. Башенка БМД разворачивается, но вместо отрывистого выстрела «Грома» раздается шипящий звук, какой бывает, когда остро отточенная коса срезает траву.

Ш-ш-ш-щ-щ-щ-а!

БМД исчезает в огненном облаке взрыва. Во все стороны летят искореженные, скрученные куски алюминиевой брони, какие-то ошметки, камни, песок...

Я глохну от грохота, слепну от пыли, а когда слух возвращается, слышу окончание фразы, громко произнесенной Киверовым:

– ...здец!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Спасение

«Это был гранатомет. Из него духи подбили нашу «коробочку», – вяло думая я, а руки автоматически заряжают пустую обойму СВД. – Кумулятивная ракета угодила прямо в боекомплект и БМД разнесло на куски вместе с Викуловым. Он погиб, как и подобает мужчине – защищая своих товарищей, быстро и без мучений. Наверное, когда-нибудь благодарные афганцы поставят ему памятник. Впрочем, почему только ему? А лейтенанту? А нам всем? Ясно же – теперь духи уже не успокоятся».

Мои мрачные мысли прерывает Киверов.

– Сынок, а ну-ка давай за мной!

На месте БМД полыхает огромный костер, дым стелется над лагерьем и под этой своеобразной завесой мы с Киверовым перебираемся к брустверу, где, засыпанные желтой известковой крошкой, лежат пацаны. Егерь смотрит в небо. Он уже не стонет – Колька Анисимов догадался вколоть ему промедол из индивидуальной аптечки АИ-1. Вообще-то промедол из этих аптечек изымают, говорят, он действует, как наркотик, но наши АИ-1 по приказу Киверова укомплектованы полностью.

Лежим за камнями. У Григоренко трясутся губы. Я смотрю ему в глаза и вижу – этот парень уже умер. То есть он еще жив, конечно, и даже будет стрелять, если понадобится, но для себя Григоренко решение принял. Его надежда, которая, как известно, умирает последней, уже мертва.

И если сейчас оставить Григоренко одного, за свою жизнь он бороться не станет. Просто будет лежать и ждать, когда его убьют. Почему-то светло-серые глаза этого живого мертвеца

приводят меня в ярость. Не смерть лейтенанта Чехова, не гибель Викулова, а вот эти коровьи или даже воловьи глаза Григоренко, вот эта живущая в них безысходность прочищают мне мозги получше любой политбеседы, матерной брани или стакана водки.

Киверов, осмотрев рану Егерденова, ободряюще улыбается ему:

– Жить будешь!

Егерь растягивает покрытые черной коркой губы в некоем подобии улыбки.

Майор поворачивается к нам, весело подмигивает:

– Ну что, орлы! Задача у вас такая – потихонечку, не спеша, с оглядкой, спуститься вниз и между холмами по балочке, вон той, видите? – уходить на северо-запад. До Зуры меньше ста километров. Раненого понесете по очереди, алгоритм следующий: двое несут, один отдыхает, потом смена, по кругу. Идти надо будет всю ночь. К утру вы должны быть на подходе. Это не просьба, это приказ. Все, давайте, вперед!

– А вы, товарищ майор? – я задаю вопрос буквально машинально, просто не могу удержаться.

– А я немного повоюю, – жестко усмехается Киверов. – Кстати, «плетку» оставь. Она мне пригодится. И все, хватит базар-вокзал разводить! Если они в атаку пойдут – нам хана!

Он словно сглазил. Духи рванулись к лагерю неожиданно, со всех сторон. Их оказалось очень много, на глаз – около семи десятков человек. Тремя плотными группами они бегут к нам и Киверов скрипит зубами, передергивая затвор АКМС.

Патронов у нас мало. Гранат – четыре штуки на всех. Плюс моя СВД.

Над нашими головами свистят пули. Я, изгибаясь, как червяк, разворачиваясь к наиболее многочисленной группе духов, прилаживаю ствол винтовки между камнями, вжимаю при-

клад в плечо и прикипаю к прицелу. Горячая резина наглазника обжигает веко.

Все, это последний стрелковый рубеж в моей жизни. Мастер спорта Артем Новиков к стрельбе готов. Раз-два-три – начали!

На настоящей войне, на той, где армия воюет с армией, снайперу полагается первым делом выбивать офицеров противника. Их можно отличить по форме и оружию. Но у духов формы нет. Они все поголовно одеты в грязные халаты, серые рубахи и накидки, на головах – тюрбаны или плоские, похожие на гречневые блины, шерстяные шапки. Кто тут главный, кто командир, разобраться невозможно. Поэтому я начинаю просто «долбить», слева направо – валю крайнего, затем второго, третьего...

Слышу, как Киверов говорит пацанам:

– Стрелять одиночными, патроны экономить!

Если бы у всех нас были СВД или хотя бы на «калашниковых» стояли оптические прицелы, пожалуй, мы сумели бы отбиться. Интересно, а что мешает нашим армейским начальникам оснастить все автоматы ПСО-1? В режиме одиночного огня точность стрельбы возросла бы в разы. Впрочем, это все риторические вопросы, ответов на них я уже никогда не получу.

Духи вопят что-то на своем языке и со всех ног несутся к лагерю. Их тактика понятна, проста, эффективна – как можно скорее сократить дистанцию. На двадцати метрах СВД превратится в обыкновенный самозарядный карабин; преимущество, которое дает оптика, сойдет на нет. Кроме того, с близкого расстояния нас можно будет забросать гранатами.

Над головой свистят пули. Киверов и пацаны изредка огрызаются выстрелами. Я валю шестого духа и переносу огонь на центр группы.

– Новиков, слева! – рычит майор.

Поворачиваюсь и вижу: на той самой площадке, где Киверов в первый день предложил мне пострелять по нарисованной на скалах мишени, двое духов возятся с какой-то палкой. Перекидываю СВД через бруствер и гляжу сквозь прицел. Сердце замирает – духи заряжают РПГ. Наверное, тот же самый, из которого подбили «коробочку» и убили Видукова.

Гранатомет в нашей ситуации – это мгновенная смерть. Отчетливо вижу, как хвостовик ракеты исчезает в пусковой трубе. РПГ готов к стрельбе. Все, счет пошел на секунды. Один из духов приседает на колено, вскидывает РПГ на плечо...

Я, не обращая внимания на свистящие пули, вскакиваю, поднимаю винтовку.

Он откидывает прицельную планку.

Я ловлю его темную фигуру «на угол».

Он отводит в сторону локоть. Значит, сейчас выстрелит!

Я холоден и расчетлив – и успеваю нажать спусковой крючок СВД на долю секунды раньше, чем он.

Я попадаю ему в лицо. Во все стороны летят кровавые брызги. Его выстрел оказался сбитым, и, оставляя за собой дымный шлейф, ракета проносится выше наших голов. Она взрывается где-то между дальних холмов и звук взрыва тонет в грохоте боя.

– Пять баллов, первое место и золотая медаль! – радостно кричит Киверов. Вот теперь надо торопиться – в любой момент меня могут подстрелить. Бросаюсь за бруствер, СВД почему-то вылетает из рук, видимо, я задел прикладом за камень. Гранатометчика я убил, но само оружие уцелело. Значит, надо поглядывать в ту сторону.

Духи подошли довольно близко, но их наступательный порыв несколько угас. Взяв лагерь в кольцо, они усиливают огонь, прячась за камнями. Что ж, это мне на руку, это «мой размерчик». Настоящая снайперская война.

Выцеливаю очередного автоматчика в плоской шапке, нажимаю на спуск...

Выстрела нет!

Лихорадочно дергаю затвор – не идет!

Осматриваю СВД и, как до этого Киверов, скриплю зубами от злости. Я не цеплялся винтовкой за камни. Ее выбила из моих рук духовская пуля. Затворный механизм поврежден. Пытаюсь открыть крышку ствольной коробки – заклинило. Все, моя «плетка» отстрелялась.

– Что?! – страшно выпучив глаза, кричит Киверов. Он лежит в трех метрах от меня. Я, молча, показываю скрещенные руки.

– Мать твою! – ругается майор.

Анисимов перебрасывает мне автомат Егеря. Сам ефрейтор сейчас не в состоянии стрелять – промедол унес его в страну грез. Ловлю себя на том, что завидую буряту – он умрет в неведении, счастливым.

Успеваю произвести два выстрела. Не знаю, попал ли я в кого-то – пот заливает глаза, над лагерем плотным облаком висит желтая пыль. Взрыв гранаты бьет по ушам, осыпает нас каменной крошкой. Это был бросок на удачу, граната не долетела до бруствера метров пять. Мы все отлично понимаем – теперь наша смерть лишь вопрос времени. Скоро духи подберутся на расстояние точного броска.

Транспортно-боевой Ми-24А, за граненую кабину прозванный в войсках «стаканом», выныривает из-за горы и упругий рокот его винта покрывает все прочие звуки. Стрелок-оператор мгновенно ориентируется в обстановке и с ходу дает по духам два залпа неуправляемыми ракетами. Бурая дымная стена разрывов наискось пересекает склон, поглотив часть лагеря.

«Стакан», показав голубое брюхо, проходит над нами, разворачиваясь для следующего захода. Носовой пулемет вертолета начинает работать, едва только покрытая желто-коричневыми

камуфляжными пятнами машина оказывается носом к горе. Спустя секунду новый залп НАРов накрывает вжавшихся в камни духов по левую руку от нас.

– Ну и слава КПСС, – бормочет Киверов, едва стихает грохот взрывов. Он достает из-за короткого голенища сапога трубку сигнального патрона, скручивает колпачок и сквозь клубы пыли в небо взмывает зеленая звезда. Пилот «Стакана» качает короткими крыльями-пилонами, давая понять, что заметил нас.

Он не садится, а висит в полуметре над землей посреди разоренного лагеря, медленно поворачиваясь вокруг оси. Стрелок ведет заградительный огонь, поливая из пулемета окрестности. Винт «Стакана» поднимает тучи пыли, пробитые пулями и осколками палатки срывает с растяжек и они хлопают на этом рукотворном ветру исполинскими крыльями упавших на землю птиц.

– Лейтенанта оставим, – распоряжается Киверов. – Не положено, конечно, да, боюсь, как бы...

Он не договаривает, наклоняется над ефрейтором. Мы вчетвером хватаем Егерденова и тащим его к вертолету, спотыкаясь о камни. Двухстворчатая дверца десантного отсека распахивается, нижняя ее часть оказывается всего в нескольких сантиметрах от земли.

– Анисимов, вперед! – командует Киверов, а когда Колька залезает, командует нам: – Подавайте! Быстрее, быстрее!

Мы с Григоренко задираем ноги Егеря вверх и суем их в отсек.

– Стоять! – орет, держащий бурята под мышки, Киверов. – Куда ногами?! Он же живой! Разворачивай!

«Нашел время для суеверий», – со злостью думаю я. Тем не менее, мы послушно вытаскиваем наполовину уже загруженного в вертолет Егеря, разворачиваем его, помогаем майору и Анисимову впихнуть расслабленное, резиновое тело внутрь.

Лезем следом. Когда моя нога встает на железную ступеньку, я думаю только об одном – было бы очень обидно получить сейчас пулю между лопаток.

Пилот, вывернув голову, жестами показывает нам – закрывайте дверь! «Стакан» взмывает вверх с такой скоростью, что меня сбрасывает с узкой лавки на пол. Рядом валится Анисимов. Он хохочет:

– Как на качелях!

Егерь лежит чуть в стороне и улыбается, точно бамианский Будда. По-моему, он так и не понял, что произошло.

Киверов толкает в плечо Григоренко, протягивает ему фляжку.

– Слышь, парень, на-ка, махни. Тебе больше всех надо.

Григоренко ошалело смотрит на майора, берет пластиковую флягу в брезентовом чехле, снимает стакан-колпачок, наливает и пьет спирт как воду.

– Ну, и порядок в десантных частях! – скалит зубы Киверов. – Эй, орлы! Давайте и мы по маленькой...

Вертолет валится на бок, делая разворот. Сквозь квадратное окно с чуть выпуклым стеклом я вижу внизу наш лагерь, развороченные палатки, черный скелет выгоревшей БМДшки. На рыжем фоне четко выделяются темные тела мертвых духов, лежащие вокруг.

Пилот что-то говорит в микрофон. «Стакан» берет курс на Кабул. Киверов протягивает мне наполненный до половины стаканчик. Спирт теплый, почти горячий. Я с трудом глотаю и утираю рукавом выступившие слезы.

У Ми-24А просторная кабина с хорошим обзором. Летуны называют ее «веранда». Я, хватаясь руками за откидные сидения, перебираюсь за спину пилоту и смотрю вперед. Вертолет летит над долиной, по обе стороны высятся фантастически красивые оранжево-фиолетовые горы.

– Кто сообщение передавал? – кричит мне в ухо пилот.

– Какое? – не понимаю я и тут же спохватываюсь: – Наверное, лейтенант Чехов, комвзвода!

– Вы ему ящик водки должны, не меньше, – пилот улыбается. – Он нас на частоте поймал, в воздухе. Мы на патрулировании в десяти километрах от вас были. База сразу добро дала. В общем, если бы не он... А где он, кстати?

Я мрачнею, тычу большим пальцем вниз.

– Там.

Возвращаюсь на скамейку, приваливаюсь головой к подрагивающему в такт работе винтов борту вертолета и закрываю глаза... Но поспать у меня не выходит. «Стакан» трясет, он ощутимо крениться, разворачиваясь. Вижу сосредоточенное лицо Киверова, напряженно вглядывающегося в окно. Майор что-то высматривает внизу. Вертолет с натугой ползет вверх – это чувствуется по тону усилившегося рева двигателей.

Анисимов и Григоренко спят. Егерь разговаривает сам с собой, блаженно улыбаясь. Перебираюсь поближе к Киверову, взглядом спрашиваю – что случилось?

– Караван! – кричит мне в ухо майор. – Уходит в горы! Летуны запрашивают разрешение на атаку!

Спрашиваю:

– Духи?

– Или контрабандисты, – кивает он в ответ и странно ежится.

Я задаю вопрос, который давно беспокоит меня:

– А что будет с телом лейтенанта? А Викулова? Что будут отправлять на родину?

Майор снова ежится, отвечает неохотно, сквозь зубы:

– Викулов сгорел, там только пепел. А вот с лейтенантом... Тебе лучше не знать, парень. Они, – следует кивок за окно, – считают это доблестью – отрезать у мертвого врага уши, нос, переломать руки-ноги... Твари, мать их! Одно радует: лейтенанту уже все равно...

«Стакан» закладывает вираж и увеличивает скорость. Неожиданно десантный отсек наполняется грохотом – это «работают» подвесные блоки, выпускающие неуправляемые авиационные ракеты С-5. Значит, вертолетчики обнаружили цель и «окучивают» ее.

Через какое-то время грохот стихает. Пилот поворачивает к нам мокрое от пота лицо и показывает большой палец.

– Накрыли, – говорит Киверов. – Ну и хвала аллаху, воздух будет чище.

Его слова глушит резкий звук удара. Вертолет подбрасывает в воздухе, точно автомобиль, попавший на полной скорости колесом в яму. Басовитый клекот двигателя сменяется неприятным воем. Проходит несколько секунд и мы начинаем резко терять высоту. Из «веранды» в отсек перебирается стрелок-оператор.

– «Игла», – кричит он в ухо Киверову. – Двигатель поврежден! Давление масла падает! Будем пробовать дотянуть до Чарикара. Если что, пойдем на экстренную. Держитесь!

Мы специальными ремнями пристегиваем Егеря к лавке, рассаживаемся сами. Я защелкиваю пряжку на животе и смотрю в окно. «Стакан» идет совсем низко, бурая пятнистая земля мелькает внизу со страшной скоростью. Самое печальное, что вертолет постоянно теряет высоту. Двигатели уже даже не воют – визжат, пытаясь удержать тяжелую машину в воздухе. В итоге им это не удастся. Ми-24 чиркает брюхом о камни, потом как-то сразу, резко и грузно, оседает на землю и ползет по ней, издавая жуткий скрежет.

– Покинуть отсек! – орет, побледнев, стрелок-оператор. – Прыгайте!!

Киверов отстегивается, мы делаем то же самое. Майор распахивает дверцу. Я жмурюсь – в лицо бьет жаркий воздух, наполненный пылью. Мимо проносятся рыжие глыбы известняка. Прыгать придется прямо на них. Я бросаю растерянный взгляд на Киверова.

– Скалы! – он указывает вперед. Там, в сотне метров впереди и вправду скалы, отвесная стена, уходящая в голубое небо.

Я сижу у самой дверцы и мне, судя по всему, первым придется покинуть «стакан». Прыгать страшно. Подсознательно пытаюсь оттянуть время, спрашиваю:

– А Егерь?

– Первый – пошел! – рывкает Киверов, хватая меня за плечо и выталкивает из вертолета. Я лечу в пыльную круговорот, группируюсь, как учили нас в учебном батальоне, но там мне приходилось падать в мягкий песок, а тут – сплошные камни.

Удар! Еще один! Я кувыркаюсь, поджав колени к животу и молю всех богов на свете только об одном: пусть уцелеет голова. Почему-то мне кажется, что самое страшное – это расколоть череп об острую каменную грань.

Врезавшись боком в огромную глыбу, наконец-то замираю без движения. Все, с приземленьцем, Артем Владимирович.

Разлепляю забитые пылью глаза, одновременно ощупываю себя – все ли цело? Вроде бы кости не пострадали, хотя локти, колени, плечи здорово ободраны. Ну, да это ерунда, заживет как на собаке.

Голова гудит, как трансформатор. Это тоже ерунда. Не тошнит, зрение в порядке, а значит, сотрясения нет. Все, будем жить!

Поднимаюсь на ноги, хватаясь руками за остановивший меня камень. Оглядываюсь. Вертолета нет! Впереди – скалы, позади и по сторонам – каменистая плосковина. В воздухе висит пылевое облако, поднятое нашим «стаканом». Но самого Ми-24 нигде не видно...

Пытаюсь собрать разбегающиеся мысли и замечаю поодаль пропаханный брюхом вертолета глубокий след. Он уходит прямо в скалы.

– Что за... – бормочу я обветренными губами, а ноги чуть ли не против воли несут меня вперед.

Остановиться я успеваю в самый последний момент. Плосковина не доходит до скал каких-нибудь десять метров, обрываясь в узкое, словно бы прорубленное исполинским топором, ущелье. И оттуда мне в лицо всплывает прошитый языками пламени черный, жирный клуб дыма.

Опустившись сначала на четвереньки, а потом и вовсе на животе я подползаю к самому краю пропасти. Ее глубина – не меньше тридцати метров. Вертолет, переломленный пополам, смятый, лежит на дне и его обшивка полыхает так, что у меня от жара трещат волосы. Я в отчаянии начинаю звать Киверова, Кольку, Григоренко, Егеря, пилотов, просто ору, в исступлении колотя кулаками по равнодушным камням.

Отползя от края, вскакиваю и начинаю осматриваться вокруг – вдруг кто-то успел выпрыгнуть до того, как вертолет упал в ущелье? Почти час я обшариваю местность, пока, наконец, до меня не доходит: я остался один...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Между жизнью и смертью

Закат, красный, как кровь, заливает половину неба. Я сижу в тени огромного валуна и пытаюсь сообразить, где нахожусь. Мысли мои постоянно возвращаются к погибшим в вертолете пацанам, майору Киверову, пилотам. Но я запрещаю себе думать о них. Сейчас у меня другая задача: выжить.

Вертолетчики говорили, что будут пытаться дотянуть до города Чарикара. Это на востоке от нас. Бамиан, стало быть, на западе, там, откуда мы прилетели. Знать бы еще, сколько километров отделяет меня от этих двух населенных пунктов...

В любом случае надо идти. И правильнее всего будет двигаться на восток. Если даже я не выйду к Чарикару, в любом случае упрусь в дорогу, соединяющую Кабул с северной частью страны. Это самая оживленная афганская трасса. Где восток, понятно – в противоположной от заката стороне.

Осматриваю содержимое карманов. У меня есть военный билет, носовой платок, записная книжка, карандаш, пуля от пулемета ДШК, из которой я хотел сделать брелок, и серебряный конь. То есть фактически у меня нет ничего, что помогло бы выжить в этих диких краях. Нет оружия, нет еды, и главное – нет ни капли воды.

А раз так, то надо идти. Чем скорее, тем лучше. Надо идти днем и ночью, идти быстро, максимально быстро. Найти воду на каменистых пустошах практически невозможно. Времени у меня в обрез. Уже хочется пить, а что будет завтра, послезавтра?

Я поднимаюсь, поворачиваюсь спиной к закату и срываюсь с места. Местность ровная, бежать достаточно легко. Я буду бе-

жать всю ночь. Два десантника могу все, а один – многое. Один – это я. Я обязан выжить. Такая у меня установка.

Темнеет, на небе высыпают звезды. Вдали от городских огней они очень яркие, их много. Четко просматривается Млечный путь, ослепительно сияют Денеб в созвездии Лебеда, Ригель и Бетельгейзе в Орионе, горит холодным голубым пламенем Вега, самая яркая звезда в нашем полушарии. Впервые в жизни замечаю – звездный свет может быть настолько ярко, что предметы отбрасывают тени.

Итак, я двигаюсь на восток. Ночи тут довольно прохладные, что стимулирует движение. Но смутные сомнения терзают меня. Правильно ли я выбрал направление? Сколько десятков или даже сотен километров мне предстоит преодолеть, прежде чем я выйду к людям? И что это будут за люди? Вдруг я окажусь в недружественном кишлаке? Вдруг наткнусь на банду духов? Что когда меня ожидает? пытки, издевательства – и жуткая смерть в финале?

И тут в голове появляется четкая, ясная мысль: «Иди на север!». От неожиданности я останавливаюсь. Какой, к чертовой матери, север? Там же ничего нет! Совсем ничего – ни кишлаков, ни дорог. Только безводная, гористая пустыня и хребты Гиндукуша. Нет, на север я не пойду.

«На север, на север!», – стучит в висках. «Это все усталость и нервы, – успокаиваю я себя. – Решение принято и его надо выполнить. Точка!»

Утро застает меня на пологом склоне горной гряды. Солнце встает за правым плечом и я матерюсь от обиды. Оказывается, всю ночь я шел не туда! Не на восток, а именно что на этот проклятый север! Сколько времени потеряно, сколько сил потрачено впустую...

Разворачиваюсь и бегу навстречу светилу. Очень хочется пить. Просто очень. Но это еще цветочки. Ягодки будут потом.

В полдень я засыпаю прямо на камнях. Сон получается недолгим – жажда и голод терзают меня, жгут изнутри. Надо идти. Надо.

Бежать я уже не могу – задыхаюсь, но стараюсь двигаться скорым походным шагом. Чтобы не сбиться с ритма, бормочу стихи.

Вечер. Закат в полнеба. Надо поспасть. Во сне не так хочется пить. Я ложусь на камни, закрываю глаза, но и во сне продолжаю идти.

Поднимаюсь в полной темноте. Звезд не видно – облака. Дождь – вот что спасет меня. Хороший такой дождик, с громом и молнией. Но дождя нет. Пробую шагать в темноте, спотыкаюсь о камни и едва не ломаю ногу. Придется ждать до утра.

Рассвет. Поднимаюсь, облизывая растрескавшиеся губы. Фиолетовые горы висят надо мной. Они инопланетно красивы. Вслух желаю им провалиться в ад. Я готов отдать руку или ногу за глоток воды.

Мне очень хочется заплакать, но – нечем. Лишней влаги в организме не осталось даже на одну-единственную слезинку. Пожалуй, что пора писать прощальное письмо, благо у меня имеется записная книжка и карандаш. Трясущейся рукой лезу в карман, опускаю глаза да так и застываю в нелепой позе.

Дорога. Я вижу дорогу. Она прямо у меня под ногами. Ее построили люди, чтобы ездить, возить грузы. Здесь нет камней. Мои разбитые сапоги попирают укатанную щебенку, уложенную человеческими руками.

Это – спасение. Рано или поздно кто-нибудь поедет по этой дороге и увидит меня. Теперь нужно просто подождать... Просто подождать...

Скорее всего, я опять теряю сознание. Когда я только вышел на дорогу, тени от камней на обочине были совсем короткими, теперь же они сильно удлинились. Я лежу у самого края, у кромки. Меня нельзя не заметить. Стало быть, до сих пор по дороге никто не проезжал. Это очень скверно. Дело дрянь. Человек может прожить без воды три-четыре дня. Три я уже прожил. Наступает момент истины.

Машина появляется как бы из воздуха. Наверное, я просто поздно замечаю ее. Обычный бортовой «Зил»-131, армейский грузовик-

вездеход. В кузове глухо постукивают алюминиевые тридцатилитровые фляги. Глухо – потому что полные. Полные водой!

У меня нет сил встать на ноги. Я сижу у кромки дороги, как у края мира, и машу руками. В правой зажат мой военный билет. Я знаю, теперь я очень хорошо знаю, что это главное – с первых секунд, сразу дать понять, что ты не верблюд, а вполне себе военнослужащий срочной службы Советской армии.

«ЗиЛ» останавливается. Из кабины выглядывает старший лейтенант в расстегнутой полевой форме. Ствол его автомата направлен на меня. Водитель тоже держит оружие, готовый стрелять при малейшей опасности. Собственно, они остановились только потому, что вокруг совершенно открытая местность – ни кустика, ни деревца.

Старлей быстро смотрит мой военник, рывком затаскивает меня в кабину, командует водиле:

– Погнали!

Машина срывается с места. В кабине тесно, потому что там стоит не поместившаяся в кузов фляга. Фляга с водой. Я хватаюсь за ее крышку, пытаюсь открыть – и не могу. Силы совсем оставили меня. Старлей вздыхает, достает из бардачка эмалированную кружку и рывком распахивает флягу.

Всю дорогу я пью. Вода, много воды! Это самое чудесное лакомство из всех, пробованных мною в жизни. Я упиваюсь каждым глотком, я ощущаю, как мой ссохшийся желудок наполняется этой живительной влагой, как она растекается по организму. Старший лейтенант, с тревогой глядя на меня, то и дело сыплет в кружку соль. Иногда не до конца растворившиеся крупинки хрустят у меня на зубах.

Потом меня рвет. Мучительный спазм скручивает внутренности, выпитая вода извергается на пол кабины. Старлей ругается, кричит водителю, чтобы тот остановил машину и распахивает дверцу.

– Все, хорош! – объявляет он, выволакивает из кабины флягу и закидывает ее в кузов.

– Еще... еще кружечку... – сиплю я, тяжело дыша. – Пожалуй-ста...

– Ладно, но пить будешь мелкими глотками, понял?

– Да...

И я снова пью. Какое это счастье, когда есть вода, много воды!

Кажется, засыпаю я прямо с кружкой у рта. Просто в мозг из желудка приходит сигнал: все, теперь можно. И я падаю в сон, как в пропасть...

– Слышь, зема! Земеля, эй, земля! Ты живой, нет?

Настойчивый хриплый шепот прогоняет сон. Я открываю глаза. Над головой – темно-зеленое брезентовое полотнище. Армейская палатка. Чувствую боль в разбитых о камни ногах, чувствую слабость и резь в животе. Но это все терпимо. Я жив. Я выжил во время боя на точке. Я выжил при крушении вертолета. Я выжил в каменном аду афганских гор. Смерть могла забрать меня к себе не меньше сотни раз, но я – выжил.

И буду жить.

В своеобразной палате, отделенной от других помещений огромной госпитальной палатки белым занавесом, стоят несколько складных кроватей. На одной лежу я, на другой – некто замотанный в бинты. Остальные пустуют.

– Земеля, – продолжает звать меня некто.

Я отзываюсь:

– Чего тебе?

– Живой! – хрипло радуется мой сопалатник. – А я думал, ты того... не дышишь. Ты откуда?

– Из Казани.

– А я из Семипалатинска. Неделю уже здесь кантуюсь. Духи дорогу заминировали. Меня взрывом с брони сбросило, осколками покоцало. Врач сказал – обойдемся без госпиталя, на месте подлечим. А с тобой что?

– Вертолет подбили. Потом три дня шел по горам.

Я отвечаю сдержанно и кратко – на всякий случай. Кто его знает, что за фрукт этот мой сокоешник.

– Меня Генкой зовут, – он, шипя от боли, поднимается с кровати, ковыляет ко мне, протягивает руку. – Генка Ямин.

– Артем, – с трудом пожимаю его горячую влажную ладонь. Да, сил у меня – кот наплакал.

Генка чутко поводит торчащим из бинтов ухом и вздрагивает.

– Шухер! Обход.

Он добирается до своей кровати и валится на нее, прикидываясь спящим. Тканевый полог отодвигается и я вижу двух врачей, мужчин в белых халатах и шапочках. Оба молодые, у обоих то ли от солнца, то ли от спирта красные лица. За их спинами медсестра в марлевой повязке на лице и с журналом в руках.

С меня стаскивают одеяло и осматривают. Врачи деловиты и собраны. Я для них – объект лечения, солдат, временно выбывший из строй. Их задача – вернуть меня в этот самый строй.

– Где я? – спрашиваю.

– В полевом медпункте. До Кули-Асия от нас двенадцать километров. Везучий ты, парень. Еще несколько часов без воды – и конец, – отвечает один из врачей и обращается к другому: – Физическое и нервное истощение?

– Астения, обезвоживание, – соглашается тот, оттягивает мне веко и внимательно разглядывает глаз. – Думаю, хлорид натрия внутривенно струйно, глюкоза капельно, восстановительная диета и полный покой. Перед сном – седуксенчик. И витамины. Через десять дней будет как новый. Аллочка, запишите.

– Уже, Юрий Петрович.

Голос Аллочка звучит, как небесная музыка. Он кажется мне похожим на голоса всех знакомых девушек.

– В часть его сообщили?

– Да. Там... В общем, завтра к нам приедут. Говорят – он герой.

Я фыркаю – хорош герой, руки поднять не могу!

Врачи переходят к моему соседу.

– Ну, Ямин, как дела?

– Нормально, – хрипит он и тут же начинает канючить: – Товарищ лейтенант, а печенья нет? Или конфет каких-нибудь? Ну, хотя бы сахара!

– Потерпи. Сахар завтра привезут, – говорит ему врач и обращивается к коллеге: – Вы были на перевязке?

– Был, – кивает тот. – Заживление идет хорошо. Завтра можно снимать повязки.

– Добро, – Юрий Петрович ободряюще похлопывает Генку по плечу. – Видишь, скоро домой поедешь. А там тебе будет и сахар, и пирожные с тортами.

– Сладкого хочется, – вздыхает Генка.

Медсестра смеется.

– Аллочка, мы поедем в гарнизон. Зина и Виктория Ивановна пусть отдыхают, до конца дежурства вы остаетесь за старшую.

– Поняла, Юрий Петрович.

Мы остаемся вдвоем с Генкой совсем ненадолго. Но за это время он успевает измучить меня разговорами о сладком:

– Я как малой прямо стал! Вот поставь передо мной сейчас стакан водки и конфету положи, так я конфету выберу.

Я слушаю его, молча, а сам почему-то вспоминаю фигурку коня. Где она сейчас? Была в кармане штанов, но одежду забрали. Возможно, сожгли, но, перед этим явно рылись в карманах. И что? Выбросили? Или кто-то забрал себе?

Приходит медсестра, приносит металлический штатив капельницы с двумя бутылками на ней.

– Сейчас хлоридик вольем, потом глюкозу, – воркует из-под марлевой повязки Аллочка, вводя мне в вену иглу. – Вот так.

– Где мои вещи?

Медсестра будто не слышит меня. Она соединяет желтоватую трубочку системы с иглой, подкручивает колесико регулятора. В бутылки всплывает пузырек воздуха и я ощущаю, как

приятная волна катится по руке, наполняя все тело легкостью. Голова плывет, лицо медсестры размазывается, исчезает... Нахожусь в себе силы повторить вопрос.

- Да какие вещи, тряпки одни остались, дыра на дыре.
- В карманах...
- Не было там ничего.

Ее слова оставляют меня равнодушным. Никогда не думал, что быть под капельницей настолько приятно. Я, то проваливаюсь в сон, то лежу просто так, гляжу на колышущийся потолок. Мыслей нет. Чувств нет. Ничего нет, только ощущение покоя.

Генка что-то бубнит, ковыляя по палате. Пытаюсь вникнуть в его слова и слышу:

– ...тебе еще принесут. Скажем, что разбилась, ага? Ну, типа ты рукой дернул и она упала. Я тебе тоже оставлю. Она сладенькая, глюкоза!

Он решительно вынимает из штатива вторую, ожидающую своей очереди, бутылку, зубами скусывает колпачок из толстой алюминиевой фольги, отбрасывает резиновую крышечку, и воровато оглянувшись на полог, начинает жадно пить раствор глюкозы.

Сделав несколько глотков, отнимает бутылку ото рта, причмокивает мокрыми губами и весело сообщает мне:

– Сла-адкая! Я еще попью, вот досюда – и тебе дам.

Но уменьшить уровень глюкозы до отмеченной грязным ногтем метки ему не удастся – Генка вдруг начинает шататься, роняет бутылку и она, ударившись о металлическую ножку кровати, со звоном разбивается.

– Ты чего? – с трудом преодолев слабость и апатию, спрашиваю я. Генка страшно пучит глаза и хрипит. Его кидает на кровать, бьет судорогой. Из рта начинает идти желтая пена. Я хочу крикнуть, позвать медсестру и понимаю: нельзя. Нельзя, потому что это она принесла бутылку с глюкозой.

Генка перестает хрипеть и затихает. Я знаю, что он умер. В бутылке с глюкозой был яд. Умер Генка, а должен был – я...

Выдергиваю из руки иглу и довольно резво встаю с кровати. Тут же падаю на четвереньки — сил нет, да и в голове мутно. Ясно одно — отсюда надо бежать. Кто эти люди и зачем они пытались убить меня — непонятно, но факт есть факт. От глюкозы еще никто не умирал. Возле Генкиной кровати стоит тумбочка. Внутри ящика станок, зубная щетка, несколько полотенец. Под ними обнаруживаю фигурку. Что же, Генка украл коня и отхватил немного моей судьбы. Возможно, этим он спас меня и наказал себя.

Из палатки я выбрался, разрезав толстую брезентовую ткань у самого пола. Выполз в дыру и очутился на заднем дворе медпункта. Сухой, горячий ветер трепал развешенные для просушки халаты, шапочки, полиэтиленовые пакеты, старая форма-подменка. Влез в первые же попавшиеся штаны и кое-как добрался до забора, металлической сетки-рабицы, огораживающей медпункт. До меня доносились голоса людей, шум двигателя машины, а чуть в стороне, спиной ко мне, маячил одинокий часовой с автоматом наперевес. Ветер дул с его стороны и он не услышал, как загремела сетка-рабица, когда я перелезал через нее.

Я достаточно далеко удалился от медицинского пункта. Наверное, там уже обнаружили мертвого Ямина и мое отсутствие. Иди очень тяжело, но голова ясная. У меня снова нет воды и еды. Нет военного билета. Нет обуви. Есть камни, песок и серебряный конь, который ведет меня на север. Теперь нет нужды сопротивляться, напротив, я обязан добраться до неведомой пока цели.

На север – так на север.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

Тайна Чингисхана

Всю ночь я иду по каменистой пустыне меж гор. Мне везет – тепло, ветра нет. От слабости кружится голова, но я уверен в себе. Я дойду и выполню то, чего хочет от меня конь. Это мой долг, долг мужчины из рода Чусаевых.

Утром я вижу вдаль, на скалистом гребне, пыльные развалины. Когда-то здесь стояла гордая крепость, и ее властные хозяева контролировали все окрестные земли, собирая с их жителей дань зерном, скотом и людьми. Потом была война, орды захватчиков, штурм и огонь, пожравший последних защитников. С тех пор прошло много веков, и все это время лишь ветер да птицы гостили в мертвых руинах.

Конь влечет меня туда. Поднимаюсь по склону, сажусь на обломок скалы. Внизу лежит широкая долина, окаймленная горами. За спиной высятся пики Гиндукуша. Небо украшено «кошачьими хвостами» – завтра будет ветреный день.

Освобождаю коня от капроновой удавки, кладу его на теплую поверхность камня – и мгновенно исчезаю во временной воронке...

На этот раз погружение в прошлое происходит иначе, чем всегда. Я испытываю совсем другие ощущения, по-другому чувствую, вижу, думаю. Раньше я был всего лишь зрителем, безмолвным свидетелем великой исторической драмы, разыгранной передо мной неизвестным режиссером. Сейчас я – ее участник.

Сначала приходят звуки. Тихое потрескивание пламени в масляных лампах, шум ветра за окном, далекое конское ржа-

ние. Потом – запахи. В комнате, где я нахожусь, пахнет благо-
вониями, кожей, гарью и уксусом.

Глаза мои начинают видеть. Я в богато убранных покоях –
всюду ковры, сундуки с резными крышками, каменные стены
занавешены шелковыми занавесями. Небольшие окна забраны
изящными коваными решетками.

Наконец, я ощущаю свое тело. И тут мне становится страш-
но. Страшно, потому что это тело старика. Я – старик. Грузный,
неповоротливый старик. У меня болят ноги, ломит поясницу.
Трудно дышать.

Что происходит? Кто я? Где я? Зачем?

Не успеваю найти ни единого ответа на эти вопросы – и тут
же получаю их все. Лавина чужих воспоминаний обрушивается
на меня. Некоторое время в голове царит хаос. Все переме-
шалось в страшной круговерти. Из прошлого, как из бурливого
потока, уносящегося в вечность, выныривают то оскаленные
лица воинов, то морды загнанных коней, то картины давно ми-
нувших битв. Постепенно ко мне возвращаются способности
мыслить, рассуждать и анализировать. Быстро перебрав свои
новые воспоминания, я начинаю догадываться, чьими глазами
я теперь вижу и в чьей памяти копаюсь.

Чингисхан Темуджин Кият-Борджигин. Сирота, нищий из-
гой, колодник, степной грабитель, ставший в итоге Потрясате-
лем Вселенной.

Он умирает... Он – или я? Мы теперь слиты воедино, мы –
одно существо, точнее, одна сущность, один разум.

Я умираю. Так будет точнее. Мне шестьдесят пять лет. Все
эти годы я старался, чтобы мои подданные жили в мире. Но
мир возможен только в одном случае – если твои враги мертвы.
А врагов оказалось много, очень много. Битвы, походы, снова
битвы и снова походы – так прошла моя жизнь. Теперь владе-
ния мои простираются так далеко, что если выехать из их цен-
тра, то путь до границы займет целый год.

Но дело мое не закончено, нет! Мирная жизнь далека, как мираж в пустыни. За границами подвластных мне земель есть новые враги. Их участь уже предрешена – они или склонятся перед моим девятихвостым тугом, или погибнут.

Жаль, я не увижу последнего похода. Жаль, что Великий мир на земле наступит уже без меня. Но дети мои и внуки и дети внуков сполна вкусят блага моих деяний. Я рад этому. Мне не страшно умирать. Жизнь моя прожита не зря. Только что я говорил со своими сыновьями, Толуем и Угэдэем. Я сказал им:

– Дети мои! Близок конец моего жизненного пути...

Я хотел сказать эти слова всем моим сыновьям, но Джагатай сейчас далеко отсюда, замиряет непокорных на берегах великой реки Хуанхэ, а Джучи, мой старший, властный, суровый Джучи... Увы мне, я не уберег его. Ныне он охотится в небесных угодьях, и Вечное Синее небо стало его отцом.

Своим преемником я назвал Угэдэя. Он не самый старший из братьев. Он не самый искусный в военном деле. Он не самый сильный телом и духом.

Но в нем единственном проявилась кровь Борджигинов. Угэдэй похож на меня в молодости. Впрочем, за одно лишь это я не стал бы доверять ему бразды правления. Угэдэй умен и рассудителен. Гнев его спрятан глубоко, а карающую руку он держит за спиной, вытянув вперед руку дарующую. Он будет хорошим государем над всеми монголами – и прочими народами.

Весть о моей кончине Угэдей и все остальные получают сегодня поздно ночью. Я слышу шаги, осторожные, мягкие шаги.

– Учитель, – тихо зовет меня вошедший. Это Елюй Чу-сай. Меня всегда смешила эта его манера называть меня «Учитель». Я знаю – на его родине так принято обращаться к тем, кто старше. На самом деле это он – мой Учитель. Учитель, советник, по-

мощник и единственный после предательства Джамухи друг. Нет, не друг – у Потрясателя Вселенной не может быть друзей – но человек, которому я могу доверить свою жизнь.

– Учитель, – повторяет он. – Все готово. Ваш экипаж ждет...

Экипаж! Надо же! Я, Темуджин, рожденный монголом, дожил до того, что разъезжаю в экипажах, как какой-нибудь цзиньский вельможа. Но так надо – наглухо задернутые занавеси на окнах скроют меня от любопытных глаз.

Поднимаюсь, надеваю простой войлочный плащ, такой, как был у отца. Елюй Чу-сай хочет мне помочь и получает удар локтем. Я не собирался бить его, просто не надо мешать, когда Потрясатель Вселенной одевается. Да, я старик, но я Темуджин из рода Борджигинов!

Накидываю на голову клобук из конского волоса, полностью скрывающий лицо. У нас на Керулуне такие носят, чтобы защититься от гнуса. Елюй Чу-сай идет впереди, зорко поглядывая по сторонам. Дневные стражники-турхауды стоят на лестнице с мечами наголо. Они не смотрят на меня. Турхауды кланяются только своему повелителю, Чингисхану. Человек в войлочном плаще и клобуке на голове для них – никто. Это хорошо.

Возок ждет во дворе. Тут уж без помощи Елюй Чу-сая мне не обойтись – ноги совсем не гнутся. Черная лакированная дверца закрывается, возница нахлестывает коней. Две сотни воинов поджидают нас за дворцовой оградой. Этих людей отбирал мой советник. У них вырезаны языки. Они способны сражаться даже мертвыми. Среди безъязыких нет ни одного монгола.

Мой последний поход начался.

На четвертый день пути мы подъезжаем к двум простым пастушьим юртам, примостившимся на уступе безымянной горы в отрогах восточного Тянь-Шаня. В это самое время пышная похоронная процессия с моим гробом подъезжает к главной ставке, Каракоруму. Там состоится погребение Чингисхана.

Всех возниц и слуг, сопровождавших меня в дороге, убивают. Чистый горный воздух бодрит мое дряхлое тело, не дает спать по ночам. Я лежу, укрывшись шубой из меха ирбиса, сжимаю в руке фигурку Волка, смотрю в темноту и вспоминаю китайского мудреца Чань-Чуня.

Мне сказали, что это самый ученый человек во Вселенной. Чань-Чунь прожил в моей ставке несколько лет. Мы часто беседовали. Он говорил занятные вещи об устройстве мира, о богах и героях прошлого, о человеке и его месте на Земле. Но я хотел услышать от мудреца главное – как достичь бессмертия. Смерть не страшила меня, нет. На небе меня ждали предки, ждал отец, шаман Мунлик и многие другие хорошие люди. Совсем другой страх овладевал мною, когда я думал о своей кончине.

Я не завершил земных дел. Я не покорил все земли и все народы. Всеобщий мир можно установить, только если все люди будут жить по одному закону и подчиняться одному правителю. Я создал такой закон, Великую Ясу Чингисхана. Я был таким правителем. Но земных дней моих не хватило, чтобы исполнить задуманное. Именно поэтому еще пятнадцать лет назад я повелел всем своим подданным искать средства, дарующие вечную жизнь.

Множество лекарей, знахарей, ведунов, шаманов, предсказателей и монахов побывало у моих ног. Помню одного хорошанца, старца с выкрашенной хной рыжей бородой, который принес мне стеклянный сосуд с водой. В воде плавали живые черви.

– Смерть, о, повелитель, наступает от того, что черви, живущие в теле человека, выедают его изнутри, – сказал он. – Я нашел лекарство против червей. Это шарики, скатанные мною из сурьмы, ртути и кристаллов серы. Смотри – я бросаю в сосуд один шарик и...

Черви действительно быстро погибли, и вода стала чистой. Поначалу я заинтересовался снадобьем хоросанца, но прежде чем проглотить первый шарик, приказал собрать из окрестных земель – а дело было в хорезмийском Мавераннахре – сотню стариков и испытать снадобье на них.

Все, кто проглотил хотя бы один шарик, через день умерли в страшных муках. Тогда я велел двум крепким воинам держать знахаря из Хоросана, и сам накормил его черными шариками досыта. Перед смертью хоросанец открыл свое истинное лицо. Брызгая кровавой слюной, он посылал на мою голову проклятия и клялся своим мусульманским богом, что его господин Джелал-ад-Дин доберется до меня и отрежет голову.

Отчаявшись обрести бессмертие, я спросил о нем у Чань-Чуня. Старый китаец развел руками.

– Господин, бессмертие есть только у души. Чем чище и совершеннее душа, тем ярче и возвышеннее будет твоя следующая жизнь.

– Душа подобна пару, – ответил я мудрецу. – Пар есть – но его нет. Он бесплотен и бессилен. В таком бессмертии нет смысла.

И тогда Чань-Чунь дал мне шкатулку, высланную изнутри мехом звездного соболя. В ней лежал конь из серебристого металла. Я сразу понял, что он сродни моему Волку, но не имеет такой силы. Конь – всего лишь сосуд, способный сохранить слова и мысли, чтобы передать их другому.

Старец рассказал мне о древних богах, в незапамятные времена создавших подобные фигурки. У каждой из них есть особый дар. Волк, например, вызывает страх у врагов, а Конь может передать некое послание и привести своего обладателя к назначенному месту. Еще Чань-Чунь предостерег меня против демонов с прозрачной кожей и их помощников-людей.

– Они охотятся за фигурками. Бойся их, повелитель, – сказал он.

Я ответил, что боюсь только гнева Вечного Синего неба. Тогда Чань-Чунь объяснил, как использовать Коня. Кроме того, он вручил мне мешочек с «крупинками вечности». После этого Чань-Чунь попросил отпустить его домой.

Я щедро наградил мудреца, но он отказался от золота и драгоценностей. Вместо этого он начал умолять меня сохранить жизнь тысячам пленных китайцев, захваченных при штурме цзиньских городов. Елюй Чу-сай посоветовал мне выполнить просьбу Чань-Чуня. Помимо этого я освободил всех ученых монахов-даосов от налогов. Это была хорошая плата за Коня и крупинки.

Четыре года шкатулка и мешочек хранились в моей сокровищнице. Четыре года неотложные дела не давали мне возможности приступить к исполнению задуманного плана. И только когда я, монгол, от слабости упал с лошади во время охоты, стало ясно, что медлить больше нельзя. И все же я старался успеть сделать как можно больше в этом времени. Но холодеющие руки и ноги, ночные удушья и бессилье по утрам дали мне понять – все, я стою у самой черты, за которой нет ничего, лишь тьма забвения.

И тогда я позвал Елюй Чу-сая и рассказал ему о том, что собираюсь сделать...

Елюй Чу-сай приезжает на одиннадцатый день. Он очень устал, проделав без остановки путь из Каракорума до этих безвестных гор.

– Говори! – приказываю я ему.

– О, Учитель, все было сделано именно так, как вы и задумали. Камни, изображающие ваше тело, мы положили в полированный гроб из горной сосны, его поместили в гроб из серебра, а его – в золотой гроб. Десять тысяч богатырей-

турхаудов скакали впереди процессии, убивая всякого встречного, будь то человек или зверь, чтобы враги до поры не прослышали о вашей кончине. По прибытии к подножью Хангая нас ожидали сотни тысяч монголов и людей иной крови, собравшихся, чтобы в последний раз поклониться вам. Сто больших телег, полных золота, отвезли мы к могиле вашей. Сто лучших степных скакунов забили мы. Сто самых прекраснейших дев легли в гробницу рядом с конями. Наконец, сто сильнейших багатуров добровольно дали убить себя, чтобы охранять своего повелителя в другой жизни. Никто из смертных, кроме меня, ваших сыновей и ближайших полководцев не знает, где находится могила. Тридцать три раза прогнали мы табуны лошадей по той долине, чтобы ничто не указывало на место захоронения. Все землекопы, все возчики и слуги, помогавшие нам, убиты. Сотни воинов, что несли дозоры на окрестных горах, так же убиты. Убиты и те, кто убивал их. Тайна вашего погребения, Учитель, будет сохранена в веках.

– И в веках же будет жить легенда о могиле Чингисхана! – хочу я, довольный рассказом советника. – Глупцы станут тратить свои жизни на то, чтобы найти сокровища и мои останки. Им невдомек, что гроб пуст, а главное свое сокровище – Волка – я не отдам никому и никогда!

Открываю шкатулку и извлекаю из нее Коня. Елюй Чу-сай внимательно следит за мной. Я сжимаю фигурку в кулаке, закрываю глаза и проделываю то, чему научил меня Чань-Чунь. Потом кладу фигурку обратно и передаю шкатулку советнику.

– Храни ее как зеницу ока.

– Да, Учитель.

– Когда придет время, твой потомок – а кому, как не ему, отпрыску умнейшего человека на земле, доверить это право? – узнает место моего настоящего упокоения. Конь подскажет,

Конь приведет. Ледяная пещера под водопадом надежно сохранит мое нетленное тело. Воскреснув, с помощью Волка я довершу то, что не успел в этом времени.

– Да, Учитель.

– Ну, вот и все. Осталось лишь принять снадобье Чань-Чуня, дарующее бесконечный сон. Колода готова?

– Все готово, Учитель.

Елюй Чу-сай кланяется и уходит. Я в последний раз остаюсь один. Вечное Синее небо, дай удачи исполнить задуманное! Вспоминаю слова, пришедшие мне на ум, когда я только начал творить мир в степи: «Боишься – не делай, делаешь – не бойся...». Прошло почти полвека, а ничего не изменилось. Я вновь стою у края ковра судьбы. Надо сделать всего лишь шаг...

Советник возвращается.

– Учитель, пора! Солнце клонится к закату.

– Вечное Синее небо... Я пожелал, чтобы твой потомок узнал мою тайну в самом пустынном месте державы, у подножия Гиндукуша.

– Там, где погиб ваш внук Мутуген.

– Да, там, где погиб единственный за все время моих деяний Чингизид. Прощай, Елюй Чу-сай.

– Прощайте, Учитель. Я в точности исполню вашу последнюю волю.

Выхожу из юрты. На земле лежит огромная кедровая колода. Кадки с горным медом стоят поодаль. Дрожащими пальцами кладу в рот «крупинку вечности». Люди, на которых я опробовал действие этого снадобья, спят уже четыре года. Он живы – но выглядят как мертвецы.

Безъязыкие застыли по обе стороны. Они не смотрят на меня. Им еще предстоит великий труд – взять колоду с моим телом и отвезти ее к подножью Повелителя неба, великой горы Хан-Тенгри. Там, под водопадом, низвергающимся с голой скалы,

находится вход в потаенную пещеру. Это подгорное царство вечного льда, сокрытое от людских глаз. Моя усыпальница, моя последняя, ледяная юрта. Волк разделит со мной века ожидания.

Никто из безъязыких не догадывается, что все эти дни они вместе с пищей принимали медленный яд. Через месяц все, кто знает о пещере Хан-Тенгри, умрут. Тайна будет сохранена. Это хорошо.

Взор мой затуманивается, ноги слабеют. Воины по знаку Елюй Чу-сяя подхватывают мое тело и укладывают в колоду. Из кадок на ноги льется тягучий янтарный мед, что поможет сохранить мое тело нетленным. Он пахнет цветущими травами. Это запах детства, и я на мгновение словно переносусь в урочище Гурельгу, вижу свою мать, братьев и Вечное Синее небо над нашей дырявой юртой.

Мрак стирает видение. Я крепко сжимаю Волка и...

...чувствую, как мне на лицо льется вода. Теплая, пахнущая металлом, но вода! Она затекает в нос, в уши, в глаза. Я открываю их, но вижу плохо – все вокруг расплывается бесформенными кляксами. Мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя и убедиться, что все закончилось, что я – Артем Новиков, советский гражданин, солдат-десантник, а не древний завоеватель, покоривший полмира...

Вытираю лицо и вижу склонившегося надо мной человека. Против воли бормочу:

– Ну ни хрена себе!

– Жизнь – странная штука, Артем, – согласно кивает Нефедов. Я опять узнал его не сразу. На этот раз самый молодой в Союзе профессор облачен в стеганный халат, на ногах – пыльные сапоги, голову венчает афганская шапка паколь. Поодаль, понуриив голову, стоит навьюченный ослик. Из тюка на его спине торчит винтовочный ствол. «Ли-Энфильд». Вот это номер...

– Третья случайная встреча, – я слизываю с запекшихся губ капли воды, сажусь, привалившись спиной к камню. Украдкой прячу фигурку коня в карман.

– Случайность, как известно, – частный момент закономерности, – произносит Нефедов, развязывает дорожный мешок, достает лепешки, сыр, банку тушенки, какую-то подвядшую зелень. – Выпьешь?

– Давай.

Он протягивает армейскую фляжку. Зажмуриваюсь и делаю длинный глоток. Самогон. Неплохой, настоянный на травах. Сивухи почти нет. Усаживаюсь поудобнее возле импровизированного дастрахана, отламываю лепешку. Нефедов ловко вскрывает тушенку. Он изменился. На лице загар, снова отросла борода. Но главное – он теперь совсем не похож на того нервного чудака-историка, каким я его увидел в номере 717 гостиницы «Татарстан».

Передо мной – уверенный в себе, решительный мужик с манерами геолога-полевика. Утолив голод, задаю вертящийся на языке вопрос:

– Как ты меня нашел?

Вместо ответа Нефедов вынимает из-за пазухи сложенный лист пожелтевшей бумаги, разворачивает и показывает мне. Вижу изображения животных, птиц и рептилий, соединенных стрелками. Ага, теперь понятно, кто купил альманах у Соломона Рувимовича. И что из этого следует?

– Да ты спрашивай, спрашивай, – Нефедов улыбается, выживая ножом из банки куски мяса. – За спрос денег не берем!

Вопросов у меня, конечно же, масса. Но и ответов хватает. Я теперь, после того, как смотрел на мир глазами Чингисхана, вообще знаю очень много такого, что неподвластно разуму обычного человека.

Я видел последние дни Потрясателя Вселенной.

Я знаю тайну Чингисхана.

Знания ложатся на меня непомерным грузом, и мне еще предстоит понять, что со всем этим делать...

Солнце клонится к закату. Вся равнина внизу испятнана черными теньями. Нефедов отхлебывает из фляжки, достает сигареты и выжидательно смотрит на меня. Ощущаю себя сапером – один неверный шаг, точнее, неверная фраза... С другой стороны, запутанные узлы нужно рубить сразу. Собравшись с духом, все же спрашиваю:

– Я разбужу Чингисхана, и мы завоюем весь мир?

Улыбка вновь разрезает бороду Нефедова.

– Я стану Чингисханом?

Нефедов на минуту задумывается, потом резко оборачивается ко мне и произносит:

– Нет!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

10 вопросов автору о «Чингисхане»

1. Почему именно Чингисхан?

Уже тот факт, что этот великий завоеватель признан «Человеком тысячелетия», говорит о многом. Чингисхана нельзя рассматривать однозначно – только как предводителя варварских орд и разрушителя. Во многих странах он – национальный герой. Мне было очень интересно попытаться взглянуть на событиях тех далеких веков глазами их участников, и в особенности – глазами Чингисхана, чтобы понять, что им двигало, что заставило его стать Потрясателем Вселенной.

2. Почему конь привел Артема в Афганистан?

Это связано с тем, что человек, который должен разбудить Чингисхана, обязан быть решительным, сильным телом и духом воином. Подобные качества можно приобрести только на настоящей войне. В период, описываемый в романе, Советский Союз в разной форме участвовал в боевых действиях в Анголе, Эфиопии и Афганистане. Две первые страны находятся слишком далеко от горы Хан-Тенгри. Так что выбора у меня не было – только Афганистан.

3. Артем пообещал купить Андрюше Гумилеву мячик. Купит?

Исходя из особенностей характера Артема, можно не сомневаться – купит непременно. А я, как автор, постараюсь сделать все для того, чтобы они в будущем обязательно встретились.

4. Почему Артем отказался «встать в один строй с товарищем Дзержинским, с товарищем Урицким, с товарищем Андроповым, в конце концов» и так «невежливо» отреагировал на предложение стать информатором госбезопасности?

Тут все просто: любого советского человека воспитывали на культе героереволюционеров. Во всех книгах и фильмах о революции и гражданской войне не было худших персонажей, чем доносчики, провокаторы и филеры. Совершенно логично, что отношение к сексотам КГБ в обществе было, мягко говоря, негативным – ведь стукач всегда стукач, вне зависимости от того, кому он служит.

5. Чингисхан окружен волшебниками: мудрый старец Чань-Чунь, верный советник Елюй Чу-сай. Как вы их всех придумали?

Я никого не придумывал. История дает широчайшее поле для фантазии, надо только суметь ею правильно воспользоваться. В исторической части книги все персонажи – реально жившие когда-то люди. Об их деяниях нам известно из литературных памятников; в случае с Чингисханом это, например, «Сокровенное сказание монголов» и труды Рашид Ад-Дина. Все, что написано про Чань-Чуня в книге – чистая правда.

6. Борте в самом деле играла столь значимую роль в жизни Чингисхана? Вроде бы восточные женщины не должны вмешиваться в дела мужчин?

Начнем с того, что под восточными женщинами мы сейчас понимаем мусульманок. Монголки двенадцатого века, современницы Чингисхана, были слеплены из совсем другого теста. Они наравне с мужчинами пасли скот, скакали на лошадях, стреляли из лука, не зря мать Чингисхана Оэлун имела прозвище Мерген, что значит меткая. Что касается Борте, то она была старшей – и главной – женой Потрясателя Вселенной, и он на протяжении всей жизни прислушивался к ее советам. Это исторический факт. И только сыновья Борте – Джучи, Джагатай, Удэгей и Толуй – были наследниками Чингисхана и получили земли в свое управление. Всего же у Чингисхана имелось, по оценкам разных исследователей, от 700 до 3 000 жен. Сегодня генетики говорят о семидесяти миллионах его потомков, рассеянных по всему свету.

7. Чингисхан действительно убил своего брата Бектера?

Увы, такими были в ту пору нравы. Хотя разве человеческая природа за прошедшие века претерпела качественное изменение? Достаточно посмотреть любую криминальную хронику, чтобы столкнуться с подобным преступлением. Другое дело, что побудило юного Темуджина пойти на братоубийство? Он руководствовался принципом меньшего зла. Если бы Бектер донес, где скрывается семья Есугей-багатура, их всех ожидала бы неминуемая смерть.

8. Почему Артем так резко поступил со своей девушкой? Неужели ему не жаль Надю?

Артем в данном случае всего лишь избавился от того, что могло помешать ему на пути воина. Конь изменил характер нашего героя, сделал его жестким и решительным человеком. Чувства, сантименты, любовь для таких людей отходят на второй план, делаются менее значимыми. Но не исключено, что Артем просто хотел обезопасить Надю, вывести ее из-под удара, который уже обрушился на него.

9. Кто такой профессор Нефедов?

Это во многом загадочная личность. С одной стороны он – действительно ученый, историк, востоковед, ученик Льва Гумилева. С другой – он постоянно следит за Артемом, а, следовательно, знает о предметах и их свойствах гораздо больше, нежели обычный человек. Нефедов явно охотится за Волком, но вот с какой целью? Возможно, он хочет разбудить Чингисхана, а возможно – занять его место.

10. В книге «Миллиардер» упоминается олигарх Михаил Беленин. У вас так зовут комсорга факультета, на котором учится Артем. Это случайное совпадение?

Нет, конечно. Это один и тот же человек. И он еще не раз появится на страницах книг проекта «Этногенез».

Александр Зорич

Сомнамбула

Книга первая

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СОЛНЦЕ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

ЭПИЗОД 1

Последний звонок

Февраль 2468 г.

Город Королев, Академия Космического Флота имени В. Чкалова

Планета Луна

– Итак, господа кадеты... – доцент кафедры теории и практики противодействия глобальному экстремизму Мицар Егорович Жуматов провел ладонью по своей обширной лысине и окинул аудиторию усталым отеческим взглядом. Семинарское занятие подходило к концу. Вместе с ним подходил к концу семестр, а заодно и полный цикл обучения сидящих перед ним воспитанников Академии Космического Флота. – Вот вам последняя задачка.

По аудитории пробежала волна смутного оживления: прилагательное «последний» бодрило и звало, как выражались будущие пилоты, «на волю, в пампасы».

– Дано, – начал Жуматов с расстановкой. – На борт вашего корабля доставлены трое раненых в гражданских скафандрах без знаков различия. Каждый имеет проникающее ранение средней тяжести, сопровождающееся обильным кровотечением. Известно, что один из троих – штабной офицер пиратской группировки «Танцоры вечности». Кто – неясно. Вопрос: как с наименьшими затратами времени определить, кто именно пиратский офицер?

Ожидая ответа, Жуматов скользнул взглядом над стриженными головами сидящих за одиночными партами кадетов.

Пауза длилась неожиданно долго, хотя задачка, по мнению Жуматова, вовсе не была трудной.

Впрочем, Мицар Егорович понимал: не о пойманной сволочи из шайки «Танцоры вечности» думают сейчас молодые орлы выпускники. А о близких госэкзаменах, о соревнованиях по боевому троебрю, о распределении, о женитьбе, в конце-то концов...

Наконец полностью синхронно поднялись две руки. Глаза Жуматова азартно заблестели.

– Отвечайте вы, Марципанов.

Марципанов – низенький, широкоплечий и курносый – обстоятельно начал:

– Ну, значит так, господин майор. Я бы попытался оказать на фигурантов психологическое давление... Но поскольку это почти наверняка ничего не даст, – Марципанов виновато развел руками, – то я бы ввел всем троим психоактивное вещество. «Рутения-Б» или даже «Галапагос», чтобы наверняка.

Глаза Жуматова погасли. Он не перебивал Марципанова, который, как всегда, не блистал, но ему с первого же междометия было ясно: ответ неправильный.

– «Сыворотка правды» подействует, воля отключится, мы опросим каждого, и вот тогда-то узнаем, кто там пиратский офицер! – торжествуя закончил Марципанов.

– Садитесь, спасибо. Есть другие версии? Можно вслух, без руки.

– Есть, Мицар Егорович! – бодро отрапортовал с задней парты лучший студент группы Гумилев.

– Опять вы, Матвей, – обреченно вздохнул Жуматов. – Впрочем, раз других желающих нет...

Гумилев встал во весь свой немалый рост, покосился на Марципанова и заговорил – быстро, дельно, словно бы куда-то опаздывая:

– У штабного офицера группировки «Танцоры вечности» кровь должна быть голубого цвета.

– А как ты узнаешь, голубого она цвета или какого? Резать каждого будешь, что ли? – возмущенно пробасил с места Марципанов.

– Внимательно слушать надо было условия задачи, – примирительно улыбнулся Гумилев. – Сказано же: у всех фигурантов – ранения и кровотечения.

– А-а, действительно, было такое! – Марципанов хлопнул себя по лбу. Мол, «балда я, балда».

Жуматов посмотрел на часы. До звонка оставалось три минуты.

– Садитесь, Гумилев. Все правильно. А теперь пусть кто-нибудь – только не Гумилев! – скажет мне, отчего у офицеров группировки «Танцоры вечности» голубая кровь.

Руку сразу поднял Прусаков – невысокий, с мелкими чертами на узком крысином лице молодой человек. Он был родом с Земли, из неудобопроизносимого захолустья.

Жуматов припоминал, что у этого Прусакова какие-то давние трения с Гумилевым. Доходило даже до дуэли, из-за которой обоих едва не выгнали. И выгнали бы, кабы не вмешательство влиятельных персон.

За Прусакова хлопотал его отец-бизнесмен. А за Гумилева – один весьма уважаемый генерал, без комментариев которого не обходится ни одна аналитическая программа на военно-космические темы.

Все это по секрету рассказала Жуматову офицер-секретарь деканата Нелли, на которую майор давно имел матримониальные виды.

– Говорите, Прусаков, – поощрил кадета майор.

– В крови «Танцоров вечности» повышенное содержание меди, связанное с намеренным и многолетним приемом ряда стимулирующих агрессивность препаратов!

– Точно так! – обрадованно сказал Жуматов. – Что ж, кое-чему я вас научил... И, если верить часам, пришло время прощаться, – голос майора дрогнул. – Господа кадеты! Через две минуты заканчивается последнее занятие девятого семестра. Мне нравилось работать с вами. Я, представьте себе, многому у вас научился! Ведь известно, что старый лис научится большему у юного простака, чем юный простак у старого лиса...

В аудитории заулыбались. Мицар Егорович, с его глазками-бусинами, редкими усиками над верхней губой и длинным острым носом, и впрямь чем-то напоминал видевого сотни хитроумных капканов и пережившего добрую дюжину хвастливых охотников старого лиса.

– В общем, господа кадеты, я желаю вам успешной сдачи экзаменов, лихого боевого троеборья, удачного распределения и... до встречи на выпускном банкете! – как ни старался майор выглядеть каменным, в глазах у него все равно блеснули слезы.

Дождавшись, когда майор закончит, сидевший за крайней правой партией первого ряда старшина группы Кондаков вскочил и, четко, строевому развернувшись к аудитории, скомандовал:

– Группа, встать! Смирно! К прощанию с господином майором приготовиться!

Кадеты четко, как на параде, повиновались.

– Большое! Спасибо! Дорогой! Мицар! Егорович! – единой громкой волной пророкотали тридцать глоток.

И в этот миг тишину за дверью аудитории вспорол оглушительный звонок, звуки которого, впрочем, мигом утонули в неровном «Славься, славься!», грянувшем с улицы через распахнутое окно. Там, готовясь к церемонии вручения офицерских патентов, репетировал самодеятельный духовой оркестр.

Согласно давней академической традиции на каждом учебно-боевом корвете был крупно написан не только тактический номер, но и фамилия кадета.

Никто уже не помнил, зачем это сделано.

Но версий гуляло много. Что, мол, такая мера помогает привыкать к ответственности. Стимулирует хозяйскую заботу о машине. Помогает ориентироваться посредникам-наблюдателям боевого троеборья (будто бы уникальной радиосигнатуры каждого кадета недостаточно!).

На начальном этапе боевого троеборья выпускники Академии Космического Флота имени Валерия Чкалова должны были участвовать в гонке по маршруту Луна – Земля. Условия этого этапа были предельно простыми: чем быстрее ты долетишь до полигона «Гольфстрим», расположенного на геостационарной орбите Земли, тем лучше.

Причем траекторию движения и режимы полета ты выбираешь для себя сам.

Желаешь мучиться поначалу десятикратными перегрузками, но зато потом меньше возиться с коррекциями орбиты – пожалуйста.

Хочешь использовать Луну в качестве гравитационной пращи – твое дело.

Хочешь – о безумец! – экстренно тормозиться на конечном участке траектории при помощи верхних слоев атмосферы Земли – флаг тебе в руки!

Матвей не был бы Гумилевым, если бы не выбрал последний вариант. В случае успеха он позволял с гарантией опередить осторожничающих одноклассников на девятнадцать с половиной минут.

В случае же неудачи Матвей рисковал сгореть в атмосфере Земли вместе с разваливающимся на куски корветом где-то над южной частью Тихого океана. Но интуиция подсказывала: бояться незачем!

Главное, что привлекало Матвея в этом маршруте, – уверенность, что никому из его одноклассников не хватит куражу последовать за ним. Не хватит характера рискнуть.

Поэтому, когда мимо него болидом пронесся корвет, на котором было написано «05 Прусаков» – аппарат его заклятого врага – возмущение Матвея не знало пределов!

Вражда Гумилева и Прусакова длилась не первый год.

Началась она, как водится, из-за женщины. Ее звали Евгения. Она преподавала пение в местной средней школе. Евгения была старше обоих соперников-кадетов на двенадцать лет и растила двоих детей, то разъезжаясь, то съезжаясь с полуреальным мужем-экспедитором... Увы, ни Прусакова, ни Гумилева ни одно из этих обстоятельств не остановило.

Должен был пройти год, наполненный вязкими и липкими, как конфета-тянучка, отношениями, чтобы Гумилев честно признался себе: его интересует не сама Евгения и даже не ее несомненные достоинства, а возможность утереть Прусакову, до безумия влюбленному в Евгению, его кривой, жирно лоснящийся нос. Однако, когда он осознал этот факт (не без помощи штатного психоаналитика Академии доктора Угрюмова), ситуацию было уже не поправить.

Так и повелось: Евгения любит его, Матвея Гумилева, Прусаков любит Евгению и ненавидит своего соперника Гумилева, и лишь один бесчувственный Матвей никого не любит, устал от всей этой нездоровой кутерьмы и не знает, на какую кнопку нужно нажать, чтобы все это поскорее прекратилось, возвратилось к точке «ноль», да и существует ли вообще такая кнопка...

Однако вражда враждой, но зачем же вести себя как самоубийца?!

Матвей схватил тангенту УКВ-связи и, едва не откусив от нее кусок, прорычал:

– Геннадий, не дури! Сейчас же начинай тормозной маневр!

Ему не ответили. Но Матвей не сдавался.

– Геннадий, до мезосферы – семнадцать секунд лету. При твоей скорости – термозащита прогорит к чертям собачьим! Прогорит насквозь, понимаешь?

Наконец в эфире зашелестел вкрадчивый голос Прусакова. В нем слышались презрительные нотки:

– Ты всегда был слабаком, Матвей... Тебе меня не понять!

Хотя Матвей был до крайности сердит, его благоговение перед порядком и дисциплиной удержало его от того, чтобы прибавить тяги. Он даже смог воздержаться от хлесткого ответа грубияну Прусакову.

Хотя, казалось бы, сама ситуация требовала этого ответа. Матвей мысленно досчитал до десяти – как учила его рассудительная мама – и сказал в микрофон ледяным голосом:

– Как вам будет угодно, кадет Прусаков.

Вслед за чем отключился.

«Сгорит? Значит туда ему и дорога. Обеспечит минуты чистой радости для пытливых школьников из астрономического кружка...»

В следующий миг корвет Прусакова, опередивший аппарат Матвея на двадцать километров, уже врубился в верхние слои атмосферы Земли. Ярчайший плазмOID, распустившийся по кромке его термощита, стал видим невооруженным глазом. Этаким иссиня-красный георгин.

Еще через три секунды то же случилось и с корветом «03 Гумилев».

Тут же заверещала истеричная система термоконтроля. Караул! Сейчас обуглимся!

Более флегматичный борткомпьютер повел отсчет убывания толщины «бутерброда» спасительного термощита.

«Сорок один... сорок и пять десятых...»

«Тридцать девять... тридцать шесть...»

Чем тоньше щит – тем выше температура на обшивке.

«Двести шестьдесят градусов... Двести восемьдесят... Триста пятьдесят...»

«Если у меня такой перегрев, то что же там у идиота Прусакова? Вообще духовка?! Будет у нас Прусаков табака... Или, точнее, запеченный в фольге».

Подтверждая его наихудшие опасения, в лобовое стекло корвета Матвея полетели малиновые от перегрева ломти прусаковского термощита.

«О, Господи!» – сердце Матвея сжалось.

Конечно, он терпеть не мог Гену Прусакова.

Даже когда-то – накануне дуэли – желал ему смерти.

Потом его чувства притупились. Фальшиво-развязный и мстительный Прусаков стал ему просто неприятен. Пожалуй, злил, вызывал презрение, а иногда, чего там, и отвращение. Но не до такой же степени, чтобы...

В тот день, однако, Бог хранил безумца.

Более того, на огневой рубеж полигона «Гольфстрим» Прусаков пришел быстрее Гумилева и всех прочих соревнующихся, выиграв тем самым первый этап боевого троеборья.

Поглядывая направо, на располосованные гарью бока корвета Прусакова, Гумилев после недолгого облегчения («Все-таки жив!») испытал укол зависти. Те секунды, которые не решился отыграть он, отыграл своей безумной отвагой его враг!

«Что ж, еще не вечер!» – Матвей решил полностью сосредоточиться на втором этапе троеборья.

На полигоне учебно-боевые задачи были достаточно сложными.

Для начала нужно было отыскать на фоне помех и среди различных списанных кораблей пять крохотных неподвижных целей, изображающих космические мины, и расстрелять их из скорострельных плазменных пушек «Алтай», установленных на носовой турели.

Что будет дальше, никто из кадетов точно не знал. Вводная должна была поступить от посредников-наблюдателей после выполнения первого этапа стрельб.

Матвей включил на полную мощность поисковый радар переднего обзора и громко выругался – благо его никто не слышал. Весь тактический экран был загажен пометками – ложных целей отцы-экзаменаторы не пожалели!

Он стал еще злее, когда взглянул на корвет Прусакова и увидел, что тот уже всю пуляет из своих «Алтаев». Стало быть, соперник уже успел определиться и отсеял ложные цели!

«С другой стороны, он мог попросту ошибиться. А теперь впустую тратит ресурс стволов и время», – саркастично заметил вечный оппонент Матвея-торопыги – Матвей-рационалист.

В общем, Матвей решил действовать наверняка. И запустил для начала с левого внутреннего пилона ракету-разведчик.

Та уверенно двинулась вперед, раскрыв на шести выносных штангах дюжину скоррелированных телескопических сенсоров.

Тем временем Матвей сверился с показаниями тепловизора и радиометра. Это позволило ему сузить круг поиска до пятнадцати объектов, на которых и сконцентрировалась ракета-разведчик по его приказанию.

Совсем скоро он уверенно опознал все пять мин. А уж уничтожить их было делом минутным!

Суетливый Прусаков еще возился, а Матвей уже выслушивал долгожданную вводную от посредника-наблюдателя.

По правилам троеборья посреднику следовало быть персоной анонимной. Но чуткий Матвей сразу же узнал в бархатном баритоне, льющемся из динамика, голос преподавателя летной подготовки по фамилии Фаронов. Гумилев едва сдерживался, чтобы привычно не назвать собеседника по имени-отчеству – Павлом Петровичем.

– Значит, так, кадет Гумилев. Вторая группа целей – авиетки, условно пилотируемые условным противником на пеленге двести семьдесят от китайской орбитальной станции проекта «Шаньтоу». Эту станцию вы должны отчетливо видеть на своем радаре со склонением минус шестьдесят! Как поняли задачу?

Матвей сверился с тактическим экраном и уточнил:

– Намерен ли условный противник атаковать станцию? Или целью будет являться мой корвет?

– А вот это, голубчик, вы в реальном бою наперед никогда знать не сможете! Поэтому думайте что хотите. А самое правильное – думайте худшее!

– Так точно, Павел Пе... э-э... господин посредник!

ЭПИЗОД 2

Позор «Триумфа»

Февраль 2468 г.

*Ротонда, полигон Космического флота
Первая точка Лагранжа системы «Земля – Луна»*

Авиетки были благополучно расстреляны. Покончив с ними, Матвей также разобрал на запчасти две сверхскоростных цели. И теперь, уже порядком измотанный, подходил к так называемой Ротонде.

Эту космическую станцию, подвешенную в первой точке Лагранжа системы «Земля – Луна», знал каждый кадет Академии. Это сюда, к Ротонде, летали первокурсники в свой первый заорбитальный полет. Символично, что и траектория последнего кадетского полета тоже вела сюда, к Ротонде...

Гигантская космическая станция состояла из двух круглых блоков – «шайб», соединенных восемью колоннами.

Вся конструкция действительно походила на исполинскую беседку-ротонду, унесенную в космос могучим антигравитационным смерчем – похожим на тот, что умыкнул в волшебные края домик девочки Элли вместе с самой девочкой и ее песиком Тотошкой.

Каждый из блоков имел три километра в поперечнике и толщину пятьсот метров.

Верхний блок был выкрашен в серебристый цвет, нижний – в золотой.

Маршрут Матвея вел к серебристой части Ротонды.

Эта циклопическая станция была своего рода историческим памятником. Ее построили без малого триста лет назад – во времена, когда терраформирование Луны еще шло полным ходом.

Тогда назначение Ротонды было сугубо утилитарным. В каждую из ее восьми колонн был смонтирован могучий генератор атмосфер. И именно благодаря этим устройствам на Луне стало возможно жить так же привольно, как на Земле, без скафандров и без куполов над городами.

Затем Ротонду превратили в общественно-политический, можно даже сказать культовый, объект. Там проводились последние сессии Организации Объединенных Наций. Затем, когда шикарный зал чуток обветшал – концерты суперзвезд. Позднее в объемах, освобожденных от демонтированных атмосферных и гидросферных заводов, соорудили три спортивных арены. Там гремели финальные битвы футбольных и хоккейных чемпионатов, рекой лились пиво и обсценная лексика.

В прошлом веке спортивное меню было решено расширить. На объединенных аренах Ротонды устроили поля для автобола – стремительно обретающего популярность спорта для самых невзыскательных. Многоосные тягачи, карьерные грузовики, бульдозеры-терраформаторы с Марса сшибались в лязгающем угаре за право завладеть мячом размером со средний дом и гнать его к воротам шириной в проспект.

В конце концов на смену Ротонде, уставшей от оголтелых автобольшаков, пришли станции новых поколений, чьи нарядные ожерелья сейчас украшали орбиты Луны, изученные Матвеем от и до.

А Ротонду убрали подальше, в точку Лагранжа, законсервировали и, считай, забыли.

И если бы ректору Академии Космического Флота не пришла в голову замечательная идея использовать Ротонду как полигон, имела бы она сейчас вид до крайности печальный и жалкий. А так Ротонда по-прежнему глядела бодрячком – этакая старушка-физкультурница на занятиях по аквафитнесу.

– Здесь кадет Гумилев. Прошу разрешения на посадку! – сказал Матвей, подлетая к створу стыковочного коридора.

– Посадку разрешаю, кадет Гумилев, – бесстрастным голосом отвечал незнакомый диспетчер. – Ваш шлюз – номер четыре.

Диспетчер отключился. Заговорил посредник:

– Кадет Гумилев! Согласно правилам боевого троеборья вы, как кадет, занимающий второе место в зачетной таблице по итогам двух первых туров, можете выбрать себе один маршрут из двух. Вы готовы это сделать?

«Второй! Я второй! – радостно застучало сердце Матвея. – Но кто же, черт возьми, первый? Неужели Прусаков? Только бы не он!»

Впрочем, не о Прусакове надо было думать Матвею в ту минуту.

– Я готов совершить выбор, – заверил он посредника.

– Маршруты девять и одиннадцать. Который из них?

«Мне везет! Мне сегодня действительно везет!» – ликовал Матвей.
– Девятый. Я беру девятый!

Для ликования у Гумилева были причины!

Суть третьего этапа троеборья заключалась в преодолении полосы препятствий по заданному маршруту.

Кто быстрее прошел – тот и победил.

Полоса проходила через старый стадион для автобола, где кадета ожидали вначале узкие коридоры и крутые лестницы под трибунами для болельщиков, изобилующие различными ловушками, а затем – ямы, рвы, засасывающие воронки, огненные стены, заполненные технической водой бассейны, техногенные лабиринты и прочие радости начинающего спецназовца.

Разумеется, проходило и проползало все это в экзоброне – герметичном, армированном экзоскелете. Без этого боевого защитного устройства попытка пройти полосу препятствий была чревата гибелью.

Кроме безликих механических врагов и врагов-стихий, у кадета были и живые противники – условные террористы. Этих условных подонков требовалось безжалостно отстреливать – не из боевого оружия, конечно, но вполне всерьез. Потому как датчики попаданий, размещенные на экзоброне, вели учет полученных условных повреждений. За это снимались очки. И со временем компьютер мог счесть твою экзоброню фатально поврежденной, а тебя самого – убитым. Что, конечно же, сбрасывало тебя на самое дно зачетной таблицы.

Террористов обычно изображали кадеты третьих курсов той же Академии. На эту роль традиционно отбирали самых агрессивных и изворотливых. Покрасовался некогда в «террористах» и отличник Гумилев... Так вот тогда, два года назад, террорист Матвей успел во всех тонкостях изучить маршрут номер девять. Тот самый, который он только что выбрал! Кажется, это и называется прухой?

Когда он наконец вырвался на простор из бесконечного, темного, заваленного крышками от грузовиков коридора под трибунами сектора А, арена показалась ему бескрайней.

Где-то впереди, над ядовитым туманом дымзавесы, зловеще краснели ряды VIP-ложи.

Справа и слева громоздились специально обрушенные металлические фермы с осветительными батареями.

Вверху седло рустованное звукопоглотительными сотами стальное небо.

Искусственные водоемы в серых морщинах ряби были похожи на акварели будущих самоубийц...

Эстетика зрелого постметамодерна, как сказала бы мама-художник!

Увы, на дальнейшее любование стадионом у Матвея совсем не было времени. Как только он засек ближайшую вешку, обозначающую девятый маршрут, он бегом бросился к ней, предусмотрительно держа наготове автомат. Он не верил, что где-то в окрестностях первой вешки схоронился некий, с позволения сказать, террорист. Уж больно много их встретилось в коридорах. Но осторожность никогда не мешала...

Террорист так и не появился.

Зато – совершенно неожиданно – раздался взрыв. Матвей готов был поклясться: два года назад в этой части маршрута никаких взрывов не было!

Если бы мина была настоящей, боевой, то Матвея уже разорвало бы на куски, невзирая ни на какой экзоскелет. А так его просто бросило вперед и – как одеялом – накрыло кубометром грязного песка. Разумеется, экзоброня «Триумф» смягчила падение как раз в той степени, чтобы было чувствительно, но не травматично.

Матвей быстро поднялся на ноги и понесся к полосе огневого заграждения.

Пламя вспыхнуло, стоило Матвею миновать кочку с жестяной табличкой «Маршрут №9». Огонь оказался не по-учебному жарким.

Термодатчик «Триумфа» принялся страстно убеждать Матвея в необходимости очень-очень быстро и очень-очень срочно убраться за пределы очага возгорания.

Конечно же, Матвей знал, что для боевого троеборья компьютеры «Триумфов» специально настраивают на повышенный алармизм. С одной стороны, это позволяет подгонять кадетов, чтобы они не засыпали на маршруте. С другой стороны, заемное электронное паникерство учит кадетов воспринимать опасности всерьез. Ведь в реальном бою все будет жарче, неотвратимее, стремительнее...

В огне не было видно ни зги. Да и тепловизор, легко догадаться, не показывал ничего, кроме сплошной засветки.

Полагаться можно было только на магнитометр и микроволновый радар. Требовалось ненаигранное хладнокровие, чтобы под непрерывный трезвон зуммера перегрева сосредоточиться на поиске прорех в желез-

ных решетках, хаотично расставленных по всей огневой полосе. Среди этого безобразия опасными, непреодолимыми рифами то тут, то там возвышались обглоданные пламенем остовы автобольных монстров.

К счастью, еще два года назад Матвей имел возможность пронаблюдать, как именно проходят полосу кадеты-выпускники. Он помнил, что два насмерть сцепившихся крупнотоннажных автопогрузчика торчат ровно по центру огневого заграждения. Правее валяется на боку механический паук-экскаватор с униформитовых копей двойного астероида Антиопы. А у противоположного края огневого поля, выбросив на пятьдесят метров грузовую стрелу, лежит подъемный кран. И, если не испугаться, перепрыгнуть через его стрелу при помощи пропульсоров, можно прилично сэкономить.

Этот бесценный опыт помог Матвею. Он выскочил из огня на две секунды раньше нормативного времени, тем самым установив рекорд курса...

Однако радость по поводу быстрого успеха сыграла с Матвеем злую шутку. Он совершенно позабыл о рядах волчьих ям, поджидавших счастливиц за стеной огня.

Никакой осторожности не проявил Матвей, ступая широко и беззаботно. Поэтому, когда грунт под его ступнями просел и ухнул вниз, он был так изумлен, что даже закричал!

– Святые угодники! – Матвей рухнул в огромный клубок ржавой проволоки, заполнявший собою все дно семиметровой волчьей ямы.

На этот раз мало помог даже «Триумф». Падение с высоты третьего этажа обернулось нездоровым звоном в ушах, прокушенной губой и ненавистью ко всему живому!

– Предупреждать же надо! – орал Матвей непонятно кому. – Что за дебилизм? Кто их придумал вообще – эти ямы?

«Триумф» вколол ему небольшую дозу успокоительного.

Вещество подействовало быстро. Первый шок отступил. Матвей, кляня себя за то, что не сделал этого сразу же, включил пропульсивные двигатели экзоскелета.

Его тело грузно взмыло над ржавым хаосом волчьей ямы и вскоре приземлилось на твердом грунте.

Но не успел Матвей встать на ноги, как земля вокруг него вскипела ярко-желтыми фонтанчиками маркерной краски. Его определенно обстреливал из учебного автомата бойкий условный террорист.

Еще несколько маркерных пуль достигли цели, обляпав краской правое бедро Матвея.

– Четыре прямых попадания, – ледяным тоном отметил борткомпьютер экзоскелета.

Матвей быстро засек стреляющего. И сразу же наказал его гранатой из метательной мортирки, встроенной в левый рукав «Триумфа».

– Ваш противник убит, – сухо констатировал борткомпьютер.

Время поджимало. Матвей побежал вперед к очередной вешке, однако не успел преодолеть и половину пути, как интуиция швырнула его на землю.

И правильно! Сразу несколько очередей пронеслись слева и справа от него.

Он снова выстрелил гранатой. Но на этот раз гранатой-обозревателем, которая по инфракрасному излучению засекла обоих стрелявших и передала данные борткомпьютеру «Триумфа».

Мгновенно оценив обстановку, Матвей стремительно откатился за глиняный бугор, испещренный следами былых боевых стрельб из лазерных пушек.

Итак, согласно полученной от гранаты-разведчика информации первый стрелок находился в замаскированном окопе, метрах в сорока от Матвея.

Второй засел в специальном гнезде, устроенном за щитом на лежащей посреди трибуны металлической ферме. К этому щиту крепились прожектора – теперь, конечно, обесточенные.

«Хитро... Хитро! Два года назад такого не было!» – впечатлился Матвей.

Конечно, больше всего Гумилеву сейчас хотелось плюнуть на обоих автоматчиков и, настроив экзоскелет на максимальную мощность, без оглядки рвануть к финишу, который был близок, ослепляюще близок!

Увы, еще несколько прямых попаданий и, в полном соответствии с правилами боевого троеборья, борткомпьютер «Триумфа», посчитав Матвея «условно убитым», заблокирует все двигательные функции скафандра. Тогда он, Матвей, попросту окаменеет, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой, как какой-нибудь сказочный персонаж, сраженный силой магического заклятья.

Поэтому, теряя драгоценные секунды, Матвей был вынужден вступить в перестрелку.

К счастью, третий курс – не пятый. Стреляли господа террористы посредственно. Матвей, ежедневно упражнявшийся в тире, легко справился и с обитателем гнезда, и с его товарищем из окопа.

Теперь оптимальным было бы долететь до финиша на пропульсорах. Но они, как назло, считались условно уничтоженными.

Поэтому последнее препятствие – бассейн пятиметровой глубины, заполненный непроглядно-бурой грязной водой – Матвей был вынужден преодолевать по дну, пешком.

Матвей брел по дну бассейна.

– Температура воды – четыре градуса... Интегральная степень загрязнения – восемнадцать... Наличие токсичных веществ устанавливается... Высокое содержание теллура... Обнаружены изотопы технеция... – занудствовал борткомпьютер.

Теллур – ядовитая штука. Технеций – радиоактивная. Но, покуда он защищен герметичной экзоброней, оба редких пришельца из таблицы Менделеева ему не страшны.

Страшнее всего в таких бассейнах – потеря ориентации.

Впереди не было видно ровным счетом ничего. Тепловизор, как и положено в воде, не работал. Сонаром экзоскелеты «Триумф» оснащены не были («Серьезный, кстати, просчет!» – подумал Матвей). Ориентироваться приходилось исключительно по показаниям гироскопа.

Он знал, что ему нужно выдерживать азимут восемьдесят. Его и выдерживал. После недавних подвигов – со стрельбой, полетами и огненными стенами – происходящее казалось скуловоротно скучным и невыразимо медленным...

Чтобы как-то взбодриться, Матвей принялся напевать вертящийся на языке у каждого кадета гимн Академии имени Чкалова:

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродрома...*

В аккурат на «огнях аэродрома» Матвей первый раз обратил внимание на то, что как-то подозрительно сильно вспотели ступни. А на «надо только выучиться ждать» он с ужасом осознал: это не пот!

Ноги его хлупают в ледяной воде! И она, судя по всему, прибывает! Водичка явно поступала внутрь экзоскелета через течь в армированной обшивке...

«Чертов борткомпьютер! – Матвей негодовал. – Загружал тут всякую ерунду про степень загрязнения, которая мне, прямо скажем, до заднего места! А самого важного, про разгерметизацию скафандра, не сказал! Скафандр «Триумф» – триумф дурости и кривого программирования борткомпьютера!»

Однако даже несмотря на форс-мажор, Матвей до последней секунды не оставлял надежды добежать в экзоскелете до края водного препятствия!

Лишь когда вода дошла ему до груди, он сдался. Уж как ему не хотелось выныривать на поверхность и, глотая ледяную радиоактивную воду, плыть к краю бассейна этаким инженеру с космолайнера «Титаник», тонущего в океане Энцелада... А пришлось!

Сцепив зубы, Матвей потребовал экстренного раскрытия скафандра и, не слушая предостережений по-идиотски заботливого борткомпьютера, выскользнул, как цыпленок из скорлупы, в объятия враждебной стихии.

Он вынырнул. Жадно схватил губами стылый, едко пахнущий гарью воздух.

– Надежда – мой компас земной... Ага-ага, – Матвей улыбнулся.

Прямо перед ним краснели VIP-трибуны. Где-то там, знал он, схоронились посредники-наблюдатели, медики, операторы техсредств полигона, там гоняют чаи отстоявшие смену «террористы» и ерничают журналисты из академической малотиражки «Полет»...

«Интересно, как будет называться заметка о моем конфузе? «Случай в теллурово-технециевом бассейне»? «Три гадких «Т» убивают кадета Гумилева»? Или все же просто «Позор «Триумфа»?»

Увы, вода имела температуру, начисто исключающую возможность длительных раздумий. Энергичным кролем Матвей рванул к берегу.

На воздухе было даже холоднее, чем в воде.

Бессильное термобелье облепило тело Матвея, и он стал похож на человека-амфибию из старинных фильмов. С его густых волос жизнеутверждающе текло за шиворот. Очень хотелось горячего шоколада в махровых объятиях банного халата. До этих радостей – рукой подать! Однако...

– Мать моя черная дыра! – выругался Матвей, когда до него дошло, что бассейн – отнюдь не последний аттракцион на маршруте номер девять. – Вот тебе и пруха...

То, что он поначалу принял за ограждение арены, оказалось стеной пластикового лабиринта. Его, в соответствии с принятой в троеборье тактикой, было проще всего пройти, проламывая стены экзоскелетом как тараном.

Выглядело это довольно зрелищно – во все стороны брызжут обломки, крошатся переборки... Матвею некстати вспомнилось, как он, будучи террористом, снимал такие прохождения на портативную камеру своих мультчасов, чтобы показать потом родителям, мол, вот она какая – жизнь кадетская...

Увы, экзоскелет покоился на дне бассейна. А это означало, что Матвею придется пробежать лабиринт по-честному, руководствуясь правилом правой руки. Пробежать со всеми его тупиками, развилками и обманами...

...Когда в аккурат под надписью «Финиш» Матвей обмяк на руках ринувшихся к нему дюжих медиков, в волосах у него звенели сосульки.

– Кадет Гумилев! Вы с ума сошли?! Это возмутительно! Где ваш экзоскелет?! – напустился на него посредник майор Андрейченко.

Превозмогая головокружение и тошноту – уже проявлялись симптомы отравления теллуrom, – Матвей кое-как вытянулся по стойке «смирно» и, еле дыша, доложил:

– Господин!.. Майор!.. Кадет Гумилев!.. Прохождение... Боевого троеборья!.. Завершил! Экзоскелет... утрачен вследствие... его... разгерметизации!

– Разгерметизации? – брови майора удивленно взлетели на лоб. – Как такое может быть?! Да я двадцать лет в армии! Такой случай был только один раз! Чтобы разгерметизация «Триумфа»! В таких-то тепличных условиях! Ты мне что, лапшу на уши вешаешь?

– Никак нет!.. Господин майор!.. Не вешаю!.. Экзоскелет доступен... для обследования... Лежит на дне бассейна...

– Ладно... Обследуем, конечно, – скрывая свое замешательство, майор покачал головой, с жалостью глядя на озябшего, ободранного кадета, которого медики, как следует обмыв антирадом, пеленали в спасительное термоодеяло и обкалывали антидотами. – А пока отправляйся-ка в медпункт. Там медсестры сегодня о-очень милостивые.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 10,4 мм	3
ГЛАВА ВТОРАЯ Наследство	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Серебряный конь	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Метаморфозы	40
ГЛАВА ПЯТАЯ Профессор	50
ГЛАВА ШЕСТАЯ В западне	64
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Рождение Темуджина	72
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Пристальное внимание	82
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Повестка	89
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Черное озеро	102
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ «Еще вздрогнет небо от копоты!»	115

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Гости из прошлого	125
ГЛАВА СЛЕДУЮЩАЯ Колесико	136
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ «И вновь продолжается бой!»	149
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ В путь!	161
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ За речкой	171
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ «Золотой дух»	187
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ Бремя белого человека	198
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ Спасение	210
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ Между жизнью и смертью	221
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ Тайна Чингисхана	230

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва. Солянка, дом 1
Зеленый город
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

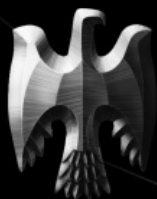

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва. Солянка, дом 1
Тайга. Река Ада
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада

Имя	Адольф
Фамилия	Гитлер
Время действия	1942 год н. э.
Возраст	53 года
Адрес	Берлин, Вильгельмштрассе, 77
Локация	Ставка «Вервольф» под Винницей
Предмет	Орел
Дар	Убеждение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Революция

Имя	Николай
Фамилия	Романов
Время действия	1891 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Царское Село
Локация	Япония. Оцу. Фрегат «Память Азова»
Предмет	Кот
Дар	Образы будущего
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Миллиардер

Имя	Андрей
Отчество	Львович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2008 год н.э.
Возраст	35 лет
Адрес	Москва, Жуковка
Локация	Арктика. Атомный ледокол «Россия»
Предмет	Отсутствует
Дар	Интуиция
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Сомнамбула

Имя	Матвей
Отчество	Степанович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2468 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Луна, Новая Москва
Локация	Орбита Марса. Градус Забвения
Предмет	Отсутствует
Дар	Отвага
Сайт	www.ethnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Сергей Волков

ЧИНГИСХАН

Книга первая

Повелитель Страха

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Полина Масимова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.02.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32